

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ НА КАВКАЗѢ

съ 1835 по 1842 годъ.

1835 ГОДЪ.

I.

Выѣздъ изъ г. Ставрополя въ отрядъ, предназначенный къ продолженію устройства операціонной укрѣпленной линіи отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона на р. Кубани, до сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря. Курьезный случай, ускорившій мою поѣздку. Расположеніе и составъ отряда. Положеніе лицъ сосланныхъ въ ряды кавказскихъ войскъ. Прибытіе на сборный пунктъ начальника отряда генералъ-лейтенанта Вельяминова. Первое движеніе отряда въ полномъ его составѣ. Порядокъ марша всей колонны. Ночлегъ на Кунипсѣ. Пожаръ въ степи на пути слѣдованія отряда. Черкесская безвредная артилерія. Укрѣпленіе Абинъ. Истребленіе окрестныхъ ауловъ.

Получивъ, по ходатайству плацъ-маіора О. Н. Суходольскаго, отъ ставропольскаго коменданта полковника Афанасія Кириловича Масловскаго, открытый приказъ на взываніе по казачьимъ станицамъ обывательскихъ почтовыхъ лошадей, безъ прогоновъ, отъ г. Ставрополя до сборнаго пункта отряда, въ лагерьъ при укр. Ольгинскомъ, я выѣхалъ изъ города, часу въ 10-мъ утра, мая 20-го, выѣстѣ съ опредѣлившимися на службу въ тотъ же тенгинскій полкъ юнкеромъ Ми-

гринымъ. 23-го числа въ полдень мы прибыли въ станицу Казанскую, штабъ-квартиру кавказскаго казачьяго полка, сдѣлавъ въ трое сутокъ не болѣе 120 верстъ; а между тѣмъ намъ оставалось до Ольгинскаго тетъ-де-пона еще безъ малаго 300 верстъ, и меня огорчала мысль, что я опоздаю ко времени выступленія отряда въ горы, чрезъ что могу пропустить экспедицію. Но судьба ускорила мою поѣздки довольно курьезнымъ случаемъ: этимъ казачьимъ полкомъ командовалъ полковникъ Мевашевъ, кавказскій служака временъ Алексѣя Петровича Ермолова, у котораго онъ, по рассказамъ казаковъ, былъ на счету самыхъ храбрыхъ и распорядительныхъ урядниковъ, а въ офицерскихъ чинахъ состоялъ при графѣ Паскевичѣ и служилъ года три въ Варшавѣ, гдѣ и научился довольно бойко говорить попольски. Въ дорогѣ на мнѣ была надѣта венгерка изъ передѣланнаго офицерскаго сюртука и офицерская шинель, на которой красный стоячій воротникъ замѣненъ былъ бархатнымъ отворотнымъ; на груди серебряная медаль на георгиевской лентѣ за турецкую войну 1828 и 1829 годовъ. Когда мы подъѣхали къ станичному правленію,—станичный начальникъ, статный, красивой наружности урядникъ, съ знакомъ отличія ордена св. Георгія и турецкою медалью на груди, получивъ отъ меня открытое предписаніе, посмотрѣлъ на меня съ особеннымъ вниманіемъ и спросилъ: „Вы откуда пожаловали къ намъ на Кавказъ?“—Изъ Царства Польскаго. „А!.. понимаю;—вернулся и ушелъ. Прошло съ полчаса времени. Мигрицъ, который часто выходилъ на улицу, наконецъ, вошелъ въ комнату съ видимымъ беспокойствомъ. —Къ намъ приставили часоваго, сказалъ онъ, и, конечно, все это по милости вашей: я говорилъ вамъ, что не надо выѣзжать въ понедѣльникъ. (Онъ былъ мало развитъ; часомъ говорилъ вздоръ и безпрестанно улыбался). Я вышелъ въ сѣни и замѣтилъ, что дѣйствительно около нашихъ дверей стоитъ казакъ съ обнаженною палкою. Я подошелъ къ старикамъ, собравшимся въ углу сѣней, и спросилъ: нельзя-ли, господа старики, гдѣ нибудь что либо намъ пе-

рехватить?—Нельзя, *ваше сіятельство*, васъ не вѣрно выпускать; вотъ станичный воротится отъ командира, онъ скажетъ, что съ вами дѣлать.—Что за оказія! подумадъ я и воротился въ комнату. Смотрю—Мигри горючею не на шутку, чуть-чуть не плачетъ; я едва могъ его усовестить. Наконецъ, входитъ урядникъ и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: „Васъ, вмѣстѣ съ вашимъ товарищемъ, полковой командиръ проситъ къ себѣ“. Мы пошли. Едва я вошелъ въ залъ, полковникъ вышелъ изъ кабинета и, протягивая мнѣ руку, говоритъ: „Як-се-маншъ, пане грабе!“.—Вы ошибаетесь, полковникъ; позвольте... За нузьдно, пане грабе; проше зачекаць; заразъ я напише и панъ позруцишь до Ставрополя; а тымъ часемъ проше законсиць“. Съ этимъ словомъ онъ отворилъ дверь въ столовую, гдѣ дѣйствительно была приготовлена приличная закуска. Радужный пріемъ и внимательное, хотя странное для меня, обращеніе полковника, послѣ двухъ рюмокъ водки и стакана марсалы, развязали мой языкъ, и я бойко заговорилъ съ нимъ попольски. Это еще больше усилило его подозрѣніе; но за кого онъ меня принималъ,—я никакъ догадаться не могъ. Между тѣмъ, никакія разувѣренія и доказательства о моей личности не заставили его снять съ меня арестъ; мнѣ удалось только уговорить его отпразднать меня въ отрядъ, а не назадъ въ Ставрополь. Наконецъ, доложили ему, что тройка для насъ готова, и наши вещи уложены. Полковникъ, въ присутствіи нашего, вручая уряднику, назначенному насъ сопровождать, конвертъ, приказалъ слѣдовать день и ночь, и прямо доставить насъ въ походное дежурство отряда съ конвертомъ на имя начальника походнаго штаба.—Когда мы сѣли, насъ окружилъ конвой въ числѣ четырехъ казаковъ, а урядникъ, получившій конвертъ, усѣлся рядомъ съ ямщикомъ лицомъ къ намъ. Мы неслись день и ночь; урядникъ, при перемѣнѣ лошадей, не спускалъ съ меня глазъ ни на минуту,—и наконецъ, 27 числа вечеромъ, часовъ въ 6, мы переправились чрезъ Кубань на паромѣ и въѣхали въ ворота Ольгинскаго укрѣпленія, съ правой стороны которыхъ находился

флигель, гдѣ помѣщался воинскій начальникъ. На маленькой галереѣ этого деревяннаго строенія, за чайнымъ столикомъ, сидѣли: походный начальникъ штаба полковникъ Марцелинъ Матвѣевичъ Ольшевскій и дежурный штабъ-офицеръ подполковникъ князь Шаховской (*); тутъ было человѣка три военныхъ,—но какъ, по принятой здѣсь формѣ, всѣ были безъ эполетъ, имѣя вмѣсто сабель и шпагъ на узенькомъ ремнѣ, чрезъ правое плечо, черкесскія сабли, называемыя пашками, то къ какому роду войскъ они принадлежали, какіе имѣли чины—опредѣлить было нельзя. Урядникъ быстро соскочилъ съ повозки, а я вслѣдъ за нимъ. Едва урядникъ подалъ конвертъ начальнику штаба, тотъ, увидя меня входящаго по маленькому крылечку на галерею, всталъ, подалъ мнѣ руку и, не распечатывая еще конверта, привѣтствовалъ словами: «Вотъ съ какимъ парадомъ вы прикатили въ отрядъ.» Затѣмъ, распечатавъ конвертъ, разсмѣялся и, передавъ бумагу князю Шаховскому, сказалъ уряднику: «кланяйся полковнику и благодари,—отвѣтъ онъ получитъ завтра, ты самъ его отвезешь». Тутъ-же вскорѣ объяснилась ошибка. Послѣ усмиренія мятежа въ Царствѣ Польскомъ, многіе изъ военно-плѣнныхъ офицеровъ, „польскихъ повстанцевъ“, то есть неслужившихъ въ бывшихъ польскихъ войскахъ, а сгавшихъ въ ряды вновь сформированныхъ во время возмущенія ратниковъ, будучи отправлены на Кавказъ, бѣжали съ дороги; въ числѣ ихъ былъ нѣкто графъ Лядуховскій—товарищъ князя Сангушки, возвращеннаго изъ Сибири и служившаго въ то время въ тегинскомъ полку, о которомъ котораго сдѣлано было секретное распоряженіе. Левашевъ принялъ меня за пана Лядуховскаго, по описанію его примѣтъ, къ числу которыхъ принадлежали также серебряныя очки и венгерка. Марцелинъ Матвѣевичъ пригласилъ меня къ

(*) Начальникомъ штаба войскъ кавказской линіи и Черноморіи былъ генералъ-маіоръ Петровъ, а дежурнымъ штабъ-офицеромъ полковникъ Лещенко;—оба они оставались въ Ставрополѣ.

чаю; я рассказалъ ему встрѣчу мою съ Левашевымъ; затѣмъ, онъ приказалъ мнѣ отправиться въ лагерь и явиться полковому адъютанту, которому уже извѣстно было о моемъ назначеніи, а по пробитіи зори просилъ придти къ нему ужинать.

Адъютантъ штабсъ-капитанъ Корецкій принялъ меня весьма ласково, самъ пошелъ со мною къ штабсъ-капитану Никандру Ивановичу Есипову, командиру 11-й мушкетерской роты, въ которую я уже былъ назначенъ. Тотъ принялъ меня также весьма внимательно и приказалъ вѣстовому указать мнѣ палатку, предназначенную для разжалованныхъ. Это была обыкновенная солдатская палатка, разбитая на лѣвомъ флангѣ перваго ряда солдатскихъ палатокъ, величаемая дворянскою. Тутъ я нашелъ подпрапорщика изъ крымскихъ армянъ, по фамиліи Каркашъ, и трехъ бывшихъ студентовъ, леокончившихъ курсъ гимназій Царства Польскаго и попавшихъ въ плѣнъ, но служенію въ рядахъ повстанцевъ: Добскаго, Рандерата и Яворскаго.

На слѣдующій день я надѣлъ обыкновенную толстаго сукна солдатскую шинель, заготовленную мною въ Ставрополѣ, до половины на подкладкѣ темносѣраго коленкора, нацѣпилъ медаль за турецкую войну 1828 и 1829 годовъ и обошелъ лагерь. Войска были расположены въ каре, задній фасъ котораго составляла рѣка Кубань съ устроеннымъ на этомъ мѣстѣ паромомъ; три остальные фаса составляли, такъ сказать, прикрыгіе переправы, и правый фасъ занималъ тенгинскій пѣхотный полкъ; командиръ полка—полковникъ Василій Васильевичъ Кашугинъ. Этотъ фасъ обстрѣливался артилеріею фаса западнаго басгіона Ольгинскаго укрѣпленія. Лѣвый фасъ каре занималъ кабардинскій егерскій, бывшій 39-й егерскій полкъ; командиръ—полковникъ Пирятинскій; передній фасъ—навагинскій пѣхотный полкъ; командиръ—полковникъ Свѣховскій. Полевая и горная артилерія была размѣщена въ интервалахъ между баталіонами. Внутри каре помѣщались два пѣшихъ полка черноморскаго казачьяго войска и двѣ конныхъ сотни того же войска.

Кромѣ этихъ нерегулярныхъ войскъ, при отрядѣ находились конныя мингрельская и имеретинская дружины, которыми командовалъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка штабсъ-ротмистръ Потоцкій. Нижніе чины регулярныхъ полковъ носили сапоги съ длинными голенищами, черкесскія шапки разныхъ видовъ; были и форменныя фуражныя шапки, но съ козырьками; на форменныя шинели нашивы, по образцу линейныхъ казаковъ и горцевъ, суконные разноцвѣтные патронташи, показачьему «хазыри», для пяти или шести патроновъ съ каждой стороны груди; остальные патроны, числомъ до 60-ти, имѣлись въ форменныхъ лакированныхъ сумахъ, на замшевыхъ перевязяхъ, которыя у пѣхотныхъ солдатъ во время похода выворачивались наизнанку, чтобы не служили въ лѣсной мѣстности цѣлью для непріятеля, такъ какъ лицевая сторона бѣлилась мѣломъ на клею и отпаривывалась зубкомъ, также какъ и на португезяхъ; по этихъ послѣднихъ въ экспедиціи не брали; ихъ назначеніе было поддерживать у мушкетеровъ штыковые ножны, а у гренадеръ тесаки;—а такъ какъ войска въ экспедиціяхъ никогда не отмыкали штыковъ, то и въ португезяхъ при такихъ походахъ не было надобности. Въ егерскихъ полкахъ перевязи и португеи были черной лакированной кожи, чистились воскомъ и щеткою; вмѣсто ранцевъ войска имѣли холщевые мѣшочки. Черноморскіе казаки: конные—имѣли, кромѣ ружья и сабли, длинныя пики; пѣшіе—ружье безъ штыка и короткое копье въ ростъ человека съ сучковатымъ древкомъ, прозванные ими „пидсохою“, которою они, взбираясь на горы, подпирались, а сучками древка хватились при подъемѣ въ лѣсахъ за кусты и сучья деревьевъ; при стрѣльбѣ же копье выкалывали въ землю, и на сучья, для вѣрности прицѣла, клали дуло ружья, подобно тому какъ горцы и линейные казаки, для этой же надобности, имѣютъ при ружьѣ треножки, состоящія изъ трехъ, въ мизинецъ толщины, тросточекъ, соединенныхъ въ верхней части ремешкомъ. Да и дѣйствительно, въ гористыхъ мѣстностяхъ несовсѣмъ то удобно дѣйствовать штыкомъ,—

еще въ 1779 году князь Потемкинъ доказывалъ преимущество сабель надъ пѣтыками при атакѣ на мѣстахъ неровныхъ. Всѣ пѣхотныя войска въ отрядѣ, на мѣстѣ и на походѣ строились въ двѣ шеренги, тогда какъ во всей русской арміи весь фронтъ, въ колоннахъ и деплоядахъ, съ давняго времени строится въ три шеренги, исключая двухъ случаевъ: при вызовѣ застрѣльчиковъ изъ фронта и при исполненіи, по приговору, наказанія шпицрутенами.

Внутри каре, кромѣ обоза и маркигантовъ, была разбита походная кабардинскаго егерскаго полка церковь, съ богатымъ иконостасомъ, на которомъ мѣстные большіе во весь ростъ образа святыхъ были въ ризахъ чистаго серебра; надъ сѣверными и южными дверьми надпись: „Пожертвованъ въ 1793 году командиромъ полка полковникомъ графомъ Ѳеодоромъ Александровичемъ Апраксинымъ (*).

На правомъ берегу Кубани находился казачій постъ, при немъ провіантскій магазинъ; провіантъ сложенъ былъ на открытомъ воздухѣ въ бунтахъ, ярусами, подъ брезентами; къ этому мѣсту ежедневно съѣзжался изъ ближайшихъ, разумѣется, мирныхъ ауловъ и станицъ, для отряда базаръ.

Нашимъ 4-мъ баталіономъ командовалъ подполковникъ Яковъ Ларіоновичъ Федоровъ, старикъ съ золотымъ крестомъ за взятіе въ 1811 году Базарджика; его два сына, Владиміръ и Павелъ, служили въ нашемъ полку юнкерами, которыхъ вообще въ нашихъ полкахъ, также какъ и разжалованныхъ, было очень много; первые служили волею, вторые—неволею; первые, недоучившись и не надѣясь на свою голову, думали грудью добиться перваго офицер-

(*) Графъ Ѳеодоръ Александровичъ, сынъ гвардіи капитана графа Александра Ѳеодоровича, родился въ 1754 году, оставилъ Кавказъ въ 1794 году, будучи назначенъ командиромъ брянскаго пѣхотнаго полка; а съ производствомъ въ генераль-маіоры, уволенъ въ отставку и умеръ въ 1814 году въ С.-Петербургѣ отъ полученныхъ въ сраженіи ранъ.

скаго чина; вторые, слишкомъ переучившись, впади въ лжеумствованіе—главное начало всѣхъ погрѣшностей и пороковъ человѣка, заставившее ихъ купить трудомъ и кровью то, что потеряли отъ ошибочнаго мышленія о призваніи и назначеніи человѣка. Какъ нравственно разнообразны ошибки человѣка, зависящія отъ степени образованія, ума и сердца, такъ разнообразно было общество разжалованныхъ въ нашихъ полкахъ (*). Но надо отдать полную справедливость кавказскому начальству, которое, начиная отъ высшихъ властей до ротныхъ командировъ—прямыхъ и самыхъ ближайшихъ начальниковъ этого класса служившихъ въ кавказскихъ войскахъ,—какъ въ походѣ, такъ и на квартирахъ, было къ нимъ необыкновенно внимательно и снисходительно. Конечно, это вниманіе соображалось съ причиною деградаций и съ образомъ жизни разжалованнаго въ его настоящемъ положеніи. Въ нашемъ баталіонѣ, въ числѣ 9-ти такого сорта людей, кромѣ меня, былъ еще одинъ только русскій, именно—разжалованный изъ поручиковъ гродненскаго гусарскаго полка Николай Петровичъ Колюбакинъ, человѣкъ благовоспитанный, хорошо образованный, честный и благонамѣренный, но самолюбивый до высшей степени и горячій; онъ владѣлъ хорошо (кромѣ французскаго) польскимъ языкомъ и, какъ бывшій подъ Варшавою въ 1831 году—и даже при одной атакѣ въ эту войну раненъ саблею въ ногу — любилъ поговорить объ этомъ времени съ участниками противной намъ стороны, поляками. Тутъ всегда завязывался диспутъ; онъ стрѣлялъ оскорбительными фразами, и иногда дѣло принимало серьезный видъ. Одинъ разъ мнѣ пришлось мирить противниковъ, когда оба они схватились за солдатскія ружья, и Н. П. первымъ. Хороша бы была дуэль!—такъ покрайней мѣрѣ они оба величали свое столкновение.

(*) Въ нихъ были: бывшіе князья, графы, офицеры, священники, ксендзы, профессора, художники, чиновники, кадеты и проч.

Вскорѣ послѣ моего поступленія въ полкъ, прибылъ въ отрядъ начальникъ нашей 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Малиновскій; при немъ были адъютантами капитаны Иванъ Михайловичъ Лабинцевъ и Семенъ Ильичъ Хлюпинъ. Его превосходительство, не зная съ какою цѣлью, пожелалъ видѣть всѣхъ разжалованныхъ. И вотъ, въ назначенный день всѣхъ насъ собрали передъ правымъ фасомъ отряднаго лагернаго кара и построили въ одну шеренгу. Генералъ пошелъ по фронту и каждаго изъ насъ спрашивалъ ласково и самымъ учтивымъ образомъ: давно-ли и за что разжалованъ? При этомъ два отвѣта были замѣчательны своею оригинальностью: между нами было нѣсколько лицъ попавшихъ въ солдаты на основаніи приговора Верховнаго уголовного суда 1826 года, по извѣстному событію 14-го декабря 1825 года; нѣкоторые изъ нихъ побывали въ Сибири. Всѣхъ ихъ, по эпохѣ событія, называли декабристами. Во фронтѣ мы были перемѣшаны и стояли по старшинству полковъ, баталіоновъ и ротъ; при этомъ находились командиры полковъ и начальники сказанныхъ частей. Генералъ, подойдя къ одному отданному въ солдаты изъ коллежскихъ секретарей, по приговору суда уголовной палаты, за дикойство во время холеры 1831 года, и окинувъ взглядомъ его довольно представительную фізіономію, спросилъ: «Вы изъ декабристовъ?»—Нѣтъ, ваше превосходительство, изъ ноябристовъ; 16-го ноября состоялся мой приговоръ.—Генералъ, кивнувъ головою, прошелъ далѣе. Черезъ два человѣка отъ меня стоялъ бывшій коллежскій регистраторъ Шишкинъ. «Вы за что?»—Нанесъ маленькую непріятность отцу. «Какъ?»—Нечаянно въ горячности ударилъ его два раза палкой. Генералъ покачалъ головою, и затѣмъ уже не спрашивалъ за что, а только: давно-ли и гдѣ прежде служили.

Можно вообразить, сколь разнообразны были наши преступленія, а наказаніе всѣмъ одно и тоже; если же къ этому присовокупить, что помѣщики своихъ крѣпостныхъ людей и общества податнаго состоянія своихъ сочленовъ, по своимъ приговорамъ,

отдаютъ въ солдаты, при неспособности же—ссылаютъ въ Сибирь на поселеніе, то невольно подумаешь: какъ у насъ унижено званіе солдата—этого безкорыстнаго труженика для славы и защиты отечества! А если добавить къ этому, въ какихъ ежовыхъ рукавицахъ онъ долженъ прожить 25, а иногда и 30 лѣтъ лучшаго своего возраста, то повѣришь истинѣ простонародной русской пѣсни, которую зачастую можно слышать въ деревняхъ великороссійскихъ губерній:

„

„ Глянь, деревни всѣ ревуть:

„ Ваньку въ некруты ведутъ.

„ Ай валина! ай малина!...

„ Пальцы рубить, зубы рветъ,—(*)

„ Въ службу царскую нейдетъ.

„ Ай валина! ай малина!“

Да и правда: у насъ, на святой Руси, для простаго народа только и хорошаго, что малина да калина.

Проживая въ лагерѣ безъ служебныхъ занятій, я записалъ стихами впечатлѣнія, произведенныя на меня природою Кавказа, со времени прибытія моего въ мартъ мѣсяцѣ въ Ставрополь до переправы чрезъ Кубань въ отрядъ:

Весна на Кавказѣ.

Голоднымъ волкомъ завываетъ

И львомъ реветъ, и свищетъ вѣтръ въ горахъ;

То съ шумомъ лѣсъ угрюмый закачаетъ,

То пыль подыметъ на скалахъ.

Какъ змѣи, съ горъ шипятъ въ равнины

(*) Для лишенія себя возможности исполнять команду «скуси патронъ».

Потоки мутные,—а съ ледяной вершины
Скатились глыбы мерзлыя снѣговъ.
Сердитый Терекъ вышелъ изъ береговъ
И затопилъ окрестныя долины;
Кубань сломала ледъ, мутна течетъ въ берегахъ.
Наѣздовъ нѣтъ—глубоки броды.
Черкесъ, убогій рабъ свободы,
Скушаетъ, на чело надвинувъ свой папахъ.
Кой гдѣ луга зазеленѣли;
За плугомъ весело оратаи запѣли;
И ландышъ съ розою, подрукою полей,
Роскошно расцвѣли весеннею краскою,
И незабудочки, гирляндой голубою,
Украсили ручей.
Привѣтствуютъ весну: казакъ, черкесъ, оратай,
Звѣрь, птица, червь, убогій и богатый.
Но вотъ, изъ горъ холодный вѣтръ завылъ,—
Дубравы зашумѣли,
И снѣгъ цвѣты, луга покрылъ,
И нивы посѣдѣли. . .
Измѣнчиво весна природу здѣсь лелѣетъ,
Недолго жителя Кавказа веселить:
Какъ дѣва хитрая, обворожить умѣетъ
И, какъ она, умѣетъ измѣнить.

На берегу Кубани.

Шумигъ Кубань въ берегахъ широкихъ,
Сверкаетъ мутною волной.
Вдали вершины горъ высокихъ

Раскинулись неправильной грядой;
Средь нихъ Эльбрусъ кремнистый плащъ накинулъ
На ребра твердыя, какъ кованый булатъ;
А на чело, какъ дикій азятъ,
Онъ снѣжную чалму надвинулъ. . . .
Не здѣсь ли ко скалѣ твоей,
Гигантъ, наказанный богами,
Хотѣвшій неба громъ похитить, Прометей,
Прикованъ былъ тяжелыми цѣпями?
Привѣтствую тебя, Кавказъ,
Съ твоими пропастью, съ картинными скалами!
Ермоловъ—нашъ орелъ, не разъ,
Здѣсь спорилъ съ дикими врагами.
Въ твоихъ ущельяхъ здѣсь живутъ
Къ разбоямъ, гибели привыкшіе народы.
Изъ горъ твоихъ лѣсистыхъ бьютъ
Цѣлительныя воды.
Смерть рыщетъ жадная въ горахъ,
Какъ разъяренный тигръ средь лѣса;
И человѣка кровь здѣсь стынетъ на штыкахъ,
И запекается на шашкѣ у черкеса.

Путь отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона къ укрѣпленію Абинскому пролегаетъ до р. Кунипса по болотистой мѣстности, называемой лаго-фишскія и аушедскія болота, образовавшіяся, какъ кажется, отъ разлива протекающихъ чрезъ эту мѣстность горныхъ рѣчекъ: Пше-цизъ, большой и малый Кунипсъ. Чрезъ эти рѣчки и болота, еще въ экспедицію 1834 г., отъ укр. Ольгинскаго до Абина, откуда отрядъ чрезъ хребетъ Маркютхо прошелъ къ Геленджикъ,—устроены были плотины; но онѣ не были еще совершенно окончены и

требовали расширенія и поправки,—а потому, для этой надобности, почти ежедневно, подъ начальствомъ кого либо изъ генераловъ, бывшихъ въ отрядѣ, или полковыхъ командировъ, посылались рабочія команды отъ пѣшихъ казачьихъ полковъ, подъ прикрытіемъ двухъ-трехъ баталіоновъ, при орудіяхъ. Во время исправленія этой дороги почти не было перестрѣлокъ; только 15-го и 16-го іюня, когда работа производилась на р. Кунисѣ, завязалась довольно сильная перестрѣлка; но какъ эта мѣстность совершенно ровная, и только изрѣдка попадаются на ней пѣрелѣски и кустарники, то дѣйствіемъ картечи мы скоро заставили горцевъ отступить. Впрочемъ, въ нашемъ баталіонѣ и въ 1-мъ бат. навагинскаго полка, которымъ командовалъ подполковникъ Михаилъ Петровичъ Подтининъ, оказалось до 20-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ и одинъ артиллеристъ убитъ.

Въ первыхъ числахъ іюля прибылъ въ отрядъ командующій войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генераль-лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ. (*) Съ его пріѣздомъ начали готовиться къ походу для продолженія устройства удобнаго и безопаснаго пути отъ Кубани до Чернаго моря,—и наконецъ, 14-го іюля, назначено было выступленіе. Съ полуночи войска и обозы начали выходить на позицію. Такъ какъ цѣль экспедиціи состояла въ возведеніи укрѣпленій временныхъ, но не полевыхъ, съ прочными помѣщеніями для гарнизоновъ, госпиталей, для предметовъ военныхъ снабженій, съ запасами провіанта и продовольственныхъ припасовъ,—то поэтому, при отрядѣ находился конно-подвижной транспортъ, которымъ завѣдывалъ маіоръ Спиридонъ Николаевичъ Анастасевъ; самый же транспортъ состоялъ изъ

(*) Тотъ самый, который былъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ начальникомъ корпуснаго штаба; а родной братъ его Иванъ Александровичъ, генераль-лейтенантъ, въ то же время, не рѣдко—за отсутствіемъ Ермолова, командовалъ корпусомъ.

2 т. повозокъ или, лучше сказать, фургоновъ; каждая такая повозка въ пару лошадей, по длинѣ дороги, должна была занять никакъ не менѣе трехъ сажень; а какъ часть изъ нихъ раздвигали для накладки бревенъ и досокъ, то, разумѣется, длина ихъ утроивалась. Прибавьте къ этому артилерійскіе и полковые обозы, да до 50 верблюдовъ съ व्यюками кибитокъ и провизіи для начальника отряда и штаба, то вы можете вообразить протяженіе такой колонны. Вотъ по этой причинѣ, чтобы по возможности сократить протяженіе въ длину, весь обозъ для движенія выстроился поперегъ дороги въ 32 повозки въ рядъ. Дорога отъ Ольгинскаго къ Абину, какъ я уже говорилъ, идетъ чрезъ болота, на которыхъ къ этому времени были устроены плотины, и потому, этотъ порядокъ устройства на маршѣ сохранялся только до приближенія къ плотинамъ; съ переходомъ же ихъ и сообразно ихъ ширинѣ, фургоны двигались по три и по четыре въ рядъ. Всю эту массу подвижнаго, такъ сказать, населенія, окаймляли войска въ видѣ каре: въ авангардѣ два баталіона въ дивизионныхъ колоннахъ; передъ ними цѣпь застрѣльщиковъ съ резервами; при каждомъ баталіонѣ по два орудія полевой артилеріи; въ арьергардѣ точно также два баталіона съ полевыми орудіями и въ такомъ же построеніи. На правомъ и лѣвомъ фасахъ каре по четыре баталіона, при нихъ по одному горному единорогу въ двѣ лошади цугомъ. Эти баталіоны построены были развернутымъ фронтомъ; рота отъ роты имѣла дистанціи болѣе ста шаговъ. При движеніи впередъ всего отряда, тѣ же баталіоны должны были слѣдовать въ лѣвой цѣпи справа рядами, а въ правой цѣпи—слѣва рядами; цѣпи отъ колонны отстояли болѣе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Огрядъ на позицію изъ лагеря началъ выходить чуть ли не съ полуночи, а двинулся впередъ по сигнальному рожку, повторенному во всѣхъ частяхъ отряда, только въ 7 часовъ утра. Въ головѣ колонны генералъ Вельяминовъ ѣхалъ на дрожкахъ съ зрительною трубою въ рукахъ, около него осѣдланная лошадь, барабанщикъ и горнистъ

верхомъ; тутъ же штабъ отряда, адъютанты, конвой изъ мирныхъ горцевъ, подполковникъ Пшекуй—Мауковъ и въ качествѣ переводчика надворный совѣтникъ Карлъ Ивановичъ Таушъ (*). Вообще, штабъ былъ замѣчателенъ своимъ составомъ.

По волѣ Государя Императора, на время экспедиціи, для изученія малой войны въ горахъ, прикомандировывались къ полкамъ кавказскаго корпуса поручики пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ гвардіи и арміи, и допущено было поступленіе въ отрядъ волонтеровъ. Въ эту экспедицію были въ отрядѣ двѣ замѣчательныя личности: въ числѣ прикомандированныхъ считался состоящій при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ лейбъ-кирасирскаго Его Высочества полка поручикъ князь Барятинскій, находившійся при немъ съ дѣтства, и другой, какъ волонтеръ, числящійся при канцеляріи главнокомандующаго Грузіею, коллежскій секретарь камеръ-юнкеръ князь Италійскій графъ Суворовъ—Рымнискій. Этотъ послѣдній, какъ любитель музыки, обратилъ вниманіе на хоръ музыкантовъ нашего полка и при каждомъ удобномъ случаѣ дирижировалъ въ хорѣ, что, конечно, приносило пользу музыкѣ, такъ какъ дивизіонный капелмейстеръ Полинъ, получая отъ 4-хъ полковъ 12-т. р. въ годъ, жилъ почти постоянно въ Ставрополѣ.

И вотъ, 14-го іюля, въ день, назначенный для выступленія, отрядъ двинулся, какъ я сказалъ, въ семь часовъ; шель медленно, просто шагъ за шагомъ, и безпрестанно останавливался, такъ какъ колонна обоза, по приближеніи къ плотинамъ, должна была переходить чрезъ нихъ въ четыре повозки, а по переходѣ—вновь выстраиваться въ тридцать двѣ; при этомъ, въ такомъ громадномъ обозѣ

(*) Г-нъ Таушъ, и съ нимъ титулярный совѣтникъ Леонтій Яковлевичъ Любе, послѣ адрианопольскаго трактата, были посланы русскимъ правительствомъ агентами въ горы, гдѣ и находились, проживая на р. Пшадѣ, до открытія генераломъ Вельяминовымъ въ 1834 году экспедиціи, и съ того времени находились при этомъ генералѣ въ качествѣ дипломатическихъ чиновниковъ.

не могло обходиться без поломки колесъ, осей и проч., и ничего нельзя было оставлять, а надо было или тутъ же починать, или тяжести сломавшейся повозки раскладывать на другія фуры. Такимъ образомъ, наше шествіе продолжалось цѣлые сутки; къ мѣсту ночлега на р. Кунипсѣ, до котораго считаютъ 16-ть верстъ, голова колонны пришла въ 6-ть часовъ вечера, а арьергардъ сталъ бивакомъ въ полночь; въ этотъ день мы переплыли плотины черезъ болота рѣчекъ: Аушедъ, Лагофишъ, Кунипсѣ. Нашъ 4-й баталіонъ находился въ правой цѣпи; во весь этотъ день перестрѣлки не было; повидимому, чересы что то замышляли. Къ пробитію вечерней зори сигналомъ была ракета, за которою слѣдовалъ пушечный выстрѣлъ. Ночь прошла покойно, только слышенъ былъ вой шакаловъ да сигнальные свистки въ цѣпи, замѣнявшіе оклики „кто идетъ“, и изрѣдка раздавались наши ружейные выстрѣлы, преимущественно въ цѣпи арьергарда.

На другой день, 15-го числа, часу въ 5-мъ утра, отрядъ, точно въ такомъ же порядкѣ какъ пришелъ, двинулся къ Абину. Едва мы отошли верстъ пять, такъ часу въ седьмомъ или осьмомъ, теплый юго-восточный вѣтерокъ началъ доносить до насъ горѣлый запахъ, и скорѣе показался густой дымъ, а въ немъ мѣстами пламя языками, но еще очень далеко; въ тотъ же моментъ горны подали сигналы: *„Стой, нальво-круюмъ, движеніе.“* Отрядъ двинулся назадъ, и тутъ же арьергарду отдано приказаніе зажигать траву и кустарники пройденной мѣстности. Приказаніе исполнено съ быстротою, но притоптанная трава горѣла медленнѣе, чѣмъ трава передовой мѣстности, зажженная горцами; все-таки, отрядъ успѣлъ отойти назадъ настолько, что когда передовое пламя приблизилось къ авангарду, то онъ, сдѣлавшись уже арьергардомъ, стоялъ внѣ опасности на выжженной нами мѣстности. Часу во второмъ того же дня мы продолжали опять движеніе къ Абину, и хотя обозъ и колонна слѣдовали по обгорѣлому пути без-опасно, но боковыя цѣпи пробирались кустарниками не совсѣмъ

еще догорѣвшими и по горячему пеплу травы, отчего нѣкоторые изъ солдатъ попортили сапоги; вообще же, отрядъ прослѣдовалъ благополучно. По дорогѣ къ Абинѣ, въ разстояніи отъ Кунипса верстъ 5 или 6, въ лѣвой сторонѣ, въ чащѣ лѣса, видѣнъ правильный курганъ, вѣроятно насыпной, такъ какъ вся окрестная мѣстность ровная; высота этого кургана примѣрно фуговъ 30, такъ что гладкая его вершина превышала большія деревья лѣса. На этомъ курганѣ виднѣлась небольшая толпа горцевъ, и когда колонна съ нимъ поровнялась, то съ него послѣдовалъ выстрѣлъ изъ фалконета, и надъ отрядомъ просвистѣло небольшого калибра ядро; минутъ чрезъ пять—другое. Огрядъ остановился; но когда посланные туда двѣ роты навагинскаго полка, послѣ незначительной перестрѣлки, показали на вершинѣ, мы продолжали свой маршъ, и часовъ въ 6-ть вечера подошли къ укрѣпленію. Это укрѣпленіе построено въ прошломъ 1834 году, имѣетъ шесть полигоновъ, съ тремя бастіонами; на всѣхъ шести углахъ барбетъ, во флангахъ бастіоновъ прорѣзаны амбразуры, для обстрѣливанія рововъ; крѣпостные ворота обращены къ восточной сторонѣ, а къ сѣверу, на р. Абинѣ, потерна, прикрытая маленькимъ лонетомъ, который солдаты прозвали водянымъ укрѣпленіемъ, такъ какъ только этимъ путемъ укрѣпленіе снабжалось водою изъ рѣчки. Военскимъ начальникомъ въ укрѣпленіи, послѣ постройки его, оставленъ былъ съ двумя ротами навагинскаго полка майоръ Александръ Васильевичъ Перекрестовъ. Здѣсь весь отрядъ около крѣпости сталъ лагеремъ и простоялъ до 17-го августа, занимаясь рубкою лѣса на дальній пушечный выстрѣлъ; исправленіемъ, съ дополненіемъ верковъ, укрѣпленія, временныхъ помѣщеній для гарнизона и для храненія военныхъ снабженій вообще. Кромѣ этихъ занятій, почти ежедневно посылались, подъ начальствомъ генераловъ, полковыхъ командировъ и другихъ, состоявшихъ при начальникѣ отряда лицъ, небольшіе отряды для истребленія ближайшихъ къ крѣпости ауловъ. Въ этихъ набѣгахъ я не участвовалъ, такъ какъ

заболѣлъ желчною лихорадкою, отъ которой пролежалъ въ госпиталѣ десять дней, и благодаря внимательному леченію доктора Плешковского, выздоровѣлъ ко времени дальнѣйшаго движенія отряда.

II.

Дальнѣйшее движеніе отряда въ ущелье Атакуафъ. Прибытіе къ мѣсту заложения новаго укрѣпленія. Истребленіе ближайшихъ къ этому мѣсту ауловъ. Курьерный плѣнъ голыхъ горцевъ. Ограженіе нападенія на отрядъ значительной толпы шапсуговъ и натукайцевъ. Взрывъ фейерверка. Наводненіе въ лагерь. Биваки на магометанскомъ кладбищѣ. Возвращеніе изъ экспедиціи. Карантинъ при Ольгинскомъ тетъ-де-понѣ. Возвращеніе на зимнія квартиры. Тревога на кубанской кордонной линіи. Препровожденіе времени на зимнихъ квартирахъ.

17-го августа отрядъ выступилъ по направленію къ юго-востоку, въ ущелье Атакуафъ. Обозъ отряда уменьшился болѣе чѣмъ на половину, такъ какъ съ колонною двинуто было только все нужное для заложения на избранномъ мѣстѣ новаго укрѣпленія и возведенія необходимыхъ на первое время построекъ, а остальные матеріалы и запасы оставлены частію въ самомъ укрѣпленіи Абинскомъ, а частію внѣ его, гдѣ составили вагенбургъ; для охраненія послѣдняго отдѣлили два баталіона при четырехъ орудіяхъ полевой артилеріи. Отойдя отъ Абина версты полторы, мы вступили въ ущелье, по которому текла рѣчка, впадающая въ р. Абинъ. Это то ущелье и называли Атакуафъ, по имени рѣчки, текущей въ немъ довольно быстро и такъ извилисто, что мы безпрестанно должны были переходить ее въ бродъ; самое ущелье сначала представляло, казалось, ширину болѣе версты, но постепенно суживаясь, верстъ чрезъ пять, образовало такую тѣснину,

что обозъ могъ идти мѣстами не болѣе, какъ только въ четыре повозки. Боковыя цѣпи сначала шли по равнинѣ, покрытой кустарникомъ, среди котораго изрѣдка возвышались большія деревья разныхъ породъ. Постепенно поднимаясь по покатостямъ боковыхъ горъ, на которыхъ лѣсъ становился все гуще и гуще, мы, наконецъ, вошли въ тущобу и пошли по гребню высотъ; тутъ уже закипѣла перестрѣлка, неумолкавшая до мѣста ночлега. Къ вечеру, часовъ въ шесть, мы дошли до того мѣста, гдѣ предполагалось заложение укрѣпленія. Огрядъ расположился въ томъ порядкѣ, какъ шель, и сейчасъ же начали разбивать лагерь, а предъ фронтами авангарда и арьергарда дѣлать засѣлки, подъ прикрытіемъ которыхъ расположилась цѣпь съ своими резервами; роты составили ружья въ козлы передъ своими палатками, поставленными развернутымъ фронтомъ; впереди засѣлкъ, въ нѣкоторыхъ скрытыхъ мѣстахъ, залегли пѣхотные секреты. 18-го числа съ утра были двинуты небольшія колонны по разнымъ направленіямъ для истребленія ближайшихъ ауловъ, называемыхъ Научъ-Хабля. Въ этотъ день мнѣ впервые пришлось видѣть, какъ страшно война нарушаетъ спокойствіе мирной жизни (*).

Нашею колонною, состоявшею изъ 4-го баталіона тенгинскаго пѣхотнаго полка и 1-го баталіона кабардинскаго егерскаго, при 4-хъ горныхъ единорогахъ, начальствовалъ командиръ того полка полковникъ Пирятинскій. Огрядъ, вступивъ въ небольшое ущелье, по которому извивался ручей, впадающій въ рѣчку Атакуафъ, началъ встрѣчать отдѣльныя сакли и при нихъ плетневые загоны для лошадей и мелкой скотины; тутъ можно было замѣтить, по свѣжему помету, что обитатели этихъ помѣщеній угнаны незадолго до

(*) Въ турецкую войну 1828 и 1829 годовъ деревни, мѣстечки и города, даже занятые съ боя, мы находили всегда оставленными жителями, но никогда ничего не истребляли огнемъ; крѣпости же брали осадю или открытою силою, но никогда не касаясь частной собственности мирныхъ жителей.

нашего прихода, о котором жители аула, конечно, извѣстились нашими сигналами на горнахъ и приближавшеюся перестрѣлкою, постоянно усиливавшюся отъ самаго выступленія нашего изъ лагеря. Чрезъ часъ времени, между деревьями показался аулъ; по высотѣ его сакль, съ крышами на два ската, и выбѣленнымъ дымовымъ трубамъ, надо было думать, что этотъ аулъ одинъ изъ богатѣйшихъ. По мѣрѣ приближенія нашего къ аулу, всѣ сакли и постройки, оставшіяся за нами, зажигались арьберггардомъ. Подойдя къ аулу, гдѣ изъ сакль и изъ за плетней горцы пустили нѣсколько пуль,—мы остановились; изъ орудій бросили туда 3 или 4 гранаты и затѣмъ, раза три по плетнямъ брызнули картечью; тутъ съ трехъ сторонъ аула грянуло русское ура! а вдали за ауломъ раздался гикъ. Наша рота, конечно и другія, вбѣжали въ аулъ, но тамъ встрѣтили насъ единственно куры съ цыплятами и другая домашняя птица, которая, въ свою очередь, оглашала воздухъ криками—только не побѣдными, а своимъ обычнымъ крикомъ, когда ихъ ловятъ на жаркое. Тутъ я видѣлъ догадливость русскаго солдата: нѣкоторые изъ нихъ шомполами пробивали около сакль грунтъ земли и, дѣйствительно, находили ямы, въ которыхъ зарыты были пшеница, просо, кукуруза, лѣсные плоды—вѣроятно, прошлогодніе запасы на зиму; нѣкоторые трудились, выкапывая штыками свеклу, морковь, картофель и проч. При этомъ, разумѣется, рота разбрелась по аулу. Не болѣе какъ чрезъ полчаса заиграли „движеніе впередъ“. Аулъ запылалъ; густой, вонючій дымъ покрылъ мѣстность, ѣлъ глаза; нельзя было видѣть самыхъ ближайшихъ предметовъ; въ ротахъ ударили „сборъ“, люди начали собираться на зовъ барабановъ, но, по случаю дыма, медленно выходили изъ за сакль. Когда собралась наша рота, то капитанъ не зналъ, куда идти. Посовѣтовавшись съ офицерами и соображая, что сигналъ былъ „впередъ“, а мы пришли съ востока, онъ двинулся съ нами на западъ. Вскорѣ наша рота подошла къ 10-й мушкетерской; тутъ къ намъ присоединилась 12-я; чрезъ четверть часа мы соеди-

нились съ 4-ю гренадерскою, командиръ которой капитанъ Александръ Васильевичъ Дзвонкевичъ въ это время командовалъ и баталіономъ. Началась повѣрка людей; въ нашей ротѣ не оказалось одной пары стрѣлковъ, а въ 12-й—одного рядоваго; всѣ трое были изъ военно-плѣнныхъ бывшихъ польскихъ войскъ; убитыхъ и раненыхъ не было. Когда отрядъ нашъ устроился, то я видѣлъ въ колоннѣ почти голую, пожилую женщину, прикрытую рубищемъ, и при ней лѣтъ пяти дѣвочку; кромѣ этихъ плѣнныхъ, я видѣлъ трофеи побѣдителей, состоявшіе изъ домашней птицы и одного барана. Отрядъ двинулся къ лагерю другою дорогою, зажигая отдѣльно встрѣчаемыя сакли. Тутъ уже закипѣла сильная перестрѣлка, особенно въ лѣвой цѣпи и въ аррьергардѣ, гдѣ находились роты кабардинскаго полка. Отрядъ возвратился въ лагерь до заката солнца.— Сколько всего убыло изъ строя въ нашей командѣ—не знаю; но въ нашемъ баталіонѣ убитъ 1 унтеръ-офицеръ и ранено 4 рядовыхъ.

19-го числа приступили къ заложению укрѣпленія; въ окрестныхъ лѣсахъ начали плести туры, вязать фашины, заготовлять хворостъ для плетней и проч.

22-го августа, въ день коронованія Государя Императора, съ обычною церемоніею заложили укрѣпленіе во имя св. Николая. Начались работы, и пошла обыкновенная лагерная жизнь. Непріятель мало беспокоилъ насъ на мѣстѣ, но на фуражировкахъ, на работахъ въ лѣсу и при нашихъ набѣгахъ на аулы, горцы не оставляли насъ въ покоѣ: каждый разъ колонны возвращались съ потерей, всегда приносили одного, двухъ убитыхъ, да человѣка три, четыре раненыхъ. Такъ прошло время до сентября мѣсяца, и ничего особенно замѣчательнаго въ отрядѣ не случилось. Пользуясь досугомъ, я описалъ въ стихахъ:

Ночь въ ущельи Атакуафъ.

Ночь темная сводъ неба обложила,

И звѣзды—бѣчныя, воздушныя свѣтила,
Подъ куполомъ божественнымъ блестятъ;—
Такъ въ храмѣ Божіемъ паникадила
Въ святомъ величїи горятъ.
Въ ущельяхъ глухо; тѣнь ночная
Легла на горы ризой гробовой,
И укрѣпленіе во имя Николая
Готово на враговъ громъ бросить боевой.
Окрестъ него гряда кургановъ;
Чернѣютъ горъ лѣсистыхъ высоты,
Какъ будто бы фаланга великановъ
Въ пернатыхъ шлемахъ спитъ, опершись на щиты.
Въ долинѣ лагерь; чуть бѣлѣютъ
Ряды палатокъ, и кругомъ
Ручей ихъ обогнулъ серебрянымъ кольцомъ;
А гдѣ на скатѣ горъ огни свѣтлѣютъ—
Тамъ цѣпь, и выстрѣлы порой
Мелькаютъ; гулъ отъ нихъ, музыкою глухой,
Въ ущельяхъ эхо повторяетъ;
Съ нестройными его аккордами сливаетъ
Шакаль печальный, дикій вой....
Дружина, сладко спи подъ балдахиномъ ночи!
Быть можетъ, завтра битва закипитъ,
Не одному изъ васъ грудь пуля раздробитъ,
И не одинъ изъ васъ на вѣкъ закроетъ очи.
Быть можетъ, тутъ въ шатрахъ
Безпечный юноша и воинъ засыпаетъ,
Мечтами онъ на пламенныхъ крылахъ
Въ міръ умственный, счастливецъ, улетаетъ.
Быть можетъ, онъ теперь во снѣ,
Склонясь къ плечу красавицы стыдливой,
Играетъ локономъ прекрасной, въ тишинѣ;

Иль, можетъ, выманилъ ужъ подѣлуй счастливый,
Душею весь въ родимой сторонѣ.
Проснется,—весель умъ воспламененный;
Спѣшитъ въ ряды съ довольною душой...
Но вотъ вслубился дымъ грозы военный,
Сверкнулъ булатъ надъ юной головой...

Ты палъ—и трупъ окровавленный
Никто не ороситъ слезинкою родной.
И холмъ могильный твой безъ украшеній,
Въ глуши травой чужбины заростетъ,—
Надъ прахомъ нѣтъ здѣсь погребальныхъ пѣній,
Надъ гробомъ лишь весной здѣсь соловей поетъ;
Могилы здѣсь одна лишь буря посѣщаетъ,
И плачетъ вѣтръ одинъ средь дикихъ мѣстъ.
Нѣтъ, нѣтъ, убитого въ горахъ могильный крестъ
Никто вѣнкомъ изъ розъ не увѣнчаетъ.

Въ началѣ сентября получено было извѣстіе о Высочайше пожалованныхъ за экспедицію 1834 года наградахъ: начальнику отряда генералу Вельяминову даны алмазные знаки св. Александра Невского, начальнику нашей 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Малиновскому—Бѣлаго Орла и затѣмъ, почти всѣмъ штабъ-офицерамъ и ротнымъ командирамъ слѣдующія награды. По этому случаю въ лагерѣ затѣяли устроить торжество и начали готовить фейерверкъ.

Сентября 14-го, подъ командою генералъ-маіора Штейбе, выступила колонна для истребленія большихъ ауловъ, въ которыхъ, будто бы, шапсуги и натухайцы собираются въ значительномъ числѣ, чтобы сдѣлать рѣшительное нападеніе на отрядъ. Колонна состояла изъ шести баталіоновъ съ горною и полевою артилеріею. Съ нами двинулось нѣсколько мирныхъ конныхъ горцевъ, съ подполковникомъ изъ туземцевъ Пшекуй-Маукоровымъ, извѣст-

нымъ на правомъ флангѣ кавказской линіи своею храбростію и преданностію русскому правительству; при немъ было нѣсколько конныхъ черноморскихъ казаковъ. Движеніе этой колонны продолжалось до 17-го числа; мы истребили четыре большихъ аула и нѣсколько встрѣченныхъ на походѣ отдѣльныхъ жилищъ—такъ сказать, хуторовъ; порядокъ истребленія былъ тотъ же, какъ и при первомъ походѣ подъ аулъ Научъ-Хабля. При этомъ, мнѣ невольно пришелъ на память отвѣтъ великаго князя московскаго Димитрія послу Мамая, въ трагедіи Владислава Александровича Озерова:

Посолъ. Или не помните Батыевыхъ побѣдъ!

Димитрій. Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Такое изрѣченіе въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія еще, дѣйствительно, заслуживало рукоплесканій; но въ настоящее время, когда конвой Е го В е л и ч е с т в а и главнокомандующихъ состоитъ изъ кавказскихъ горцевъ, такой способъ веденія войны нельзя назвать справедливымъ. При этомъ походѣ, именно 16-го числа, былъ одинъ забавный случай, возможный, кажется, только на Кавказѣ: во время движенія отряда, часовъ въ пять утра, по ущелью, которое въ одномъ мѣстѣ довольно круто поворачивало влѣво такъ, что угловая возвышенность совершенно заслоняла долину, гдѣ на встрѣчу къ намъ текла рѣчка—и въ этомъ мѣстѣ довольно глубокая—купались въ ней два горца. Подполковникъ Пшекуй-Маукоровъ, съ двумя конными черноморскими казаками и двумя мирными горцами, по своему обыкновенію, ѣхалъ въ полуверстѣ впереди авангардной цѣпи. Купающіеся, неожиданно увидя непріятеля выѣхавшаго изъ за-горы, хотѣли было голые бѣжать; но, мгновенно схваченные своими мирными земляками, переданы были казакамъ, которымъ Пшекуй-Маукоровъ приказалъ спѣшиться и, взявъ въ правыя руки пикъ и лошадей за удила, лѣвыми, какъ можно крѣпче, держать голыхъ горцевъ за что удобнѣе; самъ же съ мирными поскакалъ къ отряду, чтобы изъ резерва цѣпи прислать пѣхотный конвой для плѣнныхъ. Какъ только казаки остались одни, плѣнные та-

тары перемолвились между собою, и затѣмъ, одновременно и очень сильно ударили казаковъ кулаками въ лицо; тѣ упали, упустивъ плѣнныхъ и своихъ лошадей, на которыхъ горцы не успѣли, впрочемъ, вскочить;—лошади прибѣжали въ колонну. Когда мы подошли къ мѣсту событія, то нашли казаковъ облитыхъ кровью и лежащихъ почти безъ чувствъ, такъ что отливали ихъ водою. И что-же! этимъ несчастнымъ, по распоряженію начальства, приказано было отпустить по 25-ти плетей.—При этомъ, интересно было собственное оправданіе этихъ казаковъ и ихъ защитника—сотеннаго командира, говорившихъ, что Пшекуй, сдѣлавъ такое распоряженіе, не зналъ всей важности грѣха—держатъ человѣка за особыя части тѣла, да еще отъ рожденія *некрещеныя*. Это объясненіе дѣлалось на малороссійскомъ нарѣчій,—что еще болѣе придавало такому оправданію юмора, но между тѣмъ принесло и пользу: Пшекуй, узнавъ о назначеніи казакамъ наказанія и принесенное ими оправданіе, тотчасъ поскакалъ къ начальнику отряда, испросилъ казакамъ прощеніе и далъ имъ отъ себя по полтиннику.

18-го числа, въ среду, пришла въ отрядъ колонна изъ Абина съ строительными матеріалами. Авангардъ этой колонны, не доходя до отряда версты три, угловыми своими цѣпями наткнулся на непріятельскія засады. Едва тамъ закипѣла перестрѣлка и раздались крики ура! смѣшанные съ черкесскимъ гикомъ, изъ отряда былъ двинутъ баталіонъ съ горнымъ единорогомъ. Черезъ полчаса все въ той сторонѣ смолкло, а часа черезъ полтора и колонна благополучно присоединилась къ отряду, принеся съ собою нѣсколько раненыхъ. До 12-го числа непріятель не беспокоилъ отряда, довольствовался только стрѣльбою въ ночное время, пуская пули въ палатки, гдѣ замѣчалъ освѣщеніе, и по кучкамъ офицеровъ, собиравшихся около разведенныхъ костровъ потолковать, пошутить, посмѣяться,—что замѣняло намъ бульварныя прогулки и домашніе вечера въ городахъ.—Въ этотъ день, рано утромъ, два баталіона навагинскаго полка и одинъ нашего тенгинскаго, вѣроятно, по полученному от-

ряднымъ начальникомъ извѣстію чрезъ лазутчиковъ о злонамѣреніи горцевъ, выведены были на позицію. Часовъ въ 7-мъ, въ цѣпяхъ начала усиливаться перестрѣлка, и вскорѣ тремя толпами шапсуги и натухайцы, въ числѣ, какъ говорили, до 1000 человекъ, бросились на отрядъ; но, встрѣченные бѣглымъ огнемъ приготовленныхъ баталіоновъ, выстрѣлами полевой артилеріи и сотнею конныхъ черноморскихъ казаковъ, впереди которыхъ несли на лихомъ конѣ поручикъ князь Барятинскій, рассыпались и побѣжали, преслѣдуемые нашими выстрѣлами. Потеря при этомъ дѣлѣ со стороны непріятеля должна быть значительная, потому что, хотя горцы быстро подхватываютъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, но, не смотря на это, казаки привезли въ лагерь два тѣла убитыхъ шапсуговъ и одного раненаго; съ нашей стороны вышло изъ строя до тридцати человекъ нижнихъ чиновъ и ранены: поручикъ князь Барятинскій опасно въ грудь навылеть, да навагинскаго пѣхотнаго полка капитанъ Свинцовъ въ ногу; рану князя Барятинскаго всѣ считали смертельною. На четвертый день для препровожденія раненаго князя въ Ольгинскій тегъ-де-понъ назначена была особая колонна. День этого нападенія на лагерь еще тѣмъ замѣчательнъ, что въ палаткѣ, въ которой готовился фейерверкъ, произошелъ взрывъ пороха,—при чемъ, изъ восьми человекъ обожженныхъ рабочихъ, двоихъ отбросило отъ мѣста взрыва сажень на 50-ть, да кромѣ ихъ трое вскорѣ померли.

24-го числа, ночью, часу въ 12-мъ, въ горахъ разразилась страшная буря съ дождемъ и грозою; раскаты грома, вторимые эхомъ ущелій, не умолкали; молнія безпрестанно освѣщала голыя вершины горъ, а по ребрамъ каменныхъ скалъ пробѣгала огненными змѣйками. Ливень продолжался до 2-го часа; рѣчки вышли изъ береговъ и затопили лагерь; положительно можно сказать, что въ отрядѣ въ эту ночь никто не спалъ. Къ утру все прояснилось, рѣчки скоро вошли въ берега, и благодѣтельное солнышко начало осушать нашу позицію; въ лагерь поднялась большая кутерьма:

одни возстановляли сорванныя палатки, другіе раскладывали подмокшія вещи, третьи приводили въ порядокъ аммуницію, чистили ружья, перебирали патроны,—словомъ, всѣ суетились, всѣ были заняты. Но недолго мы пользовались хорошею погодою: ночью, съ 27-го на 28 число, вновь дождь и опять наводне. лагерь и таже исторія, только безъ грома и молніи.

Въ началѣ октября принялъ 2-й баталіонъ нашего полка подполковникъ Константинъ Ивановичъ Быковъ, и какъ онъ зналъ меня еще до прибытія моего на Кавказъ и бывалъ въ нашемъ домѣ въ двадцатыхъ годахъ въ Петербургѣ, то пригласилъ меня въ свой баталіонъ. Приказомъ по полку я былъ переведенъ изъ 11-й мушкетерской роты во 2-ю гренадерскую, которою командовалъ капитанъ Андрей Степановичъ Соболевскій—человѣкъ добрый, храбрый и дѣльный ротный командиръ. Съ этого времени я участвовалъ во всѣхъ движеніяхъ этого баталіона и постоянно находился въ цѣпи; капитанъ назначилъ состоять при мнѣ одного рядоваго изъ военноплѣнныхъ, служившаго въ 4-мъ пѣхотномъ полку бывшихъ польскихъ войскъ, по фамиліи Моленда. Этотъ старый солдатъ, хорошій стрѣлокъ, честный человѣкъ, скоро полюбилъ меня, какъ своего земляка, за котораго сначала онъ принималъ меня, такъ какъ я всегда говорилъ съ нимъ попольски и рассказывалъ ему много анекдотовъ изъ польской кампаніи 1831 года. Въ это время нашему баталіону почти постоянно приходилось при всѣхъ движеніяхъ находиться въ правой цѣли; а въ арьергардѣ преимущественно ходили кабардинцы, которые въ этомъ случаѣ почти всегда поступали подъ команду капитана Лабинцева, адъютанта начальника дивизіи, отличившагося въ 1828 году при взятіи Карса. Въ продолженіи этихъ набѣговъ на аулы, въ теченіи почти цѣлаго мѣсяца, при необыкновенно дождливой погодѣ, хотя потеря въ перестрѣлкахъ убитыми и ранеными была самая незначительная, но всегда абинскій госпиталь былъ наполненъ больными изъ отряда.

Наконецъ, октября 17-го, нашъ баталіонъ поступилъ въ отдѣльный отрядъ генералъ-лейтенанта Малиновскаго, назначенный въ Азюйское ущелье для истребленія шапсугскихъ ауловъ. На другой день по выступленіи изъ лагеря главнаго отряда, мы вступили въ густо заселенное ущелье съ замѣчательнымъ названіемъ, которое я записалъ изъ словеснаго приказанія по отряду, — „Чемополколайка.“ Въ этомъ ущельи мы истребили большой аулъ и возвратились въ долину Багаіокъ, гдѣ нашему баталіону пришлось расположиться на магометанскомъ кладбищѣ. На этомъ кладбищѣ, какъ и на другихъ нами видѣнныхъ, могильные холмы черкесовъ украшаются обыкновенно деревянною доскою, вырѣзанною въ видѣ кинжала и вертикально воткнутою въ головы могила; между такими могилами на нѣкоторыхъ поставлены надгробные памятники, какіе мы встрѣчали въ Турціи, то есть, мраморные столбы, украшенные такими же чалмами. Здѣсь я написалъ стихотвореніе:

Могила Черкеса.

Въ долину, гдѣ окрестъ шумитъ дремучій боръ,
Гдѣ бурный вѣтръ древа ломаетъ,
И по кремнистымъ ребрамъ горъ
Гроза могучая гуляетъ;
Гдѣ весело журчитъ ручей,
Гдѣ воетъ звѣрь и свищетъ соловей, —
Тамъ межъ цвѣтовъ могила зеленѣетъ.
Надъ ней печально дубъ раскинулся густой,
И, какъ скелетъ, подъ дубомъ тамъ бѣлѣетъ
Столпъ мраморный, увѣнчанный чалмой...
Почившій здѣсь! давно ль конь окрыленный
Тебя къ границамъ русскимъ мчалъ?
Давно ли въ саклѣ ты съ друзьями пировалъ,
Добычею гордясь племени,

Показывая имъ кровавый свой кинжалъ?...

Теперь ты прахъ! твой домъ—забытая могила,
Конь борзый не помчитъ тебя па вольный бой;

Винтовку ужъ твою съ насѣчкой золотой

И пашку ржавчина покрыла.

Блаженъ! подь свистомъ пуль ты встрѣтилъ свой конецъ;

Ты палъ въ горахъ отчизны милой;

И ужъ стрѣлокъ изъ за твоей могилы

Пускаетъ гибельный въ твоихъ друзей свинецъ.

Тебѣ же все равно: твой прахъ не знаетъ,

Что знамя русское съ златымъ орломъ

Кавказа горный вѣтръ ласкаетъ;

Что русскій близъ тебя пѣснь славы напѣваетъ

И точитъ свѣтлый штыкъ на камнѣ гробовомъ.

На долині Багаюкъ отрядъ нашъ разбилъ лагерь. изъ котораго почти ежедневно высылались небольшіе отряды для истребленія ауловъ; каждую ночь мы видѣли зарево пожаровъ въ той сторонѣ, съ которой возвращался посланный въ тотъ день отрядъ; а по случаю невылазной грязи, образовавшейся отъ безпрестаннаго движенія между рядами палатокъ, лагерь весьма часто переносился съ позиціи на позицію. Наконецъ, октября 26-го, намъ назначено было выступить къ Абину для присоединенія къ главному отряду, а оттуда—прежнимъ путемъ чрезъ лагофишскія и аушедскія болота, слѣдовать къ Ольгинскому тетъ-де-пону, гдѣ, по причинѣ открывшейся чумы въ азіатской Турціи, предназначался четырнадцатидневный карантинъ всему отряду, и куда мы прибыли 30-го числа. Тамъ стали лагеремъ и, конечно, съ большою досадою должны были ожидать конца карантиннаго термина; но не знаю, по чьему распоряженію и по какому случаю, терминъ этотъ былъ сокращенъ, и отрядъ, 8-го ноября, переправясь на паромѣ на правый

берегъ Кубани, направился баталіонами по назначенію на зимнія квартиры. Да и въ самомъ дѣлѣ, къ чему надо было подвергать отрядъ карантинному задержанію, когда отрядъ этотъ, въ продолженіи болѣе полугода, ходилъ по горамъ, полямъ и лѣсамъ, постоянно окуриваясь пороховымъ дымомъ и дымомъ горѣвшихъ ауловъ; кромѣ того, отправлялъ по два и по три раза въ мѣсяцъ раненныхъ и больныхъ своихъ въ екатеринодарскій госпиталь, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ признаковъ чумной заразы. Дѣло совсѣмъ другое, когда въ 1830 году всѣ полки и отряды, возвращавшіеся изъ предѣловъ европейской Турціи, должны были держать карантинъ—да еще не одинъ, а два: на Дунаѣ и на Днѣстрѣ (*). Тогда тѣ войска, по заключеніи, 2-го сентября 1829 года, въ Адрианополѣ мира, стояли по квартирамъ въ крѣпостяхъ, городахъ и селеніяхъ и, конечно, имѣли постоянно сношеніе съ жителями, среди которыхъ сильно свирѣпствовала чума. И такъ, карантинъ при укрѣпленіи Ольгинскомъ заключилъ нашу экспедицію этого года, и зимнія квартиры нашему 2-му баталіону назначены были въ селеніи Терноватомъ, оно же—курень Петровскій въ Черноморіи, куда мы прибыли 14-го ноября. Мы отвели квартиру, какъ нижнему чину, вмѣстѣ съ хозяиномъ, вблизи квартиръ моего ротнаго и баталіоннаго командировъ; къ послѣднему, по старому моему съ нимъ знакомству, я ходилъ обѣдать, такъ какъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ назначеннаго отъ казны рядовому содержанія, оставляемаго мною въ ротѣ; за это послѣдняя не отказывала, во время походовъ, подвозить мои вещи на артельной повозкѣ. Вечера проводилъ я вмѣстѣ съ офицерами у кого либо изъ ротныхъ командировъ,—а какъ мой ротный командиръ не обременялъ меня никакими служебными занятіями, то я днемъ занимался приведеніемъ въ порядокъ моихъ записокъ, вносимыхъ крат-

(*) Могилевскій пѣхотный полкъ, въ которомъ я тогда служилъ подпоручикомъ, возвратился изъ за границы въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того года.

ко на бивакахъ въ маленькую записную книжку, а чаще записанныхъ на лоскутахъ бумаги, нерѣдко къмъ либо уже исписанной. Мой походный архивъ помѣщался въ большомъ собственноручно пришитомъ боковомъ карманѣ моей солдатской шинели, гдѣ также сохранялась моя единственная серебряная столовая ложка, на случай приглашенія меня, мимоходомъ въ лагерьъ или на бивакахъ, къмъ либо изъ офицеровъ раздѣлять съ ними ихъ офицерскую трапезу,—при чемъ, почти всегда призывался деньщикъ и приказывалось ему принести *еще ложку*; при такомъ приказаніи, ложка моя, вынутая изъ кармана, избавляла деньщика отъ непріятнаго для него труда, а мнѣ давала средство не отстать отъ трапезующихъ.

Въ декабрѣ, въ ночь съ 16-го на 17-е число, къ баталіонному командиру прискакалъ съ ближайшаго поста казакъ съ извѣстіемъ, что ниже Копыла (постъ Копыльскій, въ 20-ти верстахъ отъ мѣста нашего квартированія) переправляется чрезъ Кубань большая партія черкесовъ. Дежурный барабанщикъ при квартирѣ баталіоннаго командира ударилъ тревогу, которую подхватили на ротныхъ дворахъ, а на колокольнѣ сельской церкви зазвонили въ набатъ. По этой тревогѣ казаки съ оружіемъ бросились къ назначеннымъ имъ на такой случай мѣстамъ—къ оградѣ куреня и къ воротамъ въ полѣ, а роты выстроились на площади около церкви, въ ограду которой бѣжали женщины, дѣти и старцы, вообще—немогущіе владѣть оружіемъ. Не болѣе какъ чрезъ десять минутъ, баталіонъ былъ уже въ сборѣ; командиръ баталіона приказалъ 2-й гренадерской и 4-й мушкетерской ротамъ, подъ начальствомъ моего ротнаго командира, немедленно выступить и слѣдовать къ Кубани, по направленію къ посту Эмануелевскому, стараясь выйти къ кордонной линіи между этимъ постомъ и Копыльскимъ; а самъ, съ 5-ю и 6-ю ротами, остался для защиты селенія въ случаѣ нападенія. Я пошелъ съ ротою; ночь была не слишкомъ темная. Огоядя версты полторы или двѣ, мы замѣтили, что на кордонной ли-

ни, влѣво отъ нашей дороги, зажжены фигуры (*), и намъ ясно были видны двѣ; на нихъ-то мы взяли направленіе и пошли по-лемъ. Часа чрезъ два послѣ выступленія роты сдѣлали приваль. Солдаты шли очень скоро, и хотя никто не жаловался на холодъ и усталость, но всѣмъ хотѣлось бы развести огонекъ, и какъ вблизи не было ни лѣса, ни камыша, ни кустарниковъ, то усердные солдатики натаскали бурьяну и терновника и зажгли два костра. Чрезъ полчаса мы услышали лошадиный топотъ; капитанъ закричалъ: въ ружье! Роты живо выстроились большою стрѣлковою кучкою, образовавъ маленькое взводное каре. Къ намъ подскочилъ разъѣздъ, человекъ изъ двадцати казаковъ, при офицерѣ, который объяснилъ капитану, что тревога почти кончена; что партія абадзеховъ, вмѣстѣ съ шапсугами, въ сумеркахъ была замѣчена пластунами и секретями по ту сторону Кубани; сѣвшившіеся изъ партіи горцы на ледъ рѣки настилали переправу сѣномъ и соломою; а когда совсѣмъ стемнѣло, партія эта переправилась пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводьяхъ, и направилась на хуторъ есаула Непокупнаго; объ этомъ, говорилъ онъ, дапо знать въ Темрюкъ, а наши резервы отрѣзали партію отъ переправы и пастилку на ней разбросали. «Плохо будетъ, добавилъ онъ, горцамъ возвращаться восвояси на некованныхъ лошадяхъ». Послѣ этого нашъ маленькій отрядъ благополучно возвратился въ селеніе, куда и прибылъ съ разсвѣтомъ; тамъ все уже успокоилось. Подробностей объ этомъ набѣгѣ черкесовъ и чѣмъ кончилось дѣло—до насъ не дошло; говорили только, что съ какого то хутора горцы взяли въ плѣнъ жену священника и двѣнадцатилѣтняго ея сына; партія же разбита наго-

(*) Такъ черноморцы называютъ сигнальные маяки. Это длинныя жерди, установленныя вертикально недалеко отъ поста, вблизи вышекъ, обитыя сѣномъ, соломою, пенькой или паклей и облитыя нефтью; на самой вершинѣ этихъ шестовъ привязывается куль или укрѣпляется небольшая кадка, наполненныя также пенькою съ нефтью.

лову и отступила въ *безпорядкѣ*, хотя порядкѣ, впрочемъ, никогда у горцевъ не бывало;—но этого требуютъ обыкновенно реляціи.

Наступили праздники Рождества Христова. Хотя у насъ, конечно, не могло быть ни баловъ, ни маскарадовъ, но мы провели ихъ и встрѣчали новѣй годъ нескучно; военные, которымъ приходится проводить эти дни не въ городахъ, а въ деревняхъ, проводятъ ихъ, соображаясь съ мѣстными обыкновеніями. Мой добрый ротный командиръ малороссіянине, большой хлѣбосоль, преданный душою своей родинѣ и при всякомъ случаѣ, изъ патриотизма, угощалъ меня стихами Энеиды Котляревскаго. Наканунѣ Рождества пригласилъ онъ баталіоннаго командира и офицеровъ на *кутью*; угостилъ всѣхъ на славу; яствъ и питія, особенно имъ заготовленной вишневки и сливянки, было вдоволь. Это угощеніе привело меня на мысль: не отъ слова ли *кутья* произошли русскія выраженія—*кутить*, *кутило*?—Во время этой пирушки или, пожалуй, кутежа, прежде легонько, послѣ довольно сильно, съ улицы поступали въ ставень окна и затѣмъ, нѣсколько женскихъ голосовъ сказали: *благословите щедровать*. Въ отвѣтъ на это моего капитана: благословляю и прошу,—раздалось за окномъ пискливое пѣніе на малороссійскомъ парѣчїи; что пѣли—я разобрать не могъ; слышались слова: вареники, масло, сальце и даже *килбаса*. Послѣ пѣнія, покоющихъ пригласили войти въ комнату; вошли пять дѣвушекъ черноморокъ; за ними казакъ въ нагольномъ тулупѣ, въ папахѣ, съ торбою за плечами, съ порядочною дубиною въ рукѣ и съ раскрашеннымъ, довольно замѣтно, лицомъ; когда этотъ казакъ снялъ свой папахъ, я узналъ въ немъ—конечно, и мой капитанъ тоже—подпоручика нашей роты Лазаренко. Мы промолчали. Дѣвушки повторили свое пѣніе, и добрый хозяинъ сказалъ имъ, что водку дѣвушкамъ пить негодится, поднесъ по стакану сантуринскаго вина, которое онѣ съ разными церемоніями и отговорками понемножку выпили сполна. Капитанъ лично проводилъ этихъ гостей. Возвратясь въ комнату, онъ сказалъ: «Ну, теперь ихъ раз-

береть;—вѣдь я вино-то далъ имъ пополамъ съ коньякомъ; теперь лафа будетъ *мѣхоноши* (проводнику щедрыхъ); вѣдь и я, признаться, въ молодости непрочь былъ отъ приглашенія на эту должность».—Вы и теперь бы непрочь отъ этого удовольствія, да неловко въ вашемъ чинѣ,—возразилъ ему баталіонный командиръ.

1836 ГОДЪ.

III.

Вторая тревога на кордонной линіи. Походъ въ Ставрополь для содержанія карауловъ. Выступленіе изъ Ставрополя на сборный пунктъ отряда, предназначеннаго въ экспедицію за Кубанью. Слухи о прибытіи въ горы съ порохомъ и свинцомъ англичанина Лонгворта. Прибытіе въ отрядъ генерала Вельяминова. Подъемъ отряда на хребетъ горъ Нано. Слухи въ отрядѣ о появленіи въ обществахъ шапсуговъ и нутухайцевъ англичанина по фамиліи Белль. Прибытіе отряда къ Суджукской бухтѣ. Приготовленіе къ возведенію новаго укрѣпленія. Посѣщеніе начальника отряда контръ-адмираломъ Патаніоти. Посѣщеніе отряда графомъ Воронцовымъ и графомъ Виттомъ. Заложеніе форта «Александрія». Движеніе отряда къ крѣпости Анапѣ. Ночные походы. Жаркое дѣло въ Баканскомъ ущельи. Употребленіе горцами въ бою стрѣлъ. Движеніе къ Суджукской бухтѣ отъ Анапы. Дѣйствія отряда на анапской равнинѣ. Рекогносцировка подъ личнымъ начальствомъ генерала Вельяминова. Биваки на берегу моря. Возвращеніе на зимнія квартиры.

Послѣ новаго года—именно, 2-го января—вновь была на нашей кордонной линіи тревога, и хотя нашъ баталіонъ вышелъ въ ружье, но, не получая съ казачьихъ постовъ никакого извѣстія, въ поле не выступалъ; впослѣдствіи мы узнали, что въ этотъ день было нападеніе абадзеховъ на редутскій мѣнновой дворъ, но горцы и при этомъ не имѣли успѣха.

Въ началѣ февраля баталіону предписано было выступить въ

г. Ставрополь для содержанія нарауловъ. Баталіонный командиръ предложилъ мнѣ на его лошадахъ, въ его бричѣ, отправиться впередъ и ждать прибытія баталіона въ штабъ-квартирѣ нашего полка, въ селеніи Ивановскомъ, а подъ свозъ его и моихъ вещей капитанъ далъ ротный полуфурокъ съ заручною аммуниціею, при унтеръ-офицерѣ и 2-хъ рядовыхъ. Февраля 8-го, рано утромъ, я отправился въ путь; было не болѣе двухъ градусовъ мороза. На Копылѣ намъ приходилось переправиться чрезъ рукавъ Кубани, называемый Черная Протока; чрезъ эту рѣку по льду пѣшіе и даже верховые, ведя лошадей въ поводу, переправлялись безопасно,—но, для переправы экипажей и вообще тяжестей, устроенъ былъ паромъ, для котораго, на мѣстѣ переправы, сдѣлана была отъ берега до берега прорубь. Мы пошли по льду; бричка на паромѣ переправилась благополучно. Но когда паромъ съ полуфуркомъ причалилъ къ берегу, гдѣ подъемъ на дорогу былъ довольно крутъ, тройка лошадей замялась, оледенѣвшіе причальные канаты отвязались отъ причальныхъ столбовъ, паромъ отошелъ, заднія колеса соскочили въ воду, фургонъ потянуло ко дну, а лошади съ передкомъ держались на поверхности воды. Тутъ перерубили гужи и постромки; затѣмъ, лошади скоро выскочили на берегъ, такъ какъ прибрежная глубина была небольшая.

Это приключеніе задержало насъ на переправѣ часа три или четыре; но, благодаря усердію постовыхъ казаковъ, мы ничего изъ вещей не потеряли,—все это было вынуто изъ воды и обсушено. Поздно вечеромъ, въ этотъ же день, мы прибыли въ штабъ-квартиру полка, въ селеніе Ивановское, откуда чрезъ два дня, вмѣстѣ съ баталіономъ, продолжали походъ до г. Ставрополя. Нашей ротѣ назначено квартированіе въ станицѣ Михайловской, верстахъ въ 20-ти отъ города; но такъ какъ я, по волѣ ближайшаго начальства, подобно другимъ моего разряда рядовымъ, освобожденъ былъ отъ гарнизонной службы, то, испросивъ дозволеніе у своего ротнаго командира, отправился въ Ставрополь и жилъ у плацъ-маіора Суходольскаго, въ сосѣдствѣ съ которымъ квартировалъ Леонтій Яковлевичъ

Любе. Эти добрые люди доставили мнѣ возможность получать на-
сающіяся историческихъ описаній Кавказа книги не только отъ нѣ-
которыхъ кавказскихъ старожилонъ, но и изъ библіотеки Алексѣя
Александровича Вельяминова. Пользуясь этою возможностью, я сдѣ-
лалъ выписки изъ всего прочитаннаго мною о мѣстностяхъ, пред-
назначенныхъ для театра дѣйствій нашихъ отрядовъ за Кубанью, съ
цѣлью пополнить коментаріями мои походныя записки,—и вотъ что я
начиталъ о Черноморіи и вообще, о казакахъ: Юлій Клапротъ (стр. 55)
доказываетъ, что названіе «казаки» сдѣлалось извѣстнымъ при им-
ператорѣ Константинѣ Порфирородномъ, въ началѣ 948 года.
Тогда указывали на страну за Кубанью, называемую «Казакія», le
pays de Kazakhia dans les contrées situées au-delà du Kouban.
Да и теперь осетины и мингрельцы называютъ черкесовъ „казахъ“
или „кесехъ“. Нѣкоторые же писатели утверждаютъ, что слово ка-
закъ на татарско-турскомъ языкѣ означаетъ—разбойникъ. Соб-
ственно же черноморскіе казаки произошли отъ запорожскихъ, о
которыхъ извѣстно, что, по взятіи поляками подъ свое владыче-
ство червонной Руси, многіе русскіе оставили свое отечество и
искали убѣжища въ низовьяхъ Днѣпра, гдѣ, смѣшавшись съ тата-
рами и черкесами, основали особое заселеніе, которое во времена
татаръ, особенно послѣ разоренія Кіева въ 1415 году, значитель-
но увеличилось и распространилось отъ Буга до Днѣстра, присво-
ивъ себѣ названіе казаковъ. Тѣ, которые поселились ниже днѣ-
провскихъ пороговъ, приняли названіе запорожцевъ. Они-то и есть
черноморскіе казаки.

Вскорѣ послѣ праздника Пасхи, нашъ баталіонъ выступилъ
изъ Ставрополя на сборный пунктъ войскъ, для экспедиціи, и при-
былъ въ лагерь при Ольгинскомъ укрѣпленіи 28-го апрѣля; всѣ
баталіоны нашего полка, кромѣ 5-го, квартировавшаго въ Усть-
лабѣ и не участвовавшаго въ большихъ экспедиціяхъ (*), были

*) Роты этого баталіона весьма часто участвовали въ набѣгахъ началь-

уже въ сборѣ. Войска, назначенныя для этого похода, были тѣ же, которыя участвовали въ экспедиціи прошлаго 1835 года; лагерь разбитъ былъ на томъ же мѣстѣ и въ томъ же порядкѣ. Командующій войсками генералъ Вельяминовъ въ мѣсту сбора войскъ еще не пріѣзжалъ, и отрядомъ командовалъ генералъ Малиновскій; онъ, съ 9-го мая, открылъ почти ежедневныя движенія малыми отрядами отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона въ Абину, для исправленія плотинъ чрезъ аушедскія и лагофшскія болота и для препровожденія транспортовъ съ разными запасами и съ предметами военныхъ снабженій вообще. Въ это время большихъ перестрѣлокъ не было; только 1-го, 2-го и 3-го іюня горцы усиленно обстрѣливали наши работы и даже въ эти три дня, при движеніи полонны, сейчасъ по переходѣ плотины, устроенной чрезъ Кунипсъ, насѣдали на арьергардъ и, по примѣру прошлаго года, стрѣляли по отряду изъ фальонета съ кургана, находящагося въ лѣвой сторонѣ отъ дороги. Въ это самое время разнесся по лагерю слухъ, что будто-бы какой-то англичанинъ Лонгвортъ, изъ сочувствія къ горцамъ, безвозмездно, съ единственною цѣлью имѣть удовольствіе вредить русскимъ, прислалъ имъ чрезъ турецкихъ контрабандистовъ большое количество пороку и свинца, — что становилось вѣроятнымъ, судя по случайно мною слышанному отвѣту одного натухайскаго старшины генералу Малиновскому. Это было такъ: пріѣхали къ завѣдывающему отрядомъ, генералу Малиновскому, пять человекъ горцевъ; зачѣмъ пріѣзжали, о чемъ говорили съ генераломъ — не знаю; но когда генералъ вышелъ съ ними изъ своей палатки, то одинъ изъ

лика праваго фланга кавказской линіи генералъ-маіора Засса на закубанскіе аулы; при чемъ, онъ перѣдко пѣхоту, палегкахъ, въ одной боевой аммуниціи, сажалъ на казачьихъ лошадей, сзиди ихъ сѣделъ, и этимъ способомъ неожиданно окружалъ аулы, отстоящіе отъ кордонной линіи на 50 и 60 верстъ. Такіе набѣги генерала Засса частію отвлекали горцевъ отъ преслѣдованія большаго дѣйствующаго отряда за Кубанью.

Лет.

нихъ, почти дряхлый старикъ, что-то горячо объяснялъ, указывая на большое дерево, находившееся вблизи палатки, и всѣ окружающіе генерала, выслушавъ это объясненіе чрезъ переводчика, вѣсмылись; а старикъ, приложивъ правую руку къ груди своей, кивнулъ головою, вскочилъ на лошадь и поѣхалъ большою рысью. За нимъ послѣдовали его товарищи; за нашу цѣпь проводилъ ихъ казачій офицеръ. Послѣ мнѣ рассказали слышавшіе переводчика, что когда генералъ, при заключеніи переговоровъ, связалъ горцамъ: «Вы хорошо знаете, что турецкій султанъ, вашъ падишахъ, послѣ войны, по адрианопольскому договору, отдалъ—просто, подарилъ—всѣхъ васъ и весь берегъ Чернаго моря отъ устья Кубани до пристани св. Николая и всѣ земли до границъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи нашему Государю Императору, на вѣчныя времена»,—то старикъ, указывая на птицу, сидѣвшую въ это время на деревѣ, отвѣтилъ: „Ты хорошій генералъ; за твое доброе слово я дарю тебѣ эту птицу на вѣчныя времена; возьми ее“.

Юня 8-го, вечеромъ, прибылъ въ отрядъ командующій войсками генералъ Вельяминовъ. Начали готовиться къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ по направленію отъ Абина и укрѣпленія Николаевскаго къ берегамъ Чернаго моря. 10-го числа, въ 3 часа послѣ полуночи, ударили вмѣсто зори—„генералъ-маршъ“; чрезъ часть времени—„по возамъ“ (*). Отрядъ тронулся въ томъ же порядкѣ, какъ и прошлаго года, по направленію къ Абину, и только въ 11 часовъ расположился биваками на Кунипсѣ, гдѣ и имѣлъ ночлегъ. На 11-е число, тоже въ 3 часа ночи, отрядъ снялся съ бивака и въ полдень прибылъ къ Абину почти безъ выстрѣла. Здѣсь, въ Абинѣ, 12-го числа, сдѣлана была дневка, и только начальникъ отряда самъ съ кавалеріею дѣлалъ рекогносцировку по дорогѣ къ укрѣпленію Ни-

(*) Этотъ барабанный бой выдуманъ собственно для кавказскихъ походовъ и служить сигналомъ для запряжки лошадей въ повозки и приготовленія въюковъ къ движенію.

колаевскому. 13-го числа, часа въ 4 утра, отрядъ выступилъ изъ Абина въ укрѣпленію Николаевскому, оставивъ на мѣстѣ для поправки укрѣпленія Абинскаго два баталіона нашего тенгинскаго полка и два кабардинскаго, подъ командою полковника Пирятинскаго. Въ 10-ть часовъ утра, на половинѣ дороги къ Николаевскому, отрядъ остановился, и генераль Вельяминовъ ѣздилъ съ коннымъ конвоемъ на высоты окрестныхъ горъ осматривать мѣстность по предстоящему пути и возвратился поздно вечеромъ. Въ этотъ день, при небольшихъ перестрѣлкахъ, въ цѣпи убито было рядовыхъ два и два ранено. На 14-е число на этомъ же мѣстѣ назначена дневка, во время которой полковникъ генеральнаго штаба Горскій дѣлалъ съемку мѣстности по всему ущелью до укрѣпленія Николаевскаго. 15-го числа, въ 4 часа утра, весь отрядъ выступилъ и взялъ направленіе по дорогѣ къ сказанному укрѣпленію, куда и прибылъ въ полдень. Тутъ стали лагеремъ. 16-го числа отрядъ полковника Пирятинскаго присоединился къ главному отряду; съ этимъ отрядомъ приведены были: взятый на дорогѣ одинъ шапсугъ и пять добровольно явившихся къ отряду солдатъ изъ казанскихъ татаръ, по словамъ ихъ, изъ плѣна; но, какъ многіе увѣряли, просто изъ бѣговъ. Въ этотъ же день, во время производства полковникомъ Горскимъ съемки мѣстности, была сильная перестрѣлка—впрочемъ, почти безъ потери: въ навагинскомъ полку убитъ только одинъ рядовой и въ нашемъ полку трое рядовыхъ ранено. 17-го назначено было выступленіе отряда далѣе къ морю, и утромъ ударили уже генераль-маршъ; но проливной дождь съ сильнымъ порывистымъ вѣтромъ помѣшалъ движенію отряда, и потому—ударили отбой. На другой день, то есть 18-го числа, въ 5-ть часовъ утра, отрядъ двинулся по назначенію; дорога была до такой степени неудобная, что къ вечеру отрядъ съ величайшимъ трудомъ могъ едва-едва отойти пять верстъ и долженъ былъ остановиться въ лѣсистомъ глубокомъ ущельи, при маленькой рѣчкѣ, на ночлегъ; перестрѣлка цѣлый день и ночь не умолкала, но потери съ нашей

стороны не было. На другой день, 19-го числа, прошли также не болѣе 5-ти или 6-ти верстъ; 20-го начали подниматься на послѣднія къ морю высоты, которыя называли хребтомъ Нако. Въ этотъ день мы встрѣчали на пути аулы, доказывающіе значительное заселеніе; всѣ эти аулы были нами сожжены; я ихъ насчиталъ восемь; жителей въ нихъ мы не находили—и потому, сопротивленія со стороны непріятеля не встрѣчали;—казалось, горцы, видя рѣшительность нашихъ дѣйствій, упали духомъ и скрылись въ глубинѣ горъ съ семействами и имуществомъ, или, можетъ быть, замыслили принять противъ насъ что нибудь болѣе рѣшительное, такъ какъ въ это самое время въ отрядѣ прошелъ слухъ, что будто бы въ обществахъ шапсуговъ и натухайцевъ появился англичанинъ, по фамиліи Белль, подсланный англійскимъ правительствомъ внушать горцамъ не поддаваться русскимъ и не принимать отъ нихъ никакихъ условій сдѣлаться мирными, а главное—отнюдь не допускать занятія сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря. Другіе же говорили, что англійское правительство и не помышляетъ препятствовать намъ усмирять горцевъ, а что Белль, просто, богатый авантюристъ, отправившійся къ кавказскимъ берегамъ—побывать въ горахъ, провезти туда контрабанду: соль, порохъ, свинецъ, кремни и другіе предметы черкесской необходимости;—но ему не посчастливилось: судно его было взято нашими крейсерами, а самъ онъ, завидя ихъ, бѣжалъ на плюкѣ и высадился въ ущельи Дерское, и какъ при себѣ ничего не имѣетъ, то и не можетъ имѣть на горцевъ никакого вліянія. Впрочемъ, при поднятіи отряда на хребетъ Нако, сопротивленіе горцевъ видимо возростало: перестрѣлка усиливалась, и пока мы достигли вершины Нако, почти голой, гдѣ изрѣдка только встрѣчаются небольшія группы кипарисныхъ деревьевъ,—они три раза бросались на лѣвую цѣпь въ шашки. Къ вечеру весь отрядъ былъ уже на хребтѣ Нако, и 21-го числа расположился биваками не болѣе, какъ въ одной верстѣ отъ Суджукской бухты; но, чтобы дать отдыхъ отря-

ду, приказано было разбить лагерь и сдѣлать здѣсь дневку. 23-го числа, въ полдень, лагерь былъ снятъ; отрядъ, спустившись версты на четыре въ морю, расположился около того мѣста, гдѣ предполагалось возвести укрѣпленіе. Утромъ 24-го, небольшой отрядъ, подъ начальствомъ полковника Пирятинскаго, отправился съ транспортомъ въ крѣпость Геленджикъ—за провіантомъ. Между тѣмъ, приступлено было къ очисткѣ отъ кустарпиковъ мѣстности, предназначенной для укрѣпленія и разработки дороги отъ лагеря къ бухтѣ, отстоявшей отъ отряда не болѣе какъ на одну версту; но работа эта была трудная, такъ какъ, начиная съ 23-го числа, постоянно шелъ дождь. Не смотря, однако, на такую погоду, необходимость заставляла дѣлать еще ежедневныя фуражировки, что, конечно, не могло не повліять на здоровье нижнихъ чиновъ, и хотя много было больныхъ, но смертности не было; казалось, что болѣзни эти были ничто иное, какъ изнеможеніе, требующее только отдыха, но не вліяніе климата, какъ предполагали нѣкоторые полковые врачи.

Іюня 25-го, въ отрядѣ разбили шатеръ полковой церкви кабардинскаго полка; начальнику отряда, не смотря на неблагопріятную погоду, хотѣлось въ этотъ день отслужить благодарственный Господу Богу молебенъ о благополучномъ прибытіи отряда къ цѣли его назначенія—къ берегамъ Чернаго моря, и при этомъ, во время возглашенія многолѣтія Его Величеству, произведенъ сто одинъ выстрѣлъ изъ орудій. 26-го числа, съ утра, хотя погода и прояснилась, но тучи и густой туманъ на горахъ не предвѣщали ясныхъ дней. Въ этотъ день, въ 8 мь часовъ утра, прибыло въ бухту военное судно съ контръ-адмираломъ Патаніоти, которое салтовало отряду тремя пушечными выстрѣлами. Патаніоти вышелъ на берегъ, съ часъ времени пробылъ у генерала Вельяминова и отправился обратно; отрядъ же Пирятинскаго возвратился изъ Геленджика съ транспортомъ провіанта, а нашъ баталіонъ, съ другимъ—навагинскаго полка, ходившіе на фуражировку подъ

начальствомъ полковника Ольшевскаго, сожгли аулъ верстахъ въ шести отъ лагеря, дворовъ до 40; жители, какъ видно, оставили свое жилище, какъ только услышали наше приближеніе, потому что въ нѣкоторыхъ каминахъ не угасъ еще огонь; скотъ былъ весь утнанъ, но птицы, особенно куръ, разбѣжавшихся по кустамъ, было очень много. Въ полдень какое то военное судно подъ адмиральскимъ флагомъ въ бухтѣ стало на мель; разгрузка этого судна началась тогда же и продолжалась до глубокой ночи, но успѣха не предвидѣлось. Генераль Вельяминовъ самъ ѣздилъ въ бухту, но и его распоряженія ничего не помогли.

28-го числа, также дождь не переставалъ; но, не смотря на это, рубка лѣса и очистка мѣстности продолжались.

29-го числа, кабардинскаго егерскаго полка капитанъ Евдокимовъ съ небольшимъ отрядомъ былъ отправленъ въ Геленджикъ; на дорогѣ имѣлъ дѣло съ шапсугами, отбилъ у нихъ рогатаго скота болѣе 50-ти штукъ, и въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны убитъ 1 рядовой, ранены: офицеръ 1 и рядовой 1. Къ вечеру въ этотъ день отправлены изъ отряда, подъ начальствомъ полковника Горскаго, въ Ольгинское укрѣпленіе часть перевозочнаго обоза и всѣ офицерскія лошади. 30-го числа отрядъ Евдокимова возвратился изъ Геленджика и продолжалось заготовленіе мѣстныхъ матеріаловъ на горахъ для укрѣпленія.

1-го іюля, день рожденія Государыни Императрицы Александры Θεодоровны, былъ празднованъ на флотѣ, стоявшемъ въ бухтѣ, и въ отрядѣ: у литургіи былъ начальникъ отряда и всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, бывшіе налицо въ отрядѣ; при возглашеніи многолѣтія Ихъ Величествъ, съ флота и въ отрядѣ производилась пальба изъ орудій; послѣ молебна общество офицеровъ было приглашено къ столу начальника отряда; отбитый у шапсуговъ рогатый скотъ весь былъ отданъ въ роты на порціи нижнимъ чинамъ. Въ этотъ день, при сильномъ вѣтрѣ, дождь принимался идти нѣсколько разъ.

Со 2-го числа по 7-е включительно ничего замѣчательнаго въ отрядѣ не случилось; занимались заготовленіемъ лѣса, выгрузкою съ судовъ подвозимаго изъ Тамани провіанта и другихъ предметовъ военнаго снабженія; ежедневныя фуражировки не обходились безъ потери;—такъ, 7-го числа, возвратившійся съ фуражировки отрядъ привезъ трехъ раненыхъ рядовыхъ и одного убитаго. 5-го числа пріѣзжали къ начальнику отряда два шапсуга и просили пощадить жителей и не истреблять ихъ жилищъ, обѣщая жить мирно; но имъ было въ этомъ отказано. 8-го, 9-го и 10-го продолжалась рубка лѣса и расчистка дороги на горѣ и около моря. 10-го же прибылъ отрядъ съ Ольгинскаго тетъ-де-пона и потерялъ во время этого пути: убитыми 1-го офицера и болѣе 10-ти рядовыхъ, а ранеными до 20-ти человекъ; возвратившіеся офицеры рассказывали, что въ конныхъ партіяхъ горцевъ они видѣли человека въ европейскомъ гражданскомъ платьи, и при немъ горскаго всадника съ краснымъ значкомъ на длинномъ древкѣ, и полагаютъ, что это былъ именно англичанинъ Белль. До 14-го числа все шло тѣмъ же порядкомъ: работы, набѣги на аулы и фуражировки. 14-го же числа, въ 7-мъ часовъ утра, прибылъ въ бухту пароходъ и дано знать въ отрядъ, что въ тотъ же день придутъ графъ Воронцовъ и графъ Виттъ. Въ 6-ть часовъ вечера, дѣйствительно, выстрѣлы изъ орудій въ отрядъ и съ флота возвѣстили о прибытіи этихъ вельможъ. Они вышли на берегъ и были встрѣчены генераломъ Вельяминовымъ со штабомъ. Графъ Воронцовъ (*) былъ вмѣстѣ съ своею супругою, окруженною нѣсколькими дамами; они посѣтили лагерь отряда, осмотрѣли расположеніе укрѣпленія; пили чай и закусывали у начальника отряда, а въ девять часовъ отправились на корветъ «Ифигенія», на которомъ прибы-

(*) Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, путешествовалъ, какъ говорятъ, по Высочайшему повелѣнію.

ли къ кавказскимъ берегамъ; этотъ корветъ сопровождалъ пароходъ „Петръ Великій“, давшій знать начальнику отряда о намѣреніи сіятельныхъ особъ взглянуть на дѣйствующій отрядъ.

15-го числа, рано утромъ, корветъ „Ифигенія“, въ сопровожденіи сказаннаго парохода, отправился въ дальнѣйшій путь къ Геленджикю, а оттуда, какъ говорили, направится въ Трапезондъ.

16-го числа продолжались приготовительныя работы для закладки форта; а 17-го, при церковномъ парадѣ и молебствіи, произведена и самая закладка этого укрѣпленія. Въ 9-ть часовъ утра, назначенныя въ парадъ войска, именно: два баталіона навагинскаго, одинъ баталіонъ кабардинскаго полковъ и рота кавказскаго сапернаго баталіона, прибыли къ мѣсту закладки укрѣпленія. Войска построились въ каре, съ открытымъ въ южную сторону фасомъ; передъ фасомъ, къ востоку, внутри каре, находился прилично убранный цвѣтами и зеленью столъ, на который поставлена была икона Пречистыя Дѣвы Богоматери. Эта икона огромной величины, въ серебряной чеканной ризѣ, пожертвованная также графомъ Апраксинымъ за полѣвка до настоящаго времени. По сторонамъ иконы водружены были двѣ походныя хоругви, на столѣ святой Крестъ, Евангеліе и чаша съ водою. Въ 10-ть часовъ прибылъ къ параду начальникъ отряда, генералъ-лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, въ сопровожденіи контръ-адмирала Патаніоти, своего штаба и почти всѣхъ офицеровъ гвардіи, прикомандированныхъ къ отряду на время экспедиціи. По отданіи, по воинскому уставу, чести начальнику, пробито было „на молитву“, послѣ которой полковой священникъ тенгинскаго пѣхотнаго полка, отецъ Григорій Романовскій, сказалъ кавказскимъ воинамъ весьма дѣльную и приличную рѣчь, согрѣтую чувствомъ истиннаго патріотизма и преданности Царю и отечеству. 20-го числа назначенъ былъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Штейбе, отрядъ изъ 4-хъ баталіоновъ— 2-хъ навагинскаго и 2-хъ тенгинскаго полковъ, съ артилеріею—для

слѣдованія къ Абинскому укрѣпленію. Войска эти обязаны были, сдѣлавъ необходимыя исправленія въ укрѣпленіи, заняться разработкою дороги отъ Абина къ укрѣпленію Николаевскому. Занятія этого отряда окончились только 3-го августа; во все это время ничего особенно замѣчательнаго въ отрядѣ не случилось; но, кромѣ работъ и обыкновенныхъ фуражировокъ, мимоходомъ жгли аулы. Въ это время нашъ баталіонъ былъ отдѣльно и расположился лагеремъ при сѣверной подошвѣ горы Нако, для заготовленія и доставленія строительныхъ матеріаловъ къ возводимому укрѣпленію Александрійскому на р. Дооби; здѣсь мы простояли по 13-е сентября, и я, любуясь великолѣпнымъ разнообразіемъ хребта Нако, написалъ

Утро въ горахъ.

Авроры розовый покровъ,
Узорно вышитый огнистыми струями,
Раскинулся красиво надъ горами;
И розовая цѣпь восточныхъ облаковъ
То вьется кольцами, то кольца развиваетъ
И тихо въ высь, на небосклонъ,
Горящій міра медальонъ
Великолѣпно подымаетъ.
Роса—природѣ даръ небесъ,
Какъ пыль разбитаго алмаза,
Усыпала поля, ущелья, лѣсъ,
Вершины дикія Кавказа.
Проснулся станъ, но все молчитъ,—
Какъ бы задумчивость бродила межъ шатрами;
Живой разсказъ героев не кипитъ,
Не собираются въ кружокъ передъ огнями;
Съ плѣнительной какой то тишиной

Слилась гармонія природы;
Лишь божьихъ птичекъ хороводы
Поютъ Творцу хвалебный гимнъ святой;
Акомпанируетъ ихъ пѣнью ясный, чистый,
Журча по камышкамъ, ручей;
Лѣсъ не шелохнется вѣтвистый,
Не слышенъ вой звѣрей;
И буйный вѣтеръ—пѣсельникъ сердитый,
Какъ будто бурею къ скалѣ прибывшій,
Чуть дышитъ, притаясь въ ущельяхъ горъ;—
Онъ, мнится, слушаетъ пернатыхъ пѣвчихъ хоръ.

О человекъ! когда бъ душою
И совѣстью былъ свѣтель ты,
Какъ эти чистыя, въ часъ утра, надъ землею,
Святыя неба высоты!

О люди! если бъ вы, съ высокими мечтами
И съ изувѣченнымъ ученостью умомъ,
И съ незрѣлыми премудрости плодами,
И славою увѣпчаннымъ челомъ,
Когда бы гордости и личности не знали,
Не подносили бъ ядъ вы ближняго къ устамъ
И добродѣтелью сіяли,

Какъ солнце красное сіяетъ намъ,—
Тогда бъ душой другъ друга вы любили,
Не мрачный на дѣла свои бросали взоръ;
Въ душѣ бъ покойны, тихи были,
Какъ утро лѣтнее среди кавказскихъ горъ.

13-го сентября нашъ баталіонъ присоединился къ отряду на
Абинѣ, откуда, съ бывшими тамъ баталіонами, двинулся къ Ольгин-

скому тетъ-де-пону, для препровожденія изъ укрѣпленія больныхъ и раненыхъ и для конвоирования, при обратномъ движеніи, обоза съ предметами военныхъ снабженій, для укрѣпленій вообще. 18-го числа нашъ отрядъ, возвратясь съ Ольгинскаго тетъ-де-пона, къ укрѣпленію Абинскому, соединился съ главнымъ отрядомъ, который, 24-го числа, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Вельяминова, направился къ крѣпости Анапѣ; при чемъ, до 27-го числа дѣлалъ небольшія передвиженія, останавливаясь на позиціяхъ и истребляя аулы, производя набѣги въ стороны колоннами въ одинъ и въ два баталіона. При этихъ походахъ перестрѣлки были незначительныя, и потеря съ нашей стороны самая ничтожная, такъ какъ внезапныя наши нашествія на аулы по большей части производились въ ночное время, при глубокой тишинѣ, когда воспрещалось даже крестить огонь и курить трубки,—что заставляло горцевъ болѣе зажиматься спасеніемъ своихъ семействъ и пожитковъ, чѣмъ отраженіемъ нашихъ нападеній—о чемъ врядъ-ли они и помышляли. Въ эти ночные походы нижніе чины не только дремали, но, положительно скажу, иные на походѣ просто спали, чему я самъ былъ очевидецъ и даже самъ убѣдился въ силѣ сна при такомъ положеніи человѣка. Нерѣдко случалось, что лошадь задремавшаго офицера натыкалась на штыкъ полусоннаго солдата. Здѣсь кстати замѣтить, что, во время кавказскихъ походовъ, вообще дозволено было всѣмъ оберъ-офицерамъ имѣть верховыхъ лошадей. Наконецъ, 27-го числа, мы вступили въ густо заселенное Баканское ущелье, въ которомъ до сего времени не показывались русскіе; по ущелью текла рѣчка Адуконъ. Тутъ только сопротивленіе дошло до отчаянныхъ нападеній: непріятель часто бросался въ шашки не только на цѣль и на резервы, но и на роты, къ которымъ обыкновенно отступали стрѣлки. Сколько въ этотъ день убыло изъ строя во всемъ отрядѣ—не знаю; но въ нашей ротѣ убиты: унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 3; ранено: рядовыхъ 5, въ томъ числѣ находившійся при мнѣ рядовой Молендъ, о которомъ я уже упоминалъ; пуля, попавшая въ

трубку моего штыка, когда я заряжалъ ружье, отразилась, ударила его въ правую руку выше локтя и осталась въ ранѣ. Я тутъ же самъ перевязалъ его рану и предложилъ ему отправиться въ колонну, но онъ не оставилъ меня до ночлега. Въ колоннѣ вырѣзали ему пулю, и дней чрезъ десять онъ вновь ходилъ въ стрѣлкахъ со мною въ одной парѣ. На ночлегѣ въ этотъ день, подъ вліяніемъ сильныхъ ощущеній, я почти не спалъ цѣлую ночь и кончилъ начатое мною въ дождливое время стихотвореніе

К о с т е р ь.

Гроза утихла, лишь шумятъ
Съ высокихъ горъ потоки дождевые,
И быстро тучи громовыя
По небу темному летятъ.
Ночныя тѣни покрываютъ
Долины, горы, черный лѣсъ;
Огни звѣздяціе небесъ
Межъ тучъ едва мерцаютъ.
Въ ущельяхъ легъ густой туманъ;
Все мрачно, тихо межъ горами;
Враги умолкли. Русскій станъ
Развелъ огни передъ шатрами.....
Счастливыцы юноши, въ кругу молодыхъ цердей,
Герои залъ великолѣпныхъ,
Не вамъ понятъ бивакъ военныхъ,
Всю прелесть лагерныхъ огней!
Васъ не плѣнить, любимцы рока,
Войной окруженный Кавказъ;
Сердца желѣзныя у васъ
Изъѣла ржавчина порока.

Такъ не для васъ пою,—на лпрѣ же моей,
Кавказской пылею покрытой,
Въ бояхъ расколотой, разбитой,
Я пѣсню пробренчу для воиновъ-друзей:

Гори костеръ, дымись, отрадный,
Башлыкъ и бурку осуши;
Ты—утѣшенье жизни ратной,
Ты—радость сердца, другъ души!

Гори, какъ наша жизнь сгораетъ;
Свѣтлѣй, свѣтлѣй, мой огонекъ!
Твой милый пламень собираетъ
Кавказскихъ воиновъ въ кружокъ.

Какъ милыхъ сердцу, такъ любимца
Тебя, встрѣчаемъ средь шатровъ:
Ты такъ же грѣешь несчастливца,
Какъ Руси счастливыхъ сыновъ.

Изъ тучъ ли бурей низверженный
Омочить дождь насъ среди горъ,—
Ты насъ осушишь, другъ военный,
И оживишь нашъ разговоръ.

Иль послѣ труднаго похода
Захочемъ освѣжить языкъ,—
Ты вмигъ на пуншъ согрѣешь воду,
Поджаришь въ ужину шашлыкъ.

Тебѣ, костеръ, я посвящаю
Мои и думы, и мечты;
Въ твоёмъ огнѣ я созерцаю
Военной жизни суеты.

То горделиво ты пылаешь,
Какъ славы жаждущій герой;

То блескъ теряя, угасаешь,
Какъ въ ранахъ воинъ молодой.

То ты алмазами сверкая,
Лампадой счастья горя,
Со трескомъ искры разсыпая,
Блестишь наградами Царя;

То дымомъ чернымъ окруженный,
Едва-едва костеръ горитъ,
Какъ сынъ отчизны, осужденный
Судьбой, въ дыму, безъ блеска жить.

Сентября 28-го, съ разсвѣтомъ, въ цѣпяхъ началась перестрѣлка, и отрядъ не ранѣе шести часовъ могъ только устроиться къ походу и двинуться впередъ. На пути, въ этотъ день, истреблены аулы: Соутъ, Хойстъ, Хочелкъ. Этотъ день стоилъ намъ дорого; особенно значительная потеря была въ имеретинской и мингрельской дружинахъ. Въ одномъ нашемъ баталіонѣ, въ числѣ раненыхъ, былъ одинъ изъ разжалованныхъ, именно—бывшій князь Сангушко; а въ правой нашей цѣпи убитъ наповаль лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подпоручикъ Александръ Павловичъ Батюшковъ, тѣло котораго, по сдѣланному распоряженію, приказано довести до вр. Анапы, гдѣ и похоронить съ надлежащею почестью. Весь этотъ день ружейная перестрѣлка, мѣшаясь съ рѣдкими выстрѣлами артилеріи, рѣшительно не умолкала.

29-го числа мы уже приближались къ анапской равнинѣ и въ этотъ день уничтожили большой аулъ Лезерокъ, а 30-го числа такой же аулъ Тайлисъ. Этотъ послѣдній можно было уже считать на равнинѣ, такъ какъ самое ущелье осталось за нами верстахъ въ двухъ.

1-го октября мы дѣйствовали уже на равнинѣ, и говорили

въ отрядѣ, что здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ одними только натухайцами, такъ какъ шапсути отказались помогать этому племени, будучи сами заняты приведеніемъ въ порядокъ своихъ жилищъ къ предстоящей зимѣ.

2-го числа мы имѣли сильную перестрѣлку при истребленіи аула Зененіокъ, и здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ употребленіе горцами въ бою стрѣлъ. Первоначально мы въ цѣпи изумлены были непонятнымъ, какимъ то рѣзкимъ, шипѣніемъ, моментально поражающимъ нашъ слухъ; но, когда нѣсколько стрѣлъ воткнулись вблизи стрѣлковъ въ землю и даже двумъ стрѣлкамъ попали въ ихъ походныя торбы,—мы отгадали въ чемъ дѣло. Раненыхъ стрѣлами у насъ не было, хотя онѣ шипѣли довольно часто; но на другой день, то есть 3-го числа, когда отрядъ прибылъ къ крѣпости Анапѣ, я видѣлъ одного черноморскаго коннаго казака раненаго стрѣлою въ лѣвое плечо, у котораго товарищъ его выдернулъ стрѣлу. Однако, желѣзное копьцо стрѣлы всетаки осталось въ тѣлѣ, такъ что врачъ вынулъ его уже посредствомъ операціи. Докторъ, осмотрѣвъ представленныя ему, поднятыя на походѣ стрѣлы, пришелъ къ заключенію, что наконецники стрѣлъ, въ видѣ очень острыхъ копій, прикрѣплены къ тростинкамъ изъ кизиловаго дерева туго-обтянутою на клею полоскою изъ коры черешневаго дерева, именно съ тѣмъ, чтобы отъ теплой крови оклейка отстала, а копьцо осталось бы въ ранѣ.

Послѣ похоронъ Александра Павловича Батюшкова, чтобы почтить память храбраго офицера (*) и потомка нашего поэта-воина, Константина Николаевича Батюшкова, воспѣваго въ 1814 году переходъ русскихъ черезъ Рейнъ,—я написалъ на смерть его стихи:

Въ лѣто плѣнительной, веселой, юной жизни,

(*) Въ эту же экспедицію, прежде въ ущельи Атакуафъ, онъ былъ раненъ въ ногу и, получивъ облегченіе, прибылъ вновь въ отрядъ.

Подъ свистомъ пуль, съ безстрашными въ рядахъ,
Ты палъ, достойный сынъ-отчизны,
Кавказа дикаго въ горахъ.
Твой путь къ обители подземной
Пожаръ ауловъ освѣщаль,
Музыкою гремѣлъ перунъ грозы военной,
И горный вѣтеръ гимнъ надгробный напѣвалъ.
Почій! пройдутъ лѣта, громъ битвъ въ горахъ утихнетъ,
Кавказъ роскошно жизнью зацвѣтетъ,
И русскій врестъ средь скалъ воздвигнетъ,
Съ молитвой знамя разовѣетъ;
Тогда придетъ потомокъ отдаленный
Къ твоей могилѣ изъ страны родной,
Благословить твой прахъ, въ чужбинѣ погребенный,
И вѣтвь лавровую на гробъ положить твой.

Четвертаго октября, при рѣчкѣ Цетвай, въ шести верстахъ отъ Анапы, отрядъ сталъ лагеремъ, и съ этой позиціи небольшими колоннами дѣлались набѣги на аулы. Первый набѣгъ, такъ сказать, сдѣланъ былъ случайно: 7-го октября изъ отряда выступили, собственно для фуражировки, четыре баталіона пѣхоты и полусотня конныхъ черноморскихъ казаковъ. Колонна направилась къ станицѣ „Зеленаго мыса,“ не доходя до которой сожгла два небольшіе аула и возвратилась съ двумя только ранеными и большимъ запасомъ фуража. 12-го числа весь отрядъ двинулся къ Суджукской бухтѣ, на походѣ истребилъ четыре аула и въ это время, на высотахъ, называемыхъ Сарачай, потерялъ убитыми 1-го оберъ-офицера, 1-го унтеръ-офицера и 9-ть рядовыхъ, да ранеными до 20 человекъ. 13-го сожгли аулъ Цемесъ на рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Суджукскую бухту, невдалекѣ отъ развалинъ древней генуезской

крѣпости Суджукъ-кале и въ 15-ти верстахъ отъ впаденія въ ту-
же бухту рѣчки Дооби, гдѣ возводилось укрѣпленіе Александрій-
ское. 15-го числа разорили аулъ Татже, а 20-го колонна, въ
шесть баталіоновъ, съ орудіями полевой артилеріи и казаками,
прошла болѣе 15-ти верстъ внизъ по рѣчкѣ Цегвай и уничтожила
всѣ аулы, разбросанные по обоимъ ея берегамъ. Такъ какъ раз-
громъ ауловъ на равнинѣ вообще производился однимъ и тѣмъ же
порядкомъ, то мнѣ вздумалось изобразить картину этихъ нападеній
стихами, описавъ одинъ изъ нихъ:

Походъ къ аулу на анапской равнинѣ

Отрядъ готовъ, сомкнулися въ рядахъ,

Стрѣлки рассыпались. Чу! заиграли горы;

Вожди дружины на коняхъ—

И тихо двинулись колонны.

Вдали раскинулся Кавказъ,

Громады горъ его чернѣли;

Казалось, въ грозный бури часъ,

Тамъ бездны волнъ морскихъ взревѣли,

Всклубились, вспѣвились,—окаменѣли...

Тамъ, мнится, ураганъ себѣ пріютъ избралъ,

Съ друзьями-вихрями кочуя,

Иль, утомясь надъ бездной водъ, бушуя,

Подъ пеленой тумана отдыхалъ.

Въ горахъ примѣтенъ дождь, а здѣсь эфиръ священный

Покрылся тучами, какъ крыльями орла,

И радуга аркадой разноцвѣтной

Небесный куполъ подперла.

Идемъ. Предъ нашими стрѣлками

Черкесы смѣлые, разсѣясь на поляхъ,

На быстрыхъ, какъ Кавказа лань, коняхъ
Летаютъ горными орлами.
Смотрите! вотъ несется къ намъ стрѣлой,
И дышитъ мщеніемъ червее неустрашимый...
Падешь, наѣздникъ удалой!
Мы сыпнемъ на тебя градъ пуль неумолимый;
Рѣшетка ребръ твоихъ костей
Желѣзный штыкъ не переломить;
И мщенья огонь, груди воинственной твоей,
Свинцовой пули не растопить.
О не безумствуй же, джигитъ!
Не разъ ты зрѣлъ въ пожарахъ боя,
Какъ вашей кровью былъ покрытъ
Штыкъ свѣтлый русскаго героя.
Не внемлетъ—прямо къ намъ летитъ.
Вотъ близокъ дерзкій сынъ Беллоны,
Поводя онъ укоротилъ,
Привсталъ въ сѣдлѣ, къ плечу винтовку приложилъ,—
И пуля свистнула въ колонны...
Браздами тронулъ чуть уздень—
Конь на дыбы, встряхнувши головою,
Полкруга описалъ—и прежнею тропою
Помчался, какъ въ поляхъ испуганный олень.
Но вотъ, другой еще быстрѣй несется;
Конь вороной—змѣя подъ сѣдокомъ,
Густая грива бунчукомъ
По воздуху, волнуясь, вьется.
Вдругъ, пуля мѣтая стрѣлка
Къ нему навстрѣчу засвистѣла,
Пѣснь гибели ему пропѣла,—
И мчится конь безъ сѣдова....
Раздался крикъ враговъ, и эхо заревѣло,—

Пустили бѣшеныхъ коней,
И кровью дружною своей
Хотятъ купить собрата тѣло;
Летятъ къ погибшему...Вдругъ, наша цѣпь легла,
Колонна раздалася,
Картечь изъ мѣднаго жерла
Въ толпу со свистомъ понеслася.
Въ нихъ чувство страха замерло,
Быстрѣ ринулись исполнить долгъ священный,
Съ коней въ мгновенье, на сѣдло
Схватили трупъ окровавленный.

.
.

Въ долину, устланной гирляндами цвѣтовъ,
Гдѣ роза дивная роскошно расцвѣтаетъ,
Ручей, какъ цѣпь серебряныхъ оковъ,
Гремитъ, сады красиво обтекаетъ;
Гдѣ дикій виноградъ обвилъ
Черешню, яблоню и сливу, и кизиль,—
Въ долину тамъ аулъ раскинулся богатый;
Онъ искони цвѣтетъ, тревогъ войны не зналъ,
И не сверкалъ предъ нимъ нашъ русскій штыкъ крылатый,
И громъ военныхъ бурь еще не грохоталъ.....

Вдругъ, крикъ ура!—и дрогнула долина:

Чугунный градъ запрыгалъ по вустамъ,
Имеретинская дружина
Грозою ринулась къ врагамъ....
А тамъ, на дротики казаки,
Какъ вихрь, какъ вѣтеръ понеслись;
А здѣсь, стрѣлки, въ пылу атаки,
Въ аулъ штыками ворвались....

И плачь, и крикъ въ огнѣ сраженья;
Клубится дымъ, ауль горить,—
Черкесь съ семействами бѣжить
Въ лѣсахъ, горахъ искать спасенья,
А русскій—лагерь свой разбилъ
У саклей обгорѣлыхъ,
Рыданье вдовъ и плачь дѣтей осиротѣлыхъ
Веселой пѣснью заглушилъ.

21-го октября небольшая колонна, подъ личнымъ начальствомъ генерала Вельяминова, двинулась, вѣроятно для осмотра мѣстностей, въ ущелье, по направленію на югозападъ, которое называли Дерское, но текущую по немъ рѣчку именovali Джуба. Конечно, и при этой рекогносцировкѣ отрядъ не оставилъ за собою ни одной сакли безъ истребленія. На другой день, то есть 22 числа, въ полдень, отрядъ дошелъ до берега моря и сталъ биваками. Здѣсь мы имѣли отдыхъ, дневку. Ни одного выстрѣла не слышно было въ цѣпи, хотя въ это время производилась съемка мѣстности. Погода была великолѣпная; многіе купались въ морѣ; въ нѣкоторыхъ кружкахъ раздавались пѣсни; вообще, отрядъ имѣлъ какой то праздничный видъ. Да и дѣйствительно, въ это число празднуется день казанской чудотворной иконы пресвятыя Богородицы; притомъ, тогда же по полкамъ прошелъ слухъ, что этотъ походъ послѣдній въ экспедицію настоящаго года. Здѣсь я набросалъ стихотвореніе:

Биваки на берегу моря.

Подъ тогой темногубой
Стихія мрачная бушуетъ и влокочетъ,
Изъ безднъ на землю хлынуть хочетъ
Сребристою волной.

О не бушуйте вы, эвесинскія пучины!

При васъ скалы, Кавказа исполины,

Въ кремнистыхъ панцыряхъ на стражѣ вѣковой!

Вотще ревете буйный гимнъ свободы!

Пусть вашъ соратникъ, аквилонъ,

До громоносныхъ тучъ подыметъ воды—

Вы не нарушите Предвѣчнаго законъ,

Богонаписанный уставъ природы:

Не сдвинутъ вамъ громады скалъ,

Не вамъ залить Эльбрусъ, чрезъ тучи бросить валъ.

А тамъ, на лонѣ водъ, гдѣ парусъ чуть бѣлѣетъ,

Тамъ море Черное лелѣетъ

На голубой груди своей

Эскадру русскихъ караблей;—

То ихъ баюкаетъ, качаетъ,

То пѣсню бури имъ поетъ,

То бѣетъ волнами, то ласкаетъ,

То славы ихъ путемъ ведетъ.

О русскій флотъ благословенный!

Безстрашнымъ лебедемъ носись по безднѣ водъ,

И славу передай свою изъ рода въ родъ;—

Твой зодчій былъ—Великій, вдохновенный.

О русскій флотъ! я не забылъ,

Какъ ты, привѣтствуя родныхъ полковъ знамена,

Свой флагъ побѣдный распустилъ. (*)

(*) Въ 1828 году я состоялъ въ отрядѣ полковника Симишина, занявшемъ, 22-го іюля, послѣ перестрѣлки, монастырь св. Константина подъ Варною, для сообщенія дѣйствующаго сухопутнаго отряда съ эскадрою, прибывшею изъ подъ крѣпости Анапы съ 13 и 14 егерскими полками. Въ монастырѣ всѣ монахи разбѣжались, а частію были избиты турками; иконы изуродованы, въ изображеніяхъ святыхъ глаза проволоты, въ церкви колодезь св. Константина, передъ царскими вратами, оскверненъ брошенными въ него нечистотами.

И стѣны древняго Одессетона

Съ бортовъ своихъ громилъ (*).

.
Здѣсь море, тамъ пожаръ;—ауль врага пылаеть,

И черный дымъ клубится по горамъ,

И вѣтеръ пепломъ саклей ихъ ровняетъ

Могилы праотцевъ....А тамъ...

Не два-ль орла тамъ на горѣ высокой?

Не стрѣлы-ль молніи при крыльяхъ ихъ горятъ?

Не два-ль креста могилы одинокой,

Украшенные бронзою, стоятъ?—

Нѣтъ, нѣтъ; то два стрѣлка дружины закубанской.

Гдѣ жъ взяли крылья? гдѣ полетъ?

Видали мы хребетъ балканскій,

Видали Альпы мы,—гдѣ жъ русскій не пройдетъ?

По возвращеніи въ лагерь, на анапской равнинѣ начали готовиться къ выступленію на зимнія квартиры: больныхъ и раненыхъ частію оставили въ анапскомъ госпиталѣ, частію отправили моремъ, съ нѣсколькими тяжестями, въ г. Тамань, въ фанаторійскій госпиталь,—и затѣмъ, 6-го ноября, почти налегкахъ, прежнимъ путемъ, выступили къ Ольгинскому тетъ-де-пону, куда и прибыли 10-го числа. Не смотря на то, что мы ожидали отъ горцевъ силь-

(*) Древніе географы помѣщаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Варна, городъ Одессоъ или Одессетонъ. Во время осады Варны, эскадра адмирала Грейга, каждую ночь почти, черезъ каждые четверть часа, бросала въ крѣпость бомбы; а 8-го августа эскадра приблизилась къ крѣпости и, проходя мимо стѣнъ ея на близкомъ разстояніи, судно за судномъ, дѣлала залпы дѣлыми бортомъ съ каждого судна.—Мы, пѣхота, любовались изъ своихъ редутовъ этимъ маневромъ и прозвали его церемоніальнымъ маршемъ Грейга.

Азм.

ныхъ нападеній въ отмщеніе за разгромъ ихъ жилищъ, они насъ пропустили почти безъ выстрѣла, и только имѣли небольшую перестрѣлку на рѣкѣ Тоходуиджъ. Конечно, этому обязаны мы не великую черкесовъ, но уже наступившимъ довольно порядочнымъ холодамъ и туманамъ, что входило, какъ говорили, въ соображеніе генерала Вельяминова—оканчивать экспедицію съ наступленіемъ холодовъ, и когда листъ въ лѣсахъ опадеть.

При Ольгинскомъ укрѣпленіи переправа войскъ и артилеріи чрезъ Кубань на единственномъ паромѣ задержала насъ два дня, и я въ это время, въ заключеніе экспедиціи, написалъ стихотвореніе:

Миражъ на берегу Кубани.

Исчезла ночь, туманъ въ поляхъ;
Покрыла мгла окрестныя долины;
Едва бѣлѣетъ станъ дружины;
Дорогой кажется Кубань въ своихъ брегахъ.
Царь дня, десницею Всевышняго вѣнчавный,
Въ порфирѣ розовой и въ бронѣ золотой,
Въ вѣнцѣ огня, въ коронѣ свѣтозарной,
Съ востока не вступалъ на тронъ свой голубой...
Смотрю на югъ сквозь транспарантъ тумана—
И что жъ! вдали виднѣется предо мной
Жилище древнее героя великана,
Развалины твердыни вѣковой;
Тамъ башни сѣрыя, съ огромными зубцами,
Кой-гдѣ ужъ треснули, паденіемъ грозятъ;
Мосты подъемные, съ чугунными цѣпами,
Надъ рвами, безднами висятъ;
Въ стѣнахъ прорѣзаны бойницы,
Готовы молнію изрыгнуть на враговъ;

И окна узкія съ рѣшетками темницы,
Гдѣ, мнится, слышенъ стонъ закованныхъ рабовъ.
Красивая Коринфа колонада
Образовала темный переходъ;
На ней лежитъ тяжелый сводъ,
Какъ каменистая громада.
Тамъ, мнится, мертво все; могильной тишиной
Твердыни мрачныя объаты,—
И разлѣ эхо грома перекаты
Тамъ вторитъ музыкой стохорной, гробовой.....
Туманъ рѣдѣетъ надъ полями
И поднимается, волнуясь, отъ земли
Все выше, выше....вотъ обнялся съ облаками—
И вмѣстѣ въ голубомъ эфирѣ потекли....
Смотрю...Гдѣ жъ башни, гдѣ твердыни?
Я въ даль топлю свой жадный взоръ...
Ихъ нѣтъ! и вмѣсто ихъ—картины
Хребта угрюмаго кавказскихъ дикихъ горъ.

Квартиры нашему 2-му баталіону тенгинскаго полка назначены были въ селеніи Гривенномъ, верстахъ въ 30-ти отъ впаденія рукава Кубани, Черной Протоки, въ Азовское море, гдѣ находится ачуевскій рыбный заводъ, принадлежащій черноморскому казачьему войску. Селеніе расположено по обѣ стороны этой рѣки; часть по правому берегу называется собственно Гривенное, а часть по лѣвому берегу—Зарубовка. Верстахъ въ шести отъ праваго берега находится черкесскій аулъ, принадлежавшій полковнику Пшекуй-Маукорову, о которомъ я уже упоминалъ; этотъ, поистинѣ честный и добрый мусульманинъ, приглашалъ на свои праздники офицеровъ нашего баталіона; къ нему, въ такое время, съѣзжа-

лись также гостить многіе казачьи штабъ и оберъ-офицеры; всѣ хвалили его радушіе и гостепріимство. На этихъ праздникахъ онъ устраивалъ у себя въ аулѣ конскія скачки и назначалъ отъ себя призы деньгами, коровами, баранами и оружіемъ; впрочемъ, въ назначеніи этихъ призовъ перѣдко участвовали и русскіе офицеры отъ себя. Время мы проводили, какъ обыкновенно проводятъ военные въ деревняхъ; а какъ черноморцы сохранили еще всѣ обычаи, привычки, радушіе и гостепріимство малороссіянъ, то, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, можно сказать: а Черноморье?

“Что за край!

„Валягся сами въ ротъ галушки.

„Виномъ хотъ пару подавай;

„А молодіцы-молодушки!“...

Здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ приходилось намъ зимовать, едва возвратились мы изъ экспедиціи, какъ должны были готовиться вновь къ предстоящему походу въ будущемъ году, и потому, для нижнихъ чиновъ не было другихъ занятій, какъ только починка обуви, одежды, ротнаго обоза, сушеніе квашеной капусты, толченіе сушеной рыбы и набивка этими продуктами мѣшковъ и кулей. Рыбу роты заготавливали, конечно, не красную и не шамаю, приготовляемую на заводахъ для продажи, а рыбу обыкновенную: судаки, щуки и тому подобную, которую пріобрѣтали не покупкою, а работою,—для чего назначали солдатъ чистить и готовить рыбу къ сушкѣ и соленію на заводахъ; за это они получали половину очищенной и подготовленной ими рыбы. Такое распоряженіе ротные командиры считали для артели весьма выгоднымъ; что же касается фронтowychъ занятій, то къ цѣльной стрѣльбѣ нижніе чины пріучались во время боевыхъ походовъ; въ остальныхъ военныхъ экзерциціяхъ не предстояло большой надобности, такъ какъ нашъ неприятель не предпринималъ противу нашихъ войскъ никакихъ правильныхъ движеній, а дѣйствовалъ вразсыпную изъ за кустовъ, камней, съ деревьевъ, изъ овраговъ, ямъ и устраиваемыхъ имъ зава-

ловъ—ночью, днемъ и во всякое время, и почти всегда неожиданно; а если и случалось иногда ожидать нападенія по извѣстіямъ лазутчиковъ, то почти всегда ихъ извѣщенія были ложны.

На зимнихъ квартирахъ я обыкновенно приводилъ въ порядокъ мои записки прежняго времени, участвовалъ въ офицерскихъ бесѣдахъ, иногда въ ихъ оргіяхъ, и только не раздѣлялъ съ ними поѣздокъ—охотиться на звѣря и птицу, къ чему я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго желанія.

Праздникъ Рождества Христова и встрѣчу новаго 1837 года мы отпраздновали и провели также, какъ и въ селеніи Терновомъ; но зима вообще была для насъ покойнѣе,—ни одной тревоги, ни одного непріятельскаго выстрѣла—можетъ быть, по случаю удаленія мѣста нашей стоянки отъ Кубани. Въ половинѣ февраля я получилъ отъ родныхъ изъ Петербурга письмо о смерти нашего незабвеннаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, убитаго 29-го января на дуэли Дантесомъ, племянникомъ бельгійскаго посланника при петербургскомъ Дворѣ. Не имѣя возможности на нашихъ зимнихъ квартирахъ прочитать или услышать какія либо подробности объ этой горестной для русской литературы потерѣ, я попросилъ ротнаго командира отпустить меня въ штабъ полка, въ селеніе Ивановское. Капитанъ разрѣшилъ мнѣ отправиться и оставаться въ штабѣ до выступленія въ экспедицію. По приѣздѣ моемъ туда, я, совершенно неожиданно, на обыкновенномъ домашнемъ обѣдѣ у полковаго адъютанта подпоручика Александра Алексѣевича Баженова, встрѣтилъ переведеннаго въ нашъ полкъ, служившаго въ лейбъ-гвардіи саперномъ баталіонѣ, подполковника Константина Карловича Данзаса (*), бывшаго со стороны А. С. Пушкина се-

(*) Данзасъ, при штурмѣ Бранлова (въ 1828 году) въ чинѣ штабсъ-капитана 7-го піонернаго баталіона, командовалъ охотниками саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ, въ числѣ которыхъ былъ мой товарищъ, по служенію моему въ піонерахъ, прапорщикъ Лрцъ; онъ при этомъ штурмѣ убитъ, а Данзасъ раненъ въ лѣвую руку.

кундантомъ при его дуэли съ Дантесомъ. Тутъ я узналъ нѣкоторыя подробности объ этой дуэли и, между прочимъ, о стихахъ, написанныхъ Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ на смерть Пушкина, за которые будто бы онъ переведенъ былъ изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка тѣмъ же поручичьимъ чиномъ на Кавказъ въ нижегородскій драгунскій полкъ. Въ этомъ стихотвореніи я не нашелъ ничего особеннаго, хотя, дѣйствительно, тамъ есть строфы, въ которыхъ высказаны истины, подобныя тѣмъ, которыя мы находимъ у Державина въ его одахъ: „Вельможа“, „Счастіе“ и другихъ. Оды Державина въ этомъ родѣ помѣщаются и до настоящаго времени въ изданіи его сочиненій,—почему же современному поэту не говорить всѣмъ извѣстной правды о лицахъ, о которыхъ еще въ 1829 году поэтъ Шатровъ сказалъ:

Пріявши власть добро творить,
Возможность защищать гонимыхъ,
Безъ страха правду говорить,
Не зрѣть на лица подсудимыхъ,—

.
.
.
.
.
.
.

Къ празднику Пасхи, которая въ этотъ годъ была 18-го апрѣля, я возвратился въ свою роту и, вмѣстѣ съ нашимъ баталіономъ, изъ куреня Гривеннаго выступилъ въ экспедицію. И въ баталіонъ привезъ новость о назначеніи приказомъ по корпусу, 22-го октября прошлаго года, на мѣсто генераль-лейтенанта Малиновскаго, командующимъ дивизіею генераль-маіора Фезе.

1837 ГОДЪ.

IV.

Сборъ отряда къ укрѣпленію Ольгинскому. Выступленіе отряда въ экспедицію. Появленіе англичанина Беля въ толпѣ горцевъ. Дѣло въ чумбайскомъ лѣсу. Головы съ убитыхъ горцевъ. Прибытіе отряда къ крѣлости Геленджикъ. Извѣстіе о намѣреніи Государя Императора посѣтить съ Наслѣдникомъ отрядъ и береговую линію.

Баталіонъ прибылъ на сборный пунктъ отряда, къ Ольгинскому тетъ-де-пону, 23-го апрѣля. Здѣсь, устроившись лагеремъ, съ 27-го числа, нашъ отрядъ, подъ командою генераль-маіора Штейбе, до прибытія генераль-лейтенанта Вельяминова, занимался конвоирова-ніемъ транспортовъ съ разными запасами, отъ Ольгинскаго къ Абинскому укрѣпленію. Въ это время почти не было перестрѣлокъ; черкесы довольствовались воображаемымъ будто бы наносимымъ вредомъ: они, съ лѣвой стороны дороги, ведущей изъ Ольгинскаго къ Абину, съ того самаго кургана, на которомъ сбирались въ предшествовавшія экспедиціи 1835 и 1836 годовъ, стрѣляли, при движеніи отряда, въ колонну изъ фалконета однофунтовымъ чугуннымъ ядромъ, которое обыкновенно свистѣло, какъ и прежде, перелетая чрезъ отрядъ надъ нашими головами, по крайней мѣрѣ на сажень выше, и забавляло солдатиковъ, не упускавшихъ при этомъ случаѣ поострить по своему; они иногда говорили ядру: ты глупѣе пули; та хоть и дура, да *виноватаго найдетъ*,—пусти ее только въ толпу хоть безъ толку. Впрочемъ, два раза завязывались порядочныя перестрѣлки: въ первый разъ, 26-го числа, сейчасъ по переходѣ чрезъ плотину, на Кунипсѣ, какъ только авангардъ приближился къ тому мѣсту, откуда горцы стрѣляли изъ фалконета, толпа, тщательно скрывшаяся въ мелкомъ лѣсу, окружающемъ курганъ и составлявшая, такъ сказать, прикрытіе этой единственной ихъ ба-

тарей, хотѣла, повидимому, только занять нашу цѣпь перестрѣлкою, чтобы дать время унести свою артилерію на плечахъ восвояси,— и потому, сдѣлавъ залпъ, загикала и открыла ружейный огонь; но едва только протрубили у насъ сигналъ „стой“, и полевое орудіе изъ колонны быстро двинулось на позицію,—горцы перестали стрѣлять изъ фалконета и чрезъ нѣсколько минутъ прекратили вообще перестрѣлку; тогда наше орудіе, бросивъ чрезъ лѣвую цѣпь, вслѣдъ за удаляющимися горцами, гранату, вѣхало на свое мѣсто въ колонну; впрочемъ, при самомъ началѣ перестрѣлки, горцы ранили четырехъ стрѣлковъ. Вторая перестрѣлка, 29-го апрѣля, началась тогда, когда почти вся колонна находилась близъ Абина на чистомъ, ровномъ мѣстѣ, и только фланги арьергардной, да хвосты правой и лѣвой стрѣлковыхъ цѣпей, пробирались мелкимъ лѣсомъ и кустарниками. Въ это-то время горцы, въ двухъ довольно значительныхъ толпахъ, вѣроятно поджидавшихъ, въ скрытномъ мѣстѣ, времени, когда колонна будетъ занимать позицію при укрѣпленіи— а при томъ, обыкновенно, орудія снимаются съ передковъ и лошади выпрягаются—думали сдѣлать внезапное нападеніе на арьергардъ, но плохо рассчитали: какъ только проиграли „стой“, при чемъ, по обыкновенію, стрѣлки и резервы ложатся—хотя строго подтверждалось имъ, чтобы при этомъ, одинъ въ парѣ стрѣлковъ, а въ резервѣ половина взвода, поочередно стояли въ ружьѣ, но, въ этомъ случаѣ, отъ жары и усталости, послѣ похода въ продолженіи цѣлаго дня, стрѣлки почти всѣ легли—два бывшія при резервѣ орудія подвинулись къ цѣпи, снялись съ передковъ, стали на позицію по направленію капиталей угловъ цѣпинаго каре, находившихся въ лѣсу, и заложили картечь. Не прошло пяти минутъ, какъ упомянутыя двѣ нѣшія толпы, съ обоихъ угловъ сдѣлавъ залпы, съ гикомъ бросились на цѣпь; что прежде, чѣмъ онѣ добѣжали до стрѣлковъ, были встрѣчены выстрѣлами изъ орудій, въ подобныхъ случаяхъ почти всегда удачными: ихъ обдало картечью,—гикъ умолкъ и затрещала перестрѣлка, продолжавшаяся до глубокихъ

сумерокъ; при чемъ, лѣвая цѣпь два раза, съ крикомъ ура! бросалась впередъ. Поутру оказалась потеря съ нашей стороны: убитыхъ 2 и раненыхъ 9; съ непріятельской стороны стрѣлки притащили два тѣла, доказывающія удачность дѣйствія нашей артилеріи. Почти одновременно съ нападеніемъ пѣшихъ горцевъ на углы цѣпнаго каре, на дорогѣ, по которой мы слѣдовали, на чистомъ мѣстѣ, прямо передъ фронтомъ арьергарда, появилось человѣкъ сорокъ всадниковъ; у одного изъ нихъ былъ красный значекъ,—поэтому, заключали, что тутъ находился самъ Белль, о пріѣздѣ котораго въ горы упомянуто было выше (1836 годъ). Всадники, джигитуя передъ цѣпью стрѣлковъ, открыли съ ними безвредную перестрѣлку, такъ какъ горцы стрѣляли на скаку, а наши пули, можетъ быть, по той же причинѣ, не находили виноватаго. Въ это время изъ колонны къ цѣпи, на отвозахъ, подкатили орудіе, пустили двѣ гранаты, одна за другою, а вслѣдъ затѣмъ, начали выѣзжать изъ отряда, поодиночкѣ. наши казаки,—и джигиты сочли за лучшее удалиться.

Въ началѣ мая прибылъ къ отряду генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ; съ его пріѣздомъ, къ шести орудіямъ полевой артилеріи присоединилось 8 орудій горной, состоящей изъ трехфунтовыхъ и семифунтовыхъ горныхъ единороговъ, да нѣсколькихъ кегорновыхъ мортирокъ, возимыхъ, вмѣстѣ со станками, какъ и зарядные ящики всей горной артилеріи, на выюкахъ. Съ нашимъ тенгинскимъ полкомъ былъ и навагинскій, которымъ командовалъ уже, съ марта мѣсяца, вмѣсто полковника Свѣховскаго, полковникъ Полтининъ; тутъ же, въ отрядѣ, были также два конныхъ и четыре пѣшихъ полка войска черноморскаго и двѣ роты кавказскаго сапернаго баталіона; сверхъ сего, въ составѣ отряда было сотенъ пять мингрельской, имеретинской и гурійской дружинъ.

Мая 8-го, весь отрядъ, выстроившись принятымъ на Кавказѣ походнымъ боевымъ порядкомъ, рано, почти съ разсвѣтомъ, двинулся по направленію на востокъ къ укрѣпленію Алексѣевскому, ос-

тавивъ вправо дорогу, ведущую чрезъ плотины на Кунисъ; отойдя версть 12-ть безъ выстрѣла, остановились мы на ночлегъ; мѣсто было ровное, и ничего особеннаго во всю ночь не случилось. 9-го числа пошли далѣе, прямо на югъ, и въ теченіи цѣлаго дня замѣчали только издали джигитующихъ черкесовъ. Со втораго ночлега, 10-го числа, выступили тѣмъ же порядкомъ и по тому же направленію. Въ этотъ день, при входѣ въ чумбайскій лѣсъ, въ лѣвой цѣпи, гдѣ находился нашего полка 4-й баталіонъ, подъ командою подполковника Данзаса, началась перестрѣлка; чрезъ четверть часа пальба усилилась такъ, что нашъ командиръ полка, полковникъ Василій Алексѣевичъ Кашутинъ, для усиленія цѣпи, послалъ изъ колонны 4-ю и 5-ю роты, а самъ поскакалъ къ мѣсту перестрѣлки. Едва успѣлъ сказать: „стрѣлки, впередъ, за мной! васъ поддержать“,—какъ пуля ударила его въ лѣвый бокъ; онъ бросилъ шапку, взялъ поводья въ правую руку, лѣвою зажалъ рану, и съ 4-ю мушкетерскою ротою предупредилъ сбѣгавшихся въ толпу горцевъ, ударивъ на нихъ въ шпыки. Горцы не выдержали—побѣжали; въ время подоспѣвшій съ 5-ю мушкетерскою ротою горный единорогъ брызнулъ въ толпу картечью и продолжалъ дѣйствовать, поддерживая огонь нашей цѣпи. Тугъ, скорѣ храбрый нашъ полковникъ упалъ съ лошади и сказалъ о своей ранѣ; его понесли въ колонну; онъ былъ необыкновенно блѣденъ, тогда какъ, отъ природы, лицо его всегда было красное, почти багровое; рана оказалась опасною—пуля осталась внутри. Перестрѣлка продолжалась за полдень. Въ это время вынесли изъ цѣпи командовавшаго 4-ю мушкетерскою ротою поручика Егора Родіоновича Рыкова, смертельно раненаго въ грудь; къ нему подошелъ со слезами на глазахъ родной его братъ Яковъ, поручикъ нашего же полка; умирающій Рыковъ, у котораго горломъ шла кровь, желая скрыть это отъ брата, закрывая ротъ платкомъ, говорилъ ему: „ахъ, ты баба, баба! ты долженъ бы радоваться, а не плакать, что братъ твой умираетъ такою смертію“. Солдаты, которые несли его, почти въ одинъ го-

лось повторили: „вотъ былъ молодецъ, такъ молодецъ; намъ не нажить такого командира!“ Яковъ Рыковъ мгновенно пересталъ плакать и началъ шутить съ солдатами.

Вотъ вамъ военно-психическая задача: рѣшите вопросъ объ этой печальной радости и о смежности чувствительности съ самоотверженіемъ—чего не увидите при умирающемъ, около котораго родной

„Сидитъ и мыслить про себя:

„Да скоро-ль чортъ возьметъ тебя.“

Между тѣмъ, отрядъ, миновавъ Абинъ, приближался къ багайокской долины; день клонился къ вечеру; вдали, предъ авангардомъ, видны были джигитующіе горцы, какъ бы вызывающіе съ нашей стороны охотниковъ помѣряться съ ними военною ловкостью;—наши не заставили долго ждать: человекъ сто изъ милиціонеровъ понеслись впередъ, и завязалась перестрѣлка; при этомъ, кажется, только за компанію, слышались также въ правой и лѣвой цѣпяхъ наши ружейные выстрѣлы, всегда рѣзко отличающіеся по звуку отъ выстрѣловъ изъ черкесскихъ винтовокъ. Наконецъ, часовъ въ 7-мъ, отрядъ остановился биваками; развелъ, по обыкновенію, огни; закипѣли самовары около офицерскихъ костровъ; маркитанты засуетились около своихъ повозокъ, деньщики около выюковъ; фельдфебеля повѣряли людей, записывали убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ, то есть, попросту—бѣжавшихъ къ непріятелю. Не знаю, сколько убыло изъ строя во всемъ отрядѣ, но въ шести ротахъ нашего полка, бывшихъ въ дѣйствительномъ дѣлѣ, насчитано убитыми: унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 5; ранеными: унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 18, да двухъ парочекъ стрѣлковъ вовсе налицо не оказалось. Однимъ словомъ, все шло обычнымъ беспорядкомъ: пальба въ цѣпи безъ толку, на шорохъ, хотя изрѣдка, но, кажется, продолжалась почти всю ночь; я же заснулъ, когда капитану фельдфебель передалъ словесное приказаніе на завтрашнее число: по диспозиціи, нашъ 2-й баталіонъ наз-

начался въ авангардѣ.

На другой день, пообедавши вовсе не въ обѣденное время, а, *согласно словесному приказанію*, въ пятомъ часу утра, мы построились извѣстнымъ порядкомъ на указанной позиціи, разложивъ предварительно на заровненныхъ тщательно могилахъ убитыхъ въ дѣлѣ большіе костры огня, какъ для предосторожности открытія тѣлѣ шакалами, такъ и отъ любопытства горцевъ, и двинулись къ укрѣпленію Николаевскому. Поручикъ Рыковъ былъ еще живъ, и его понесли въ колоннѣ. Къ вечеру мы остановились въ ущельи Атакуафъ, при укрѣпленіи Николаевскомъ; здѣсь разбили лагерь; потери въ этотъ день, то есть, 11-го числа, у насъ не было, хотя во время всего движенія стрѣльба въ боковыхъ цѣпяхъ почти не прекращалась. На другой день, 12-го мая, когда на водопой, прикрытый рогою пѣхоты, при горномъ орудіи, и цѣпью сгрѣлковъ, кавалерія наша повела своихъ лошадей и при этомъ слишкомъ растянулась по обѣ стороны рѣчки Атакуафъ, горцы осторожно обошли прикрытіе, и изъ лѣсу открыли по водопою огонь, при чемъ, при первыхъ же выстрѣлахъ, сгрѣзали одного изъ милиціонеровъ, трехъ ранили, да нѣсколько лошадей подстрѣлили; тутъ, разумѣется, началась перестрѣлка и продолжалась часа два.

При Николаевскомъ укрѣпленіи мы простояли до 20-го числа; отсюда отправили раненыхъ въ абинскій госпиталь. Перестрѣлки въ цѣпи были ежедневныя, но ничего особеннаго не случилось; разъ только, именно, съ 16-го на 17-е число, передъ разсвѣтомъ, дежурные офицеры, унгеръ-офицеры и ефрейторы начали тихонько будить людей, съ приказаніемъ не шумѣть, осторожно выходить изъ палатокъ и становиться въ ружье; мы выходили, шептались; каждый по своему толковалъ это распоряженіе; большинство говорило, что горцы собрались въ большихъ силахъ и хотятъ, съ восходомъ солнца, сдѣлать на лагерь нападеніе. Роты построились, вышли на позицію; подкатили къ намъ артилерію—и мы были наготовѣ. И дѣйствительно: едва занялась заря, какъ въ передовой цѣпи, обра-

щенной на югъ, къ ущелью, которымъ предполагалось слѣдовать далѣе (другой дороги не было), завязалась перестрѣлка; милиціонеры поскакали впередъ, за ними двинулись двѣ роты навагинскаго полка, подъ личнымъ предводительствомъ полковаго командира полковника Михаила Петровича Полгивина; слышны были гикъ и ура! Дѣло кончилось около семи часовъ утра; роты и милиціонеры возвратились въ лагерь; говорили, что потери съ нашей стороны было только восемь человѣкъ раненыхъ.

Въ этомъ лагерѣ, при воспоминаніи о послѣдней войнѣ съ Турціею, объ усмиреніи мятежа въ Царствѣ Польскомъ и подъ вліяніемъ, хотя не столько кровавыхъ событій на Кавказѣ, я, какъ соревнователь военно-инженерскаго ремесла, изложилъ свой взглядъ на войну вообще, въ написанной мною стихами *фантазіи* —

Двѣ бури на Кавказѣ.

..La paix est le rêve des sages:

. La guerre est l'histoire des hommes.

Le comte de Segur.

Не духи-ль черные, остави свѣтъ нашъ душный,
Закаленный въ грѣхахъ, окованный судьбой.
Сомкнувъ ряды, колонною воздушной,
Текутъ по небесамъ въ невѣдомый намъ бой?
Текутъ, мрачатъ афирыне предѣлы,
Текутъ... Чу! громовой тимпанъ загрохоталъ,
Сверкнули огненные стрѣлы,
Земное эхо трескъ схватило среди скалъ.
И гуломъ разнесло,—и дебри зашумѣли;
И огненный разливъ вершины горъ покрывъ,
Органы бури заревѣли,
И вѣтръ печальный гимнъ завывъ.

* * *

Дивенъ для смертныхъ

Бури небесной

Грохотъ и трескъ:

Дивенъ для смертныхъ

Стрѣль огонь чудесный,

Молніи блескъ.

Въ небѣ надъ нами

Тучи полками;

Ночи звѣздами

Горнихъ дружинъ

Вышито знамя.

Тамъ громъ и пламя;

Огненны стрѣлы

Въ мракѣ блестятъ;

Неба предѣлы

Страшно горятъ.

Ждетъ разрушенья

Грѣшный нашъ свѣтъ....

Все есть тамъ въ тучахъ,

Крови лишь нѣтъ.

* * *

Дремалъ подъ тучами Кавказъ,

Какъ будто бурей утомленный.

И вдругъ: „враги! къ ружью!“ раздался крикъ военный...

Вожда знакомый слыша гласъ,

Дружина стала предъ шатрами

Одушевленными стѣнами.....

„Друзья, впередъ!“...Шатнулся строй...

„Впередъ, друзья, во имя Бога!“

Пошли—вскипѣлъ кровавый бой,

Тѣлами стелется дорога;
Гремитъ искусственный перунъ,
Жужжитъ свинецъ, реветъ чугуны;
Скрестились шашки со штыками,
И врагъ въ отчизнѣ легъ костями....
Оконченъ бой. Ряды идутъ
Героевъ утомленныхъ,
И на штыкахъ окровавленныхъ
Вождю смиренно лавръ несутъ,
Горя къ отечеству любовью;
Въ награду ждуть себѣ и славы, и похвалъ.
Но лавръ зеленый ихъ увялъ,
Залитый человѣка кровью.

* * *

Страшны для смертныхъ
Кровь и пожары
Бури земной;
Страшны для смертныхъ
Блескъ и удары
Грани стальной.
Въ небѣ высокомъ—
Грома раскаты;
Въ полѣ широкомъ—
Мѣдный перунъ;
Въ небѣ молитвы—
Тучи крылаты;
Въ полѣ же битвы—
Страшный чугуны.
Въ небѣ священномъ—
Ангеловъ гимны;

Въ станѣ военномъ—
Пѣсни и плачъ.

* * *

Такъ вѣчныя бури въ семь мірѣ пылаютъ;
Земныя, небесныя бури кипятъ;
Земныя—насъ, смертныхъ, въ зѣбрей обращаютъ,
Небесныя—казнью достойной грозятъ.

Мая 20-го, мы сняли лагерь и двинулись къ Черному морю. Впереди колонны, сейчасъ за авангардомъ, шли саперы; за ними пѣшіе черноморскіе казаки, для исправленія, въ случаяхъ нужды, дороги; стрѣлковыя боковыя цѣпи—по вершинамъ горъ. Изрѣдка въ цѣпяхъ слышались наши и черкесскіе выстрѣлы. На ночлегахъ баталіоны занимали позиціи по указанію офицеровъ генеральнаго штаба; на ночь цѣпь усиливалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наши ружейные выстрѣлы учащались; обезпокоенные выстрѣлами, шакалы были цѣлую ночь. Поутру строились и тѣмъ же порядкомъ шли далѣе, оставляя за собою угасающее пламя и дымъ истребленныхъ нами ауловъ и отдѣльныхъ сакль, разбросанныхъ вдоль рѣчки, протекавшей по ущелью, которымъ слѣдовалъ отрядъ.

23-го числа, въ полдень, мы приближались къ гребню высоты Віородабуй. Въ это время въ передовой цѣпи завязалась сильная перестрѣлка; мингрельская и имеретинская дружина изъ колонны по ущелью повнеслась впередъ; вскорѣ на правомъ флангѣ той цѣпи, примыкавшей къ нашей, послышался гикъ горцевъ и крики ура! Затѣмъ, не болѣе, какъ чрезъ десять минутъ, когда наша рота приближалась къ мѣсту схватки, навстрѣчу намъ спускалось съ горы нѣсколько милиціонеровъ; они везли пять непріятельскихъ головъ

къ начальнику отряда (*).

По переходѣ чрезъ Віородабуй, мы спустились къ морю и почти безъ выстрѣла дошли до рѣчки Дооби, гдѣ и остановились на ночлегъ при укрѣпленіи Александрійскомъ.

Съ разсвѣтомъ. 24 числа, отрядъ двинулся къ Геленджику. Здѣсь мѣстность ровная, покрытая рѣдкимъ лѣсомъ и густымъ кустарникомъ, преимущественно состоящимъ изъ такъ называемаго на Кавказѣ держидерева. Это растеніе — кустарникъ, похоже на пшпovníкъ, съ неправильно колючими иглами во всѣ стороны: вверхъ, внизъ и перпендикулярно къ вѣткамъ. По деревьямъ и кустарникамъ вьются лозы дикаго винограда; толщина лозъ къ корню у пѣ-которыхъ доходитъ до $\frac{1}{2}$ фута въ діаметръ горизонтальнаго разрѣза; самый виноградъ, противу привозимаго въ наши русскія губерніи съ Дона, изъ Астрахани и изъ за границы, гораздо мельче; онъ имѣетъ густые, какъ бы сжатые грозди, такъ что небольшая, по-видимому, кисть вѣситъ иногда два, и даже болѣе, фунта.

Дорога по пути нашего слѣдованія не требовала почти никакого исправленія и прокладывалась верстахъ въ двухъ или трехъ отъ моря, то удаляясь, то приближаясь къ берегамъ его. Съ этой стороны горцы вовсе не показывались, и, конечно, изъ боязни быть отрѣзанными отъ горъ къ морю. Отрядъ шелъ почти безъ остановки; съ лѣвой стороны высоты хребта Нако, покрытыя густымъ лѣсомъ, отстояли отъ колонны по крайней мѣрѣ на два ружейныхъ выстрѣла и потому, лѣвая цѣпь шла, пробираясь кустарниками, по ровному мѣсту, въ виду колонны. Погода была превосходная, тихая; солнце

(*) Мыѣ рассказывали приближенные къ генералу А. А. Вельяминovu, что онъ, съ ученою цѣлью, отдѣлялъ черепы отъ непріятельскихъ головъ; иногда съ замѣчательныхъ лицъ снималъ портреты, и все это отправлялъ въ Петербургъ, въ общество физиогномовъ, да и самъ занимался френологіею по спстемамъ Галля и Лафатера, очень уважалъ гомеопатію, любилъ пользоваться своихъ приближенныхъ по этой методѣ, для чего и въ походахъ имѣлъ при себѣ гомеопатическую аптеку.

сіало въ полномъ блескѣ: нѣкоторые изъ офицеровъ, отъ нечего дѣлать, верхомъ гоняли между цѣпами зайцевъ, поднятыхъ нашимъ маршемъ. Въ этотъ день, какъ только арьергардъ, перейдя рѣчку Дооби, отошелъ отъ укрѣпленія версты двѣ, завязалась было въ арьергардной цѣпи и въ хвостѣ лѣвой довольно сильная перестрѣлка, которая вскорѣ, послѣ двухъ выстрѣловъ изъ орудій полевой артилеріи, прекратилась, и мы безъ выстрѣла и безъ всякой потери дошли до Геленджика (*). Только при первомъ выстрѣлѣ случился съ нашимъ полковымъ священникомъ маленькій казусъ: духовный нашъ отецъ подѣхалъ верхомъ на лошади къ нашей правой цѣпи; по случаю жары, онъ былъ въ одномъ подрясникѣ и кальсонахъ. Желая изъ любознательности ближе разсмотрѣть кисть винограда, въ то время еще не созрѣвшаго, онъ вѣхалъ въ кусты держидерева. Приблизившись къ большому чинаревому дереву, обвитому виноградною лозою, онъ пустилъ поводья и, привставъ на стременахъ, лѣвою рукою взялся за вѣтвь дерева, правою же хотѣлъ огорвать гроздь чудснаго, какъ онъ объяснялъ, винограда. Въ это время послѣдовалъ въ арьергардѣ выстрѣлъ изъ орудія; испуганная лошадь изъ подъ него выскочила; онъ, хватаясь обѣими руками за сучья, началъ опускаться на землю... Тутъ скажу стихомъ „Душеньки“ Богдановича:

„Одинъ лишь наглый сукъ за *рясу* зацѣпился,

„И *батюшкинъ* покровъверху остановился...

„Тогда увидѣлъ доль и лѣсъ

„Другое чудо изъ чудесъ.“

По прибытіи отряда въ Геленджикъ, былъ продолжительный привалъ; варили кашу; начальство ѣздило въ крѣпость; о чемъ-то

(*) Эта крѣпость построена въ 1831 г. на берегу моря, при р. Ашахѣ, впадающей въ геленджикскую бухту. Прежде постройки этой крѣпости, еще въ 1830 г., на абхазскихъ берегахъ Чернаго моря, отрядами изъ Грузіи, возведены были прибрежныя укрѣпленія: Гагры, Пицунда и Бомборы.

хлопотали. Комендантомъ крѣпости былъ полковникъ Францъ Матвѣевичъ Витковскій, который въ 1826 году былъ начальникомъ бобруйской школы армейскихъ подпрапорщиковъ, куда я былъ отправленъ въ январѣ того года, изъ главнаго инженернаго училища. Гарнизонъ крѣпости составляли черноморскіе линейные баталіоны: № 3-го (командиръ подполковникъ Левковичъ) и 4-го (подъ командою майора Жердева) (*). Почти въ полдень мы двинулись съ привала; походомъ заговорили о намѣреніи Государя Императора объѣхать береговья укрѣпленія и посѣтить нашъ дѣйствующій отрядъ. Извѣстіе это получено было, какъ говорили, моремъ, изъ Крыма—да, впрочемъ, сухопутнаго почтового сообщенія съ Россією мы и не имѣли. Но это было только частное свѣдѣніе; официально же никакихъ распоряженій для пріема Его Величества дѣлаемо не было.

V.

Движеніе отряда отъ Геленджика. Завятіе позиціи при устьѣ р. Пшады. Официальное извѣстіе о пріѣздѣ Государя Императора на Кавказъ. Частное извѣстіе о смерти А. А. Бестужева. Выступленіе изъ лагеря при укр. Новогроизкомъ. Смертельная рана генерала Штейбе. Назначеніе на мѣсто его полковника Бриммера. Прибытіе отряда къ устью р. Вуланъ.

Отъ Геленджика мы постепенно стали удаляться отъ моря и приближаться къ горамъ. Часа чрезъ два спокойнаго марша, въ возможной для большаго и растянутаго отряда тишинѣ, мы начали вступать въ довольно узкое ущелье; между тѣмъ, цѣпи подымались на боковыя высоты, гдѣ постепенно завязывалась перестрѣлка.

(*) Въ это время считалось линейныхъ баталіоновъ: грузинскихъ—16-ть, кавказскихъ—10-ть и черноморскихъ—10-ть.

ка. Нашъ 2-й баталіонъ шелъ въ правой цѣпи; здѣсь уже мы не видѣли держидерева и виноградныхъ лозъ; ихъ замѣнили громадныя деревья, по преимуществу орѣха, дуба и чинара; мѣстами встрѣчались великолѣпные кусты розъ и жасмина. Послѣдніе имѣли довольно длинныя и ровныя, аршина въ два и болѣе, такъ сказать, прутья, покрытыя блѣднокоричневою бархатовидною корой. Огойдя въ этотъ день отъ Геленджика верстъ десять, мы, при закатѣ солнца, остановились биваками для ночлега въ красивой долинѣ. Ночь прошла безъ всякихъ приключеній, при заревѣ оставленныхъ нами за собою пожаровъ. Съ разсвѣгомъ двинулись далѣе. Стрѣлковыя цѣпи начали свое дѣло: закурили трубочки, да отъ нечего дѣлать, пострѣливали въ непріятельскую сторону; этимъ, конечно, вызывали горцевъ изъ ауловъ; а тѣ не заставили себя долго ждать, и чрезъ какіе нибудь полчаса времени, пули начали посвистывать по парамъ цѣпи—что продолжалось, съ маленькими перерывами, цѣлый день. По мѣрѣ приближенія отряда къ цѣли нашего похода, то есть, къ устью рѣчки Пшады(*), протекавшей по ущелью, въ цѣпяхъ, на горахъ, перестрѣлка усиливалась. Наконецъ, нашъ отрядъ началъ подходить къ аулу того же названія. Въ лѣвой цѣпи шелъ баталіонъ навагинскаго полка; въ правой—нашъ 2-й баталіонъ тегинскаго, которымъ командовалъ подполковникъ Константинъ Васильевичъ Быковъ; я былъ въ стрѣлкахъ 2-й гренадерской роты, цѣпь наша слѣдовала по самой опушкѣ лѣса; у насъ только изрѣдка просвистывала черкесская пуля, на которую всегда отвѣчали десятки нашихъ пуль. Между тѣмъ, въ лѣвой цѣпи, у навагинцевъ, съ утра перестрѣлка не умолкала; къ этому же времени значительно усилилась; затѣмъ, слышались тамъ крики ура! Всему отряду проиграли сигналъ „стой“; изъ колонны двинулся туда бата-

(*) Я слышалъ отъ Карла Ивановича Тауша, что еще въ 1813 г. герцога де-Ришелье думалъ на Пшадѣ открыть, чрезъ одесскихъ коммерческихъ людей, торговлю съ горами,—но это почему-то не состоялось.

ліонъ. Изъ нашей цѣли. чрезъ огрядъ, ясно были видны утесистыя покато-сти горъ лѣвой стороны ущелья, покрытыя кустарникомъ, а на гребнѣ этихъ высотъ, за завалами и громадными камнями, видѣлись папахи горцевъ и свѣтились, озаренныя солнцемъ, ихъ длинныя тонкія винтовки. Цѣль, отстрѣливаясь, шла по полугорѣ; посланный баталіонъ, вразсыпную, пробираясь между кустарниками и камнями, безъ выстрѣловъ поднимался къ гребню высотъ. Подойдя на половину выстрѣла, баталіонъ, подъ личнымъ предводительствомъ командира полка полковника Полтинина, съ крикомъ ура! пошелъ въ штыки на заваль. Горцы встрѣтили нашихъ залпами и начали съ вершины сталкивать огромные камни, которые наносили нашимъ болѣе вреда, чѣмъ ихъ залпы, такъ какъ баталіонъ, по случаю крутизны, дѣлалъ движеніе почти ползкомъ, слѣдовательно, находился подъ выстрѣлами. Не болѣе, какъ чрезъ четверть часа, выстрѣлы горныхъ единороговъ, съ того мѣста, гдѣ были завалы, дали намъ знать, что дѣло кончено съ успѣхомъ(*). Это дѣло невольно напомнило мнѣ стихи Грибоѣдова, написанныя имъ, какъ извѣстно, во время экспедиціи 1825 года, подъ начальствомъ Вельямнова, при которомъ онъ состоялъ тогда волонтеромъ въ отрядѣ, расположенномъ лагеремъ на р. Чегемѣ, впадающей въ Малку, близъ каменнаго моста:

„
„ Двиньтесь узкою тропою!
„ Не въ краю вы селѣ и нивѣ;
„ Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
„ Тутъ утесъ: берите съ бою!
„ Камень, сорванный стопою,
„ Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ;
„ Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ...
„

(*) Это мѣсто начальникъ отряда приказалъ назвать «навагинская гора».

Послѣ этого дѣла, отрядъ двинулся далѣе и, казалось, что горцы оставили насъ; время было уже далеко за полдень; но, въ сущности, они поджидали арьергардъ и перебѣгали поодиначкѣ и частями передъ авангардной цѣпью, на правую сторону отряда.— что мы, съ полугоры, по которой шли, могли видѣть даже простымъ глазомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, завязывалась уже серьезная перестрѣлка и въ правой цѣпи; а когда колонна отряда начала занимать позицію, то горцы такъ налегли на эту цѣпь, особенно на нашу роту, которая шла послѣднею, и составляла, какъ у насъ называли, хвостъ цѣпи, что стрѣлки, постепенно ускоряя шагъ, почти бѣжали, и если бы не особая распорядительность и находчивость командира роты капитана Андрея Степановича Соболевскаго, то невыгодное положеніе стрѣлковъ могло навести на нихъ панику, и тогда, конечно, намъ пришлось бы плохо, тѣмъ болѣе, что высоты, по которымъ мы шли, оканчивались при берегѣ моря каменистымъ утесомъ. Къ счастью еще, что въ это время не было волненія и потому, между скалою и уровнемъ воды образовалось сухое, щебенистое побережье, сажень въ пятнадцать ширины, и стрѣлки, приближаясь попарно къ окраинѣ высотъ, видѣли передъ собою, внизу, не бездну морскую, а ровную, открытую мѣстность, на которой уже выстроивались сходящія съ высотъ роты,— и потому, не столпились въ кучу, а спустились съ осторожностію, хватаясь за вѣтки кустовъ, растущихъ между камнями обрыва, скользя по осыпающемуся подъ ногами щебню. Въ противномъ случаѣ, горцы, замѣтя нашу остановку, могли бы гикнуть и броситься въ шашки, а нашимъ трудно было бы устоять противу нихъ на такой невыгодной позиціи; но мы отдѣлались довольно счастливо: при спускѣ съ утеса, оборвались только два стрѣлка, поддерживавшіе раненаго,—одинъ изъ нихъ напоролся лѣвымъ бокомъ на пытокъ товарища и, скатившись внизъ, поднять мертвымъ. Вообще, въ этотъ день въ нашей ротѣ убыло изъ строя: убитъ 1, ранено 4. Къ вечеру того же дня, то есть, 25-го мая, весь от-

рядъ сталъ лагеремъ и огорожился засѣлками. Здѣсь, не теряя времени, приступили къ возведенію укрѣпленія „Новотроицкаго“. Начались ежедневныя фуражировки для обозныхъ и офицерскихъ лошадей, также для конницы, которой, если сказать по правдѣ, здѣсь нечего было дѣлать. Строительные матеріалы для укрѣпленія, разумѣется, были подъ рукою; а для внутреннихъ построекъ—казармъ и прочаго, матеріалы подвозились моремъ, какъ и все продовольствіе для отряда. Тутъ уже получили положительное извѣстіе объ ожиданіи пріѣзда Государя Императора въ отрядъ. Заговорили о распоряженіяхъ начальника отряда къ великолѣпному приему Его Величества. На фуражировкахъ, при заготовленіи въ лѣсу туровъ и фашинъ, хотя и были перестрѣлки, но большихъ потерь не было; только 29-го мая, горцы, подкравшись въ лѣсу къ цѣли, напали на рабочихъ, не успѣвшихъ разобрать ружей, составленныхъ въ козлы, изрубили двухъ саперъ изъ числа наблюдавшихъ за плетеніемъ туровъ и нѣсколько рабочихъ навагинскаго полка; при этомъ, раненъ пулею, въ прикрытіи, того же полка одинъ офицеръ. Послѣ того, только на двухъ фуражировкахъ, два дня сряду, именно 22-го и 23-го іюня, горцы сдѣлали удачное для нихъ, по ихъ понятію, нападеніе: 22-го числа, при обратномъ движеніи фуражировъ, версты за четыре не доходя до отряда, они заставили насъ бросить на дорогѣ нѣсколько выюковъ сѣна и одну нагруженную накошенною травою ротную, артельную, повозку, найденную на другой день безъ колесъ; а 23-го числа, также при возвращеніи фуражировъ утесистымъ берегомъ моря, захватившихъ до 300 барановъ, горцы съ гикомъ бросились на арьергардъ. Овцы, испуганные крикомъ и пальбой, начали одна за другой прыгать въ море; остановить баранью панику не предстояло никакой возможности, и потому, солдаты начали колотъ барановъ штыками, часть которыхъ и притащили въ лагерь. Вскорѣ послѣ этого въ лагерь пошли рассказы о славнои смерти Александра Александровича Бестужева (Марлинскій). Онъ былъ, до событія 14-го декабря, штабс-

капитаномъ, и Верховнымъ уголовнымъ судомъ 1826 года, причисленъ былъ къ первому разряду подлежащихъ смертной казни отсѣченіемъ головы, замѣненной ссылкой въ каторжныя работы. Я засталъ его въ 1835 году, какъ уже прежде упомянулъ, рядовымъ черноморскаго линейнаго № 3-го баталіона, прикомандированнымъ къ нашему тенгинскому пѣхотному полку; въ этотъ же годъ, за экспедицію 1834 года, онъ произведенъ въ унтеръ-офицеры; затѣмъ, получалъ ежегодно награды, достигнѣ имъ заслуженныя. Я не разъ былъ свидѣтелемъ его примѣрной храбрости въ стрѣлковой цѣпи. За 1835 годъ, дали ему чинъ прапорщика, съ назначеніемъ въ черноморскій линейный № 10-го баталіонъ; за 1836 годъ, получилъ онъ орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“. Въ настоящемъ же 1837 году, состоя при корпусномъ командирѣ баронѣ Розенѣ, участвовалъ, подъ его начальствомъ, въ экспедиціи въ Цебельду, во время которой, 7-го іюня, при десантѣ отряда въ ущелье Адлеръ, при мысѣ Константиновскомъ, онъ находился въ стрѣлкахъ авангардной цѣпи. По рассказамъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, цѣпь Бестужева, одушевленная его примѣромъ, занеслась слишкомъ далеко въ лѣсъ, и, будучи окружена внезапно появившеюся толпою горцевъ, легла на мѣстѣ. Подошедшій секурсъ отбросилъ непріятеля, собралъ нашихъ убитыхъ и раненыхъ, но между ними не оказалось Бестужева. Это обстоятельство породило много нелѣпыхъ о немъ слуховъ и толковъ. На четвертый день послѣ десанта, въ пабѣгѣ нашемъ на ближайшій аулъ, при одномъ убитомъ муллѣ, нашли пистолетъ Бестужева, о которомъ лазутчики рассказывали, что горцы, уважая его храбрость и необыкновенную ловкость при защитѣ себя шашкою, взяли его тяжело израненаго въ аулъ, гдѣ онъ, отъ большой потери крови, на другой день умеръ. Это извѣщеніе заслуживаетъ полного вѣроятія. На Пшадѣ мы простояли до 10-го іюля. Подъ высчапнѣніями послѣдней перестрѣлки, я написалъ стихотвореніе:

Молитва воиновъ.

Прійми, Творецъ міровъ непостижимый,
Моленье воиновъ—рабовъ Твоихъ.
Благослови Россію—край родимый,
Побѣдныя знамена ихъ
Благослови!

И осѣни крестомъ путь русской славы
Съ высотъ святыхъ Сіона Твоего.
Храни, Господь! великій тронъ державы,
Храни Царя, и Домъ Его
Благослови!

Прійми, Создатель нашъ, дружинъ молитвы!
Храни вождей средъ жизни боевой;
Храни и насъ въ минуты страшной битвы,
На страхъ врагамъ нашъ штыкъ стальной
Благослови!

Къ Тебѣ, Господь! еще одно моленье—
За братій, гибель встрѣтившихъ въ бояхъ:
Прійми Ты духъ ихъ въ горнія селенья,
Благослови ихъ грѣшный прахъ,
Благослови!

Іюля 11-го, разбросавъ засѣки, выбравъ изъ нихъ дровяной лѣсъ, перенеся его въ устроенное укрѣпленіе, отрядъ, съ разсвѣтомъ, двинулся по прямому направленію на сѣверъ и, отойдя верстъ пять или шесть, видимо сталъ уклоняться къ востоку. Нашъ баталіонъ шелъ въ правой цѣпи, въ числѣ трехъ баталіоновъ; цѣпь была перемѣшана съ черноморскими пластунами; всю цѣпью или, лучше сказать, правымъ фасомъ походнаго каре, командовалъ ар-

тилеріи генераль-маіоръ Николай Александровичъ Штейбе; боковыя цѣпи, какъ обыкновенно, шли по горамъ. Вскорѣ мы вступили въ ущелье Каріокъ, населенное племенемъ „*Натхокуадъ*“. Движеніе наше было очень медленное, по случаю необыкновенно густаго лѣса; колонна безпрестанно должна была останавливаться, чтобы давать время вырубать лѣсъ и исправлять дорогу для прохода артилеріи и обоза, а цѣпи, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ колонны, должны были пробираться едва проходимою тропцою, безпрестанно то взбираясь по крутизнамъ горъ, то спускаясь въ глубокіе овраги. Перестрѣлка въ цѣпяхъ цѣлый день не умолкала, а въ авангардѣ и арьергардѣ, повременамъ, раздавались пушечные выстрѣлы. Часовъ въ семь вечера мы остановились на ночлегъ; нашъ баталіонъ занялъ позицію, какъ шелъ; при нашей 2-й гренадерской ротѣ провелъ ночь командиръ баталіона подполковникъ К. В. Быковъ. Ночь прошла благополучно; да и въ теченіи дневной перестрѣлки въ нашей ротѣ убыло изъ строя всего только двое раненыхъ и пятеро заболѣли, кажется, отъ усталости; съ однимъ изъ нихъ было что-то въ родѣ апоплексіи: онъ упалъ, ему пустили кровь и полумертваго понесли въ колонну. На другой день, то есть, 12-го числа, двинулись тѣмъ же порядкомъ далѣе; начальникъ цѣпи генераль Штейбе, съ своимъ адъютантомъ, поручикомъ Попандопуло, взявъ себѣ въ конвой двухъ лучшихъ, по указанію капитана, гренадеръ и пошелъ по цѣпи; перестрѣлка замѣтно усиливалась; въ это время говорили, что мы вступали въ ущелье Самсутъ; пары стрѣлковъ часто, съ крикомъ ура! бросались впередъ, а за ними и резервы, чтобы заставить горцевъ отступить,—и дѣйствительно, при этомъ непріятель прекращалъ пальбу, но скорѣ опять возобновлялъ. Между тѣмъ, мы, чрезъ эти маленькія диверсіи, постепенно и для себя незамѣтно, такъ удалились отъ колонны, что сигналы горновъ изъ отряда намъ не были уже слышны, и горцы появились между цѣпью и колонною, такъ что мы очутились между двухъ огней. Въ это-то время генераль

Штейбе, замѣтя вправо высоту на довольно значительное протяженіе, которая командовала мѣстностью, гдѣ должна была проходить вся цѣпь, приказалъ капитану Соболевскому собрать всю его роту и самъ повелъ насъ на эту высоту съ тѣмъ, чтобы намъ занимать указанную имъ позицію, пока не пройдетъ послѣдняя пара сгрѣлковъ нашего баталіона и не смѣнитъ насъ гренадерская рота слѣдующаго баталіона. При подъемѣ на эту гору, мы замѣтили нѣсколько извилистыхъ тропинокъ, пробитыхъ конными и пѣшими горцами въ разныхъ направленіяхъ изъ ущелій, овраговъ и мѣстъ, гдѣ пробивалась ключевая вода. Это обстоятельство приводило къ заключенію, что на горѣ, за лѣсомъ, долженъ быть аулъ, который, по тактикѣ генерала Вельяминова, слѣдовало бы, прежде занятія, обстрѣлывать ядрами и картечью; но на этотъ случай у насъ въ цѣпи не было ни одного горнаго единорога. Между тѣмъ, лѣсъ рѣдѣлъ и между деревьевъ начали видѣться сакли и плетни; а намъ приходилось подниматься такъ круто, что солдаты, прицѣливаясь ружьемъ, не могли устоять на ногахъ; горцы же, при нашемъ приближеніи, открыли изъ за плетней и изъ низенькихъ, почти при землѣ устроенныхъ оконъ саклей, рѣдкій (изъ экономіи пороха), но мѣткій огонь, и, „на вѣтеръ пороха не тратя“, они выбирали любого. Не прошло пяти минутъ, какъ срѣзаны были: одинъ передовой унтеръ-офицеръ, 4 рядовыхъ, и въ то же время, генералъ Штейбе упалъ на руки конвойныхъ гренадеръ, прострѣленный пулею въ грудь навлетѣть. Рота крикнула ура! и бросилась на сакли; завязалась рукопашная свалка,—горцы побѣжали. Аулъ зажигать не приказано, чтобы пожаромъ не затруднить слѣдованіе цѣпи; такое огненное удовольствіе предоставлялось всегда арьергарду, хотя правило это, какъ объяснялъ я выше, нерѣдко нарушалось усердіемъ нѣкоторыхъ ротныхъ командировъ, чрезъ чуръ согрѣтыхъ чувствомъ патриотизма. Между тѣмъ, фельдшеръ на-скоро перевязалъ рану генерала; соорудили кой-какъ изъ ружей и наломанныхъ вѣтвей, прикрытыхъ солдатскими шинелями, носилки и отправили генерала

въ колонну. Ротный командиръ, по недостатку при ротѣ офицеровъ и убыли изъ строя унтеръ-офицеровъ, приказалъ мнѣ, какъ бывшему офицеру (я тогда былъ рядовымъ) взять 16-ть рядовыхъ и конвоировать въ колонну генерала, вмѣстѣ съ другими ранеными. Около носилокъ генерала шелъ фельдшеръ и его адъютантъ Попандупуло, отирая слезы. Генералъ сказалъ дорогою: „я бы хотѣлъ увидѣть Государя и тогда спокойно бы умеръ; Его Величество не оставитъ моего семейства“. Затѣмъ, обратясь къ адъютанту, который несъ, очищая отъ крови, золотые часы генерала, добавилъ: „возьми эти окровавленные часы себѣ на память; мои же часы сочтены“.

Отойдя отъ цѣпи версты двѣ, мы услышали сигналъ горна, именующій нашу цѣпь (№ означавшій, по уставу, правый флангъ). При насъ не было горниста, а потому я закричалъ, вмѣстѣ съ другими: „здѣсь“!—и намъ повторили тотъ же сигналъ. Тутъ вскорѣ мы встрѣтили двѣ роты съ горнымъ единорогомъ, высланныя изъ колонны для открытія сообщенія съ нашею цѣпью, такъ какъ получено было извѣщеніе, чрезъ разъѣздныхъ милиціонеровъ, о значительномъ нашемъ удаленіи отъ отряда. Въ колоннѣ подошелъ къ намъ начальникъ отряда, съ офицерами, состоявшими при штабѣ; поговорилъ съ ранеными и началъ спрашивать адъютанта Попандупуло о подробностяхъ дѣла; а я, сдавъ раненыхъ, чтобы сколько нибудь отдохнуть, съ моею командою остался въ колоннѣ. Мы усѣлись на артельные повозки и такъ отдыхали часа два. Къ вечеру того дня послѣдовало назначеніе, на мѣсто генерала Штейнбе, начальникомъ правой цѣпи—артилеріи полковника Бриммера, и мнѣ, съ моею командою, къ которой присоединилось еще человекъ тридцать милиціонеровъ, пришлось конвоировать вновь назначеннаго начальника цѣпи; мы явились въ роту часовъ въ 7-мъ вечера.

На другой день, утромъ, то есть, 13-го іюля, съ разсвѣтомъ, мы тронулись далѣе; приказано было нашей цѣпи поемногу прини-

мать влѣво, къ сторонѣ отряда, и стараться вступить въ пары высланной между нами и колоною другой цѣпи. Мы шли безъ выстрѣла; непріятель не показывался. Эта тишина доказывала, что онъ или собирается гдѣ нибудь сдѣлать нападеніе толпою, или, замѣтя направленіе отряда къ урочищу Чумчуашъ, то есть, къ морю, на юго-западъ, запяť былъ уведомъ изъ ауловъ по этой дорогѣ въ лѣса своихъ семействъ, угопомъ скота и вывозомъ запасовъ. Часовъ въ 10-ть, мы соединились съ тою цѣпью, которая и была послѣ этого отозвана; мы же получили чрезъ это прямое сношеніе съ колоною. Въ полдень отрядъ всгупилъ въ ущелье Суемчиватль. Тутъ, мало по малу, начали посвистывать черкесскія пули, но непріятеля, въ лѣсной чащѣ, рѣшительно невозможно было видѣть, и наши стрѣлки просто-таки пускали свои пули наугадъ. Я вообще стрѣлялъ чрезвычайно рѣдко и берегъ зарядъ для крайней необходимости. Въ это время, какъ и всегда, я находился въ цѣпи; со мной въ парѣ былъ хорошій стрѣлокъ; шелъ онъ сзади меня шагахъ въ двухъ; недалеко отъ него былъ унтеръ-офицеръ; выстрѣлы въ разныхъ мѣстахъ лѣса раздавались довольно часто. Вдругъ, отрывистый звукъ, похожій на ударъ линейкою по столу, и вмѣстѣ съ нимъ толчокъ въ мою грудь, какъ будто кто нибудь встрѣтилъ меня коломъ... Я упалъ навзничъ; ружье вырвалось изъ правой руки,—я держалъ его на перевѣсѣ; фуражка и очки слетѣли на землю. Въ этотъ моментъ я услышалъ невдалекѣ крикъ: Федорова убили!—Эго былъ голосъ стрѣлковаго офицера, прапорщика Антипова; меня подняли, дали изъ маперки напиться воды; сняли патронташъ и перевязъ съ сумою; шинель у меня была растегнута, я взглянулъ на грудь,—рубаша была окровавлена и какъ бы присыпана порохомъ. Эго случилось такъ: пуля, пущенная въ меня, первоначально ударила подъ острымъ угломъ въ патронташъ, надѣтый чрезъ лѣвое плечо, разорвала въ немъ патронъ, пробила насквозь лосинную подъ нимъ форменную перевязъ, и, встрѣтивъ бывшій на груди моей, зашитый въ бархатѣ, фарфоровый, оправленный въ се-

ребро, образъ Спасителя (*), попала въ лѣвое плечо его изображенія, разбила фарфоръ, помяла латуневую подъ нимъ подкладку, вдавила серебряный окладъ и отразилась, скользя по наружному покрову груди, произведя на тѣлѣ продольную ссадину, отчего произошло кровоизліяніе, подавшее поводъ Антипову считать меня убитымъ; когда же снимали патронташъ, то порохъ сыпался изъ разбитаго патрона на окровавленную рубаху. Это тоже не мало удивило фельдшера, подошедшаго перевязать рану; онъ для этого взялъ немного корпіи, налилъ на нее деревяннаго масла, положилъ на ссадину, прикрылъ компресомъ, который приказалъ мнѣ прижать лѣвою ладонью. Я въ такомъ видѣ пошелъ изъ цѣпи въ сопровожденіи стрѣлка, взявшаго мое ружье, суму и патронташъ. Въ колоннѣ, баталіонный лекаръ Кедринъ возобновилъ перевязку, укрѣпивъ компресъ липкимъ пластыремъ; намазалъ всю грудь деревяннымъ масломъ, пустилъ мнѣ изъ лѣвой руки кровь, и замѣтя, что отъ усталости клонитъ меня ко сну, строго приказалъ мнѣ не спать, а наблюдать за этимъ поручилъ одному раненому въ ногу унтеръ-офицеру, посадивъ его рядомъ со мною на повозку, который страшно надоѣлъ мнѣ аккуратнымъ исполненіемъ этого порученія. Вечеромъ въ этотъ день мы дошли до берега моря и стали лагеремъ при устьѣ рѣчки Вуланъ; тутъ, по обыкновенію, сейчасъ же занялись устройствомъ засѣкъ. Ротный командиръ, который всегда былъ ко мнѣ внимателенъ, далъ мнѣ особую солдатскую палатку, назначилъ расторопнаго вѣстоваго, напоилъ чаемъ, самъ наблюдалъ за устройствомъ для меня постели—словомъ, заботился обо мнѣ, какъ отецъ о сынѣ. На другой день, рано утромъ, навѣстилъ меня командиръ баталіона, К. В. Быковъ; съ нимъ вмѣстѣ пришелъ лекаръ Кедринъ и фельдшеръ съ фербантомъ. Грудь, при перевязкѣ,

(*) Благословеніе отца моего, служившаго въ 39-мъ егерскомъ полку, съ которымъ былъ опъ при взятіи генералъ-анипефомъ Гудовичемъ, въ 1791 году, крѣпости Анапы.

оказалась немного припухшею и нѣсколько посинѣвшею; а когда я, куря трубку, сильно закашлялся, то, вмѣстѣ съ откашлинною мокрою, замѣчена была кровь. Фельдшеръ перевязалъ ссадину тѣмъ же порядкомъ, а лекарь прописалъ какіе-то порошки и запретилъ курить табакъ. На этой позиціи приступили къ возведенію укрѣпленія; начались обыкновенныя работы: посылки въ лѣсъ, на фуражировки. Августа 22-го, 23-го и 26-го были довольно сильныя перестрѣлки горцевъ съ небольшими отрядами, высылаемыми для истребленія окрестныхъ ауловъ; но я въ этихъ дѣйствіяхъ, по случаю болѣзни, не участвовалъ. Въ это время, начальникъ штаба нашего отряда, полковникъ М. М. Ольшевскій, призвавъ меня къ себѣ, предложилъ написать стихи на пріѣздъ Государа Императора, которые можно было бы положить на музыку и выполнить хоромъ пѣвшихъ. Я съ удовольствіемъ исполнилъ предложеніе, и написанное мною стихотвореніе было одобрено Вельяминовымъ, который зачеркнулъ только, какъ и надо было ожидать, послѣднія строфы, прямо къ нему относящіяся.

VI.

Пѣснь кавказскихъ воиновъ. Прибытіе парохода „Язонъ“ въ геледжикскую бухту, и отряда въ крѣпости Геледжикъ. Пріѣздъ Государа Императора. Высочайшій смотръ войскъ отряда. Пожаръ въ крѣпости. Фриш-тикъ для Государа Императора въ лагерѣ во время бури. Распоряженіе о возвращеніи войскъ на зимнія квартиры. Толки объ измѣненіи плана экспедиціи. Проектъ генерала Вельяминова о покореніи Черкесіи, по рассказамъ. — Отъѣздъ Государа Императора. Высочайшее распоряженіе объ измѣне-

ніяхъ по военному управленію черноморской прибрежной линіи. Возвращеніе отряда на зимнія квартиры. Стоянка нашего баталіона въ станицѣ Темрюкской.

**Пѣснь кавказскихъ воиновъ на пріѣздъ Государя
ИМПЕРАТОРА.**

П ѣ в е ц ь.

Хвала, нашъ Царь, монархъ отчизны милой!
Ликуй средь преданныхъ тебѣ сердецъ.
Ты нашъ орелъ золотокрылый,
Намъ Богомъ вѣнчаннй отецъ.

Х о р ь.

Славься, Державный! магометане
Вѣѣ не забудутъ Твой русскій громъ;
И на Кавказѣ, и на Балканѣ
Ты взнесъ знамена съ нашимъ орломъ.

В о и н ь.

Други! грянемъ въ честь Царя
Православное ура!
И на радостный нашъ гласъ
Пусть откликнется Кавказъ;
Пусть ущелья дикихъ горъ
Вторять нашъ веселый хоръ,
Наше русское ура!
Въ честь державнаго Царя.

В о и н ы.

Ура! ура! ура!

П ѣ в е ц ь.

Возри, нашъ Царь, на грозныя стремнины,
На неприступныя громады горъ:

Тамъ вѣрныя Тебѣ дружины
Съ врагомъ ведутъ кровавый споръ.

Х о р ъ.

Горы Кавказа, скалы, крутизны,
Бездны съ молитвой мы перейдемъ:
И за Тебя, Царь, въ славу отчизны,
Съ радостью въ сердцѣ, въ битвѣ падемъ.

В о и н ъ.

Други! грянемъ въ честь Царя
Православное ура!
И на радостный нашъ гласъ
Пусть откликнется Кавказъ;
Пусть ущелья дикихъ горъ
Вторятъ нашъ веселый хоръ,
Наше русское ура!
Въ честь державнаго Царя.

В о и н ы.

Ура! ура! ура!

П ѣ в е ц ъ.

Здѣсь, выше тучъ штыковъ сверкають грани,
Съ громами неба громъ войны гремитъ;
И отъ Эвксина до Кубани
Черкесь испуганный дрожитъ.

Х о р ъ.

Слава, Всевышній! Царь нашъ небесный!
Ты землю русскихъ благословилъ;
Воинство наше силой чудесной,
Непостижимый, Ты надѣлил!

В о и н ъ.

Други! грянемъ въ честь Царя
Православное ура!

И на радостный нашъ гласъ
Пусть откликнется Кавказъ;
Пусть ущелья дикихъ горъ
Вторять нашъ веселый хоръ,
Наше русское ура!
Въ честь державнаго Царя.

В о и н ы.

Ура! ура! ура!

И ѣ в е щ ь.

Прійми, нашъ Царь-отецъ, лавръ новой славы,
Штыками сорванный съ кремнистыхъ скалъ,
Гдѣ русский воинъ путь кровавый
Живою цѣпью протопталъ.

Х о р ь.

Оружій русскихъ блескъ и удары,
Клики побѣды, пламенный бой,
Гибель ауловъ, кровь и пожары
Вѣкъ будетъ помнить дикій герой.

В о и н ь.

Други! грянемъ въ честь Царя
Православное ура!
И на радостный нашъ гласъ
Пусть откликнется Кавказъ;
Пусть ущелья дикихъ горъ
Вторять нашъ веселый хоръ,
Наше русское ура!
Въ честь державнаго Царя.

В о и н ы.

Ура! ура! ура!

П ъ в е щ ь.

Позволь же, Царь, отечествомъ любимый,
Намъ при Тебѣ, вождю хвалу пропѣть.
На Твой глаголь, съ своей дружиной,
Онъ радъ Эльбрусъ перелетѣть.

Х о р ь.

Нашъ Вельяминовъ—горцевъ смиритель,
Краю родному преданный сынъ.
Лавры и пальму прійми, воитель,
Отъ закубанскихъ смѣлыхъ дружинъ.

В о и н ь.

Други! грянемъ....и проч.

В о и н ы.

Ура! ура! ура!

Въ концѣ августа, собственно фортификаціонныя работы укрѣпленія были окончены; на берегу моря возведенъ былъ блокгаузъ для азовскихъ казаковъ; внутреннія работы по устройству помѣщеній для гарнизона приходили къ концу, укрѣпленіе было наименовано „Михайловскимъ“. Ссадина пулею на груди моей зажила; грудь пришла почти въ нормальное положеніе, остался только шрамъ, небольшая одышка при движеніи, изрѣдка кровохарканіе, которое къ ночи и передъ утромъ усиливалось. Не предвидя, чѣмъ можетъ кончиться мое болѣзненное состояніе, я просилъ командира баталіона выдать мнѣ на полученную контузію свидѣтельство, по которому я могъ бы испросить такое же медицинское отъ пользовавшаго меня лекаря, чтобы, въ случаѣ нужды, оставить военную службу съ чиномъ XIV класса—чему уже были примѣры съ другими разжалованными—и идти по гражданской части.

Получивъ свидѣтельство, я, по случаю одышки и вообще, слабости здоровья, испросилъ дозволеніе отправиться въ Геленджикъ моремъ; отряду же предстоялъ туда обратный путь тою же дорогою, которою пришли, то есть, надо было сдѣлать до 70-ти верстъ по горамъ. Отрядъ приготовился къ выступленію на 2-е сентября. Наканунѣ этого дня, мой ротный командиръ, въ постоянной обо мнѣ заботливости, предложилъ мнѣ сдать всю мою боевую аммуницію каптенармусу и ѣхать въ Геленджикъ на пароходѣ „Язонъ“, вмѣстѣ съ капитаномъ Иваномъ Ивановичемъ Масловичемъ, отправляющимся туда за болѣзнію. И вотъ, 2-го сентября, еще до выступления отряда, я уже былъ на пароходѣ; часовъ въ семь утра подняли якорь и часовъ въ пять вечера мы были уже на высотѣ Геленджика. Въ это время былъ довольно сильный прибой къ берегу, и потому, пароходъ легъ въ дрейфъ; тутъ поспѣшили спустить баркасъ, чтобы скорѣе, высадивъ пассажировъ на берегъ, успѣть засвѣтло уйти въ море. Пока мы плыли къ берегу, вѣтеръ усилился такъ, что уже не было никакой возможности причалить къ пристани,— и потому, сопровождавшій насъ, сидѣвшій на рулѣ, флотскій офицеръ распорядился направить баркасъ прямо на берегъ, сажень на пять правѣе пристани; здѣсь, на берегу, въ одноэтажномъ турлучномъ зданіи, помѣщалось какое-то трактирное заведеніе, отстоящее, въ тихую погоду, отъ уровня моря сажень на двадцать, а въ это время волны, доходя до стѣнъ строенія, вливались даже въ окна трактира, а отхлынувъ, уносили въ море все попавшееся на берегу, даже мелкихъ животныхъ: куръ, собакъ и проч. Нашъ баркасъ, направленный такимъ образомъ, при пособіи волны и силномъ дѣйствіи веселья, вылетѣлъ на берегъ и врѣзался въ песокъ, не болѣе какъ въ трехъ шагахъ отъ трактира; мы поспѣшно выскочили изъ баркаса и успѣли вбѣжать въ отворенные ворота заведенія, прежде чѣмъ нахлынула слѣдующая волна; ворота были отворены изъ предосторожности, отъ разбитія ихъ водою. Мы вошли въ комнаты трактира мокрые и порядкомъ прозябшіе; здѣсь,

переодѣвшись напившись чаю, капитанъ Масловичъ пошелъ къ своему хорошему знакомому, майору Жердеву, и взялъ меня съ собою.

Сентября 7-го, часовъ въ шесть вечера, прибылъ отрядъ изъ Новотроицкаго укрѣпленія; миновавъ Геленджикъ, сталъ лагеремъ верстахъ въ двухъ отъ крѣпости на западъ, параллельно къ берегу моря, развернутымъ фронтомъ, обращеннымъ къ горамъ; кавалерія на лѣвомъ флангѣ; пѣшіе черноморскіе казаки расположились впереди насъ, при самой подошвѣ горъ, занявъ высоты цѣпью своихъ пластуновъ. Намъ полкъ составлялъ правый флангъ линіи. Начали готовиться къ Высочайшему смотру. Впрочемъ, все приготовленіе состояло единственно въ постройкѣ новыхъ фуражныхъ шапокъ по образцу кавказскихъ войскъ, то есть, съ козырками, и въ чисткѣ оружія и аммуниціи. При штабѣ начальника отряда хлопотали о приличномъ приѣмѣ Государя Императора: устраивалась громадная, великолѣпная палатка, подбитая бѣлымъ сукномъ, съ золотыми украшеніями; заготовлялся блистательный фейерверкъ; пѣвчіе и музыка изучили написанную на этотъ случай мною пѣснь на приѣздъ Его Величества—словомъ, все обѣщало торжественный приѣмъ Государя. Последнее насъ не обмануло, но приѣмъ страшно не удался: 19-го числа, съ вечера, подулъ изъ горъ, отъ сѣверо-востока, вѣтеръ, усилившійся съ полуночи до такой степени, что въ лагерѣ почти всѣ палатки были сорваны; даже ружья не могли стоять въ козлахъ, а положены были на землю.

Часовъ въ 10-ть утра, 20-го числа, показался въ морѣ пароходъ подъ Императорскимъ штандартомъ; въ лагерѣ засуетились разбивать ставку, приготовленную для Государя; но никакія старанія и выдумки не могли ничего противопоставить силѣ вѣтра, и царская палатка не могла быть разбита,—эта первая неудача огорчила не только пачальствующихъ, но и весь отрядъ. Часу въ первомъ дня, пароходъ бросилъ якорь въ геленджикской бухтѣ и въ тотъ же моментъ, послѣ залпа изъ всѣхъ орудій крѣпости, началась пушечная пальба и крики ура! какъ въ крѣпости, такъ и въ

лагерѣ, прекратившіеся тогда только, когда, при необыкновенномъ усилии гребцовъ, баркасъ достигъ берега, и Государь Императоръ, съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, изволили выйти на пристань и вступить въ приготовленные въ комендантскомъ домѣ покои. Послѣ кратковременнаго отдыха и приѣма официальныхъ представлений, Государь, съ Наслѣдникомъ, навѣстили раненаго генерала Штейбе, которому Всемиловѣйше пожаловано три тысячи червонцевъ; прошли баталіонныя лазареты, привѣтливо разговаривая съ ранеными; раздавали денежные награды; нѣкоторымъ тяжело раненымъ, немогущимъ встать съ постели, Государь клалъ собственноручно на грудь знаки отличія военнаго ордена св. Георгія. На 21-е число назначенъ былъ Высочайшій смотръ войскамъ, расположеннымъ въ лагерѣ; вѣтеръ нисколько не утихъ; въ 9-ть часовъ утра назначено было вывести войска въ строй. Вдругъ, часовъ въ 7-мъ утра, въ крѣпости ударили тревогу, которая въ ту же минуту принята была въ отрядѣ. Сначала думали, что показались горцы; но вскорѣ густой дымъ, разостлавшійся надъ крѣпостью, далъ знать, что тамъ пожаръ; въ это же время, отъ всѣхъ баталіоновъ по одной ротѣ были посланы въ однихъ шинеляхъ, безъ боевой амуниціи, въ помощь гарнизону, для тушенія пожара. Оказалось, что горѣли бунты провіантскаго магазина; говорили, что отъ поджога, съ цѣлью скрыть бывший въ провіантѣ недостатокъ, и даже между бунтами найденъ былъ деревянный фонарь съ огаркомъ салной свѣчи—хотя это еще не доказательство. Къ счастью, вѣтеръ былъ съ берега, а провіантъ былъ сложенъ на прибрежной части крѣпости, и потому, пожаръ не угрожалъ опасностью казармамъ и жилымъ строеніямъ; но по близости къ бунтамъ находился баталіонный пороховой погребъ (*), на который долетали искры отъ горѣвшихъ рогожъ и цыновокъ; надо было вынести изъ этого по-

(*) Артилерійскій погребъ былъ въ сторонѣ отъ пожара и не подъ вѣтромъ.

греба боченки съ порохомъ и патроны въ ящикахъ; нижніе чины исполняли это распоряженіе съ необыкновеннымъ усердіемъ. Государь въ это время стоялъ на крыльцѣ своей квартиры и любовался самоотверженіемъ солдатъ въ этомъ опасномъ трудѣ, поощряя ихъ своимъ царскимъ словомъ и лично направляя ихъ дѣйствія. Къ 11-ти часамъ пожаръ почти прекратился, и Его Величество приказалъ ротамъ возвратиться въ лагерь, сказавъ имъ: „черезъ часъ мы увидимся.“

Въ 12-ть часовъ войска выстроились побаталіонно, развернутымъ фронтомъ. Всѣ разжалованные были во фронтѣ; въ числѣ ихъ былъ бывшій князь, прапорщикъ Сангушко (*). Я стоялъ въ первой шеренгѣ 2-й гренадерской роты. Государь Императоръ и Наслѣдникъ прибыли въ лагерь, сошли съ лошадей; по приближеніи къ правому флангу войскъ и по командѣ 1-му баталіону на „караулъ“, барабанщики съ горнистами пробили полный походъ, хоръ музыки заигралъ установленное для подобныхъ случаевъ „отданіе чести“, а фронтъ кричалъ ура! Тоже самое повторялось по приближеніи Государя къ каждому баталіону. Его Величество шелъ по линіи лѣвымъ плечомъ и весьма близко къ фронту, былъ въ скортукѣ и фуражкѣ, держа подъ козырекъ; рядомъ съ Государемъ, по правую Его сторону, въ такой же формѣ, шелъ Великій Князь Наслѣдникъ. Вѣтеръ дулъ прямо намъ въ лицо; мы съ трудомъ стояли на ногахъ, и многіе отставляли одну ногу назадъ; при крикѣ ура! чтобы избѣгнуть вѣтра въ ротъ, мы невольно отворачивали лицо въ сторону, нѣкоторые сильно закашливались и строили лицомъ гримасы; держа ружье на караулъ, во второмъ приѣмѣ (въ осадкѣ) удерживали его одною лѣвою рукою, а правую должны

(*) Сангушко, за экспедицію 1835 года, произведенъ въ прапорщики въ кавказскій линейный № 5-го баталіонъ; а за 1836 годъ получилъ орденъ св. Станислава 4-й степени; на время же экспедиціи былъ прикомандированъ къ нашему полку.

были придерживать фуражки за козырекъ; кто этого не сдумѣлъ сдѣлать—стоялъ съ открытою головою; у нѣкоторыхъ шапки снесло въ море. Между 3-мъ и 4-мъ баталіонами былъ неглубокій маленький овражекъ, идущій отъ горъ къ морю, заросшій бурьяномъ; черноморцы, въ своей цѣпи, развели огонь въ этомъ овражкѣ, при опушкѣ лѣса. Только что Государь подошелъ къ флангу 4-го баталіона—отъ костра, въ оврагѣ, загорѣлся бурьянъ, и какъ въ это время года въ этихъ мѣстахъ трава и бурьянъ высыхаютъ, то пожаръ почти мгновенно распространился до фронта. 3-й баталіонъ безъ приказанія бросился тушить и, не прошло пяти минутъ, какъ пожаръ былъ уже затоптанъ. Между тѣмъ, для высокихъ нашихъ Посѣтителей, въ маленькой палаткѣ генерала Вельяминова, которую съ трудомъ удерживали отъ вѣтра до 100 казаковъ, приготовлялся фриштикъ. Государь Императоръ, обойдя войска, вошелъ въ эту палатку и, чрезъ полчаса, выйдя съ начальникомъ отряда изъ ставки, командовалъ извѣстнымъ своимъ звонкимъ голосомъ: „войска! дѣти! ко Мнѣ, кто какъ есть, въ чемъ попало!“—Мгновенно всѣ бросились къ Государю, роты и полки перемѣшались, нижніе чины въ шапкахъ, безъ шапокъ, въ мундирахъ, въ шинеляхъ, безъ того и другаго—словомъ, какъ попало, сбѣжались къ ставкѣ и густою толпою окружили Императора; рядомъ съ Нимъ былъ и Наслѣдникъ. Но въ этой безпорядочной толпѣ, разумѣется, офицеры очутились впереди; тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые не могли протискаться ближе къ Государю, чтобы видѣть Его Величество, взлезли на ближайшія деревья. Государь Императоръ первоначально благодарилъ солдатъ за ихъ боевую, усердную службу, за храбрость и самоотверженіе; благодаря начальника отряда, обнялъ его, затѣмъ, обратился съ такою же благодарностію къ начальникамъ частей; при этомъ, разговаривалъ съ нѣкоторыми офицерами, у которыхъ видѣлъ медали за персидскую и турецкую войны, обращалъ рѣчь о походахъ того времени; съ молодыми офицерами, особенно съ выпущенными въ послѣднее вре-

ма изъ кадетскихъ корпусовъ, заводилъ рѣчь о минувшихъ экспедиціяхъ и о послѣднемъ походѣ, желая имъ скорѣе доставить Ему случай украсить грудь ихъ знакомъ воспоминанія о кавказской войнѣ. Когда Государь и Наслѣдникъ, со свитою, поскакали въ крѣпость, то почти вся толпа побѣжала вслѣдъ за Ними съ крикомъ ура! и только, по мѣрѣ ихъ удаленія, отставала и расходилась къ своимъ мѣстамъ.

Между тѣмъ, вѣтеръ не утихалъ; напротивъ, казалось, усиливался, а потому, предположенные въ лагерѣ парадный обѣдъ и фейерверкъ не состоялись; написанные мною строфы должны были бы тоже кануть въ Лету, но я ихъ сохранилъ въ память посѣщенія Императоромъ отряда во время военныхъ дѣйствій на непріятельскихъ берегахъ Чернаго моря. Вечеромъ въ этотъ день Императоръ занимался дѣлами и никуда не выходилъ. Въ словесномъ приказаніи объявлено было, что Его Императорское Величество завтрашняго числа оставляетъ отрядъ, отправляясь далѣе по береговой линіи, и чтобы войска, по отѣздѣ Государя Императора, готовились къ возвращенію на зимнія квартиры; раненыхъ, больныхъ и всѣ излишнія вещи отправляли бы моремъ въ Тамань. Выступленіе назначено 25-го числа.

Въ этотъ же вечеръ разнесся слухъ и пошли толки, будто бы Его Величество думаетъ измѣнить планъ нашихъ экспедицій въ горахъ, съ цѣлью прежде всего окончательно занять сѣверо-восточныя берега моря, для скорѣйшаго прекращенія торго невольниками и подвоза контрабандистами соли, кремней и пороха; что, поэтому случаю, велѣлъ генералу Вельяминову закончить экспедицію и самому поспѣшить пріѣздомъ въ Ставрополь, гдѣ Его Величество желалъ лично рѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ генералъ Вельяминовъ настойчиво защищалъ свой проектъ покоренія Черкесіи, составленный имъ въ 1834 году. Извѣстно, что главная мысль проекта состояла въ томъ, чтобы, усиливъ при берегахъ крейсерство, занимать постепенно сухимъ путемъ примыкающія къ

морю ущелья—обыкновенные пріюты турецкихъ и горскихъ контрабандистовъ и мѣста ихъ торгоу плѣнными; устроить тамъ укрѣпленія, въ окрестности отъ нихъ на 25-ть верстъ, уничтоживъ всѣ аулы. Но первоначально отдѣлить всю дельту между лѣвымъ берегомъ Кубани и сѣверо-восточнымъ берегомъ Чернаго моря большою операціонною линіею укрѣпленій съ сильными гарнизонами, дабы можно было постоянно, несмиряющимся ауламъ, угрожать набѣгами изъ за Кубани посредствомъ летучихъ отрядовъ, могущихъ, при нуждѣ, найти въ этихъ укрѣпленіяхъ необходимыя пособія; самыя же укрѣпленія снабдить въ достаточномъ количествѣ запасами провіанта и всѣми предметами военныхъ потребностей; при томъ, соединить ихъ между собою удобными дорогами для движенія транспортовъ и артилеріи, а равно для возможности, во всякое время года, въ случаѣ нападенія горцевъ на занятые прибрежные пункты, послать туда своевременно секурсъ или, въ крайности доставить гарнизонамъ возможность, уничтоживъ форты, отступить къ главнымъ укрѣпленіямъ. Часть этихъ предположеній, какъ мы видѣли, была уже исполнена въ предшествовавшія экспедиціи.

22-го сентября, часовъ въ 7-мъ утра, сдѣлалось по лагерю извѣстнымъ, что Его Величество, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ, чрезъ часъ оставляетъ Геленджикъ, что Царь, по пути, посѣтитъ береговыя укрѣпленія, высадится на беретъ въ Редуть-кале и отправится чрезъ Грузію въ Ставрополь; а Великій Князь Цесаревичъ—прямо въ Крымъ. При этомъ извѣстіи всѣ, кто могъ, отправились—одни въ крѣпость, другіе къ берегу моря, дабы видѣть отъѣздъ высокихъ Посѣтителей отряда.

Часу въ 10-мъ, Его Величество, привѣтливо простясь съ начальникомъ отряда, откланявшись окружающимъ Его на берегу, ошѣнивъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, вошелъ въ лодку азовскихъ казаковъ. Вмѣстѣ съ командою: „весла на воду!“ взвилась ракета, начались пушечныя выстрѣлы и, какъ въ крѣпости, такъ и въ отрядѣ, загремѣло ура! продолжавшееся до скрытія парохода отъ на-

шихъ глазъ. Въ этотъ самый день, вечеромъ, я былъ въ штабѣ отряда и имѣлъ случай достать, отданный 21-го сентября, Высочайшій приказъ, съ условіемъ никому о немъ не говорить до возвращенія въ Черпоморію,—что и было мною строго исполнено. Этимъ приказомъ назначался начальникомъ 1-го отдѣленія черноморской прибрежной линіи состоящій по кавалеріи генераль-лейтенантъ Раевскій, съ подчиненіемъ ему укрѣплений по всему берегу до укр. Гагръ и тѣхъ, которыя будутъ возведены на семь пространствъ, и всѣхъ линейныхъ баталіоновъ и другихъ войскъ въ тѣхъ мѣстахъ расположенныхъ; ему же повелѣнно подчинить завѣдывающаго геленджикскимъ отрядомъ военныхъ судовъ, крейсирующихъ вдоль черноморскаго берега, по всѣмъ предметамъ, не относящимся до морской искусственной части. Эта Высочайшая воля доказывала, что мысль генерала Вельяминова объ усиленіи крейсерства—принята, и порядокъ постройки укрѣплений не измѣнится. Въ это же время я узналъ о производствѣ меня, за экспедицію 1836 года, по Высочайшему повелѣнію, въ унтеръ-офицеры, о чемъ состоялся приказъ по корпусу еще 11-го мая, но въ полку у насъ полученъ не былъ. Этимъ же приказомъ и за ту же экспедицію произведены въ прапорщики изъ разжалованныхъ Н. П. Колубакинъ и Цебриковъ(*). Подъ вліяніемъ этихъ пріятныхъ впечатлѣній, особенно ласковой внимательности ко мнѣ начальства, и добродушнаго обращенія Императора съ войсками, я описалъ пріѣздъ Его Величества въ стихахъ—

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ отряда подъ крѣпостію Геленджикомъ.

Средь скалъ каменистыхъ шумить аквилонъ,

(*) Декабристъ, разжалованный изъ поручиковъ, по XI разряду приговора Верховнаго уголовного суда въ 1826 году.

Въ ущельяхъ, въ долинахъ бушуетъ;
То борется съ черными тучами онъ,
То бездны Эвксина (*) волнуетъ;
То дубы съ корнями, съ утесовъ горы,
Могучею силой свергаетъ;
То, бѣшеный, рветъ онъ дружины шатры,
И, вольный, средь стана гуляетъ.
Вдругъ, бурный, сильнѣе въ горахъ засвисталъ,
Покрывъ густой пылью вершины,
И бездны морскія сильнѣй всклокоталъ,
И черныя вспѣнилъ пучины...
И вотъ, среди рева бушующихъ водъ,
Несясь по стихіи глубокой,
Колесами волны пилить пароходъ
И рѣжетъ ихъ грудью высокой.
Дымъ черный струею валить изъ трубы,
Зміею свой слѣдъ оставляетъ;
Вѣтръ быстро свиваетъ дымъ черный въ столпы
И къ тучамъ ихъ въ высь подымаетъ.
Флагъ Царскій! орелъ съ нимъ надъ бездною паритъ,
Двуглавый съ порывнымъ играетъ;
Надъ нимъ золотая корона блеститъ
И славы лучами сіяетъ.
Вотъ бросили якорь—привѣтственный крикъ
Раздался, какъ въ полѣ сраженій,
И грянулъ перуномъ войны Геленджикъ,
Откликнулось эхо ущелій.

* * *

(*) Въ глубокой древности, Черное море называлось «понтъ Аксинскій», то есть, негостепріимный; въ послѣдствіи, греки, послѣ счастливыхъ по немъ плаваній, переименовали его въ понтъ Эвксинскій, то есть—гостепріимный.

Вотъ Императоръ нашъ боговѣнчанный,
При кликахъ воиновъ ступилъ на брегъ;
Его чело любовію сіяло.
Державный взоръ былъ радости исполненъ.
Полки въ строю; и вотъ нашъ Царь рядами
Идетъ; съ Нимъ Сынъ Его—надежда Россіи...
Шумъ волнъ морскихъ и буйный вѣтра свистъ,
Крикъ воиновъ, гармонія музыки,
Слилось въ одно: да здравствуетъ Великій!...
Прошелъ полки; собравъ къ себѣ героевъ,
И съ ними Онъ бесѣдовалъ вѣнчанный.
О сколько чувствъ въ груди тогда тѣснилось,
Какой любовію сердца пылали!
Нашъ Царь-отецъ такъ близокъ къ намъ, межъ нами;
Какъ ласковъ Царь, и какъ привѣтливъ Онъ!
Вѣтръ бурный, просвисти между скалами,
Пропой ты пѣснь хвалы Царю Россіи:
Онъ первый изъ царей съ береговъ Эвксина
Впервые свой державный бросилъ взоръ
На эти дикія громады горъ.
Великій Петръ былъ на берегахъ каспійскихъ (*),
И громъ побѣдъ его тамъ грохоталъ:
А здѣсь, у этихъ мрачныхъ, дикихъ скалъ,
Намъ суждено здѣсь встрѣтить Николая.
Развей же, вѣтръ, нашъ крикъ среди Кавказа,
Пусть знаютъ горды славу Вѣнценосца,
Узнаютъ пусть къ Царю любовь дружины.

* * *

(*) Петръ Великій, во время похода своего въ Персію, въ 1719 году, и при покореніи Дербента въ 1722 году, посѣщалъ кавказскіе берега Каспійскаго моря.

Вотъ къ сынамъ—друзьямъ сраженья,
Бросилъ Царь прощальный взоръ,—
И полковъ благословенья
Раздались въ ущельяхъ горъ...
Вотъ Царя ужъ провожаютъ
Отъ абхазскихъ береговъ;
Вотъ и волны разсѣкаютъ
Весла дружныхъ казаковъ.
Подъ колесами машины
Понтъ Эвксина закипѣлъ,
И прощальный гласъ дружины
По долинтъ загремѣлъ.
И сильнѣе вспѣнивъ воду,
Вѣтеръ съвера завылъ,
И по безднамъ пароходу
Путь волнистый посребрилъ.

Сентября 25-го, выступивъ изъ лагеря, мы направились къ укрѣпленію Кабардинскому; оттуда, по устроенной уже дорогѣ чрезъ хребетъ Нако, къ Абинѣ; и затѣмъ, перейдя плотины на аушескихъ и лагофишскихъ болотахъ, прибыли къ Ольгинскому тѣхде-пону 29-го числа. Въ теченіи этихъ пяти дней ничего замѣчательнаго не случилось: перестрѣлки были ничтожны и потери почти не было. На другой день, переправясь на правый берегъ Кубани, пошли на зимнія квартиры. Нашъ 2-й баталіонъ назначенъ былъ въ станицу Темрюкскую (*). Командиръ баталіона подполков-

(*) Въ этотъ годъ, по всей Черноморіи, курени и селенія приказано было именовать станицами, и званіе куреннаго атамана замѣнено званіемъ станичнаго атамана.

никъ Быковъ отозванъ былъ въ Ставрополь, а на его мѣсто назначенъ былъ командовать баталіономъ маіоръ Дмитрій Алексѣевичъ Львовъ. На зимнихъ квартирахъ мы проводили время, какъ всегда и вездѣ на Кавказѣ, то есть, жили весело да готовились къ экспедиціи на слѣдующій годъ. Въ предшествовавшіе два года бывали на линіи тревоги, но въ этотъ годъ въ нашемъ участкѣ кордонной линіи не было ни одного военного событія; а только одинъ разъ, безъ всякаго разрѣшенія, командующій баталіономъ, по соглашенію съ атаманомъ станицы, есауломъ Пуленцомъ, сдѣлалъ на черноморскихъ каюкахъ, съ охотниками изъ казаковъ и солдатъ, экспедицію за Кубань, и въ тотъ же день воротился, нарубивъ тамъ достаточно строеваго и дровянаго лѣса; дѣло кончилось благополучно, и хотя, при отступленіи, завязалась перестрѣлка, по воротились безъ потери. Недѣли чрезъ двѣ, объ этомъ набѣгѣ на непріятельскій лѣсъ узналъ наказный атаманъ генераль-маіоръ Заводовскій, и маіоръ Львовъ, за этотъ подвигъ, получилъ отъ командующаго нашею 20-ю пѣхотною дивизіею, генераль-маіора Фезе, строгій выговоръ.

Тутъ вскорѣ мы получили изъ Тамани извѣстіе, что раненый генераль Штейбе прибылъ тѣда на пароходѣ 3-го октября и на пристани былъ встрѣченъ своею супругою; а на другой день на рукахъ ея окончили дни—къ сожалѣнію всѣхъ, знавшихъ его. Чтобы почтить память этого, поистинѣ добрейшаго, генерала и показать картину схватокъ нашихъ съ черкесами на горахъ, которыя происходятъ всегда на одинъ ладъ, я, по тому же примѣру, какъ изобразилъ картину нападеній горцевъ на равнинахъ (1836 года) написалъ стихотвореніе—

Двѣнадцатое іюля на высотахъ Суемчпватль въ урочищѣ Самсутъ.

Покою чистый сводъ Создателя державы,

И солнце весело глядитъ на гребень горъ;
Среди жъ кавказскихъ скалъ, въ вертепѣ вѣчныхъ ссоръ,
 Даютъ герои пиръ кровавый.
 Ни тучъ, ни облачка среди небесъ,—
 А на землѣ война пылаетъ,
И дымъ пороховой окуриваетъ лѣсъ,
И человѣка кровь сухой песокъ питаетъ.

.

Гдѣ дикія скалы
Стали грядой,
Воютъ шакалы
Въ сумракъ ночной;
Гдѣ въ часъ бездѣлій
Точить булатъ
Житель ущелій,
Горныхъ громадъ;
Тамъ, гдѣ нашъ плѣнный
Въ рабствѣ скорбѣлъ,
И въ савлѣ бѣдной,
Цѣпью гремѣлъ;
Гдѣ онъ горами
Стадо водилъ—
Тамъ, съ знаменами,
Русскій штыками
Путь проложилъ.

И вотъ, какъ лѣстница живая, къ облакамъ,
Туда, гдѣ бурь органъ подъ тучами играетъ,
Извившися змѣю по скаламъ,
Штыками свѣтлыми сверкаетъ
И тянется по кручѣ цѣпь стрѣлковъ;
И съ ними вождь. Ряды готовыхъ къ бою,
Безстрашный, онъ, извилистой тропою

Ведеть; а тамъ, толпа враговъ,
Какъ стая черная орловъ,
Съ винтовками уѣлась за кустами.
Идемъ...Вдругъ, залпъ и дымъ, и блескъ;—
Градъ пуль и свистъ, и крикъ, и трескъ,
И шапки встрѣчены штыками...
Хвала, нашъ Штейбе—вождь-герой!
Гдѣ дымъ, какъ туча, легъ на дикія вершины,
Онъ съ ротою передовой
Ужъ сталъ, бросая взоръ орлиный
На битву вѣренной ему дружины...
Ему знакомъ военной жизни путь;
Онъ весель, вртокъ, тихъ; погибель презирая,
Стоить...Вдругъ пуля роковая
Прошла воинственную грудь..

* * *

Падаль вождь, облитый кровью,
На истоптанный песокъ,
И, исполненный любовью,
Поддержалъ его стрѣлокъ;
Жаль стрѣлку бѣдняжкѣ стало
Своего вождя-отца,
И слезинка засіяла
На чертахъ его лица;
Онъ вздохнулъ, да головою,
Усъ крутя свой, покачалъ;
Кровь съ штыка отеръ травю,
Молвя: добрый генераль!...
Распахнули плащъ широкій

На два свѣтлыя ружья,
Понесли съ горы высокой
Полумертваго вождя.
За его въ сраженьи долю
Мы отмстили во сто разъ;
Если бъ только дали волю—
Въ море сдвинули бъ Кавказъ...
И надежда насъ ласкала,
Мысль пріятная была:
Не на вѣкъ намъ генерала
Пчелка-пуля отняла.

* — * *

Но нѣтъ, судьба ему, въ награду
За добродѣтели, дала одну отраду:
Что бъ могъ еще Царя-отца узрѣть
Въ минуты смерти неизбежной,
И на рукахъ супруги нѣжной
Въ родной Россіи умереть.
Ты прахъ! но войны молиться долго будутъ:
Достоинъ ты молитвъ по сердцу и уму;
Тебя въ сраженьяхъ долго не забудутъ.
Почій! миръ праху твоему.

Командующій баталіономъ былъ человѣкъ образованный, хоро-
пій музыкантъ на скрипкѣ, большой любитель охоты на звѣря и
птицу, и, не смотря на то, что былъ раненъ пулею въ лѣвое пле-
чо, стрѣлялъ превосходно; былъ большой хозяинъ и весьма госте-
пріименъ; но жестокъ былъ съ нижними чинами. Онъ назначилъ у

себя музыкальные вечера, а по праву вдовца, иногда приглашалъ на эти вечера семейства штабъ и оберъ-офицеровъ войска черноморскаго. Въ такомъ случаѣ обыкновенно вечеръ заключался танцами, подъ скрипку хозяина съ ротными музыкантами: флейты, кларнета, самодѣлки-віолончеля и необходимой принадлежности ротнаго хора и оркестра—бубенъ, которые вполне оправдали на Кавказѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, поговорку о нихъ: „славы бубны за горами“. Послѣ ужина, часто восторгъ гостей доходилъ до малороссійскаго „журавля“ и русскаго „трепака“, а подчасъ и до „лезгинки“. При такой обстановкѣ нашего зимняго бытія, мы встрѣтили, разумѣется, очень весело новый 1838 годъ.

1838 ГОДЪ.

VII.

Слухи объ опасности, угрожавшей жизни Государя Императора при выѣздѣ изъ Тифлиса. Царскія милости и награды. Вступленіе генераль-лейтенанта Головина въ командованіе корпусомъ. Историческій взглядъ на станицу Темрюкскую. Кончина генерала Вельяминова. Прибытіе эскадры къ керченскому проливу для принятія десантныхъ войскъ. Плаваніе эскадры съ отрядомъ. Высадка войскъ на Туапсе. Дѣло при движеніи по ущелью. Возведеніе форта Вельяминовскаго. Крушеніе судовъ на рейдѣ Туапсе. Извѣстія о нападеніи горцевъ на наши укрѣпленія, породившія патріотическіе толки между офицерами и нижними чинами. Взглядъ на эти событія морскихъ офицеровъ. Результатъ этихъ толковъ. Прибытіе корпуснаго командира въ лагерь. Снятіе лагеря и отступленіе цѣней. Амбаркація отряда. Плаваніе отъ Туапсе къ Шапсухо.

Въ половинѣ января этого года, чрезъ проѣзжающихъ изъ Ставрополя и по письмамъ изъ Закавказья, дошли до насъ слухи

о непріятныхъ событіяхъ при корпусной квартирѣ въ проѣздѣ Государя Императора чрезъ Тифлисъ; объ отозваніи барона Розепа и назначеніи на мѣсто его генераль-лейтенанта Головина. Это послѣднее извѣстіе вскорѣ подтвердилось приказомъ по корпусу, отъ 17-го декабря 1837 года, № 110. Разсказывали также, что при выѣздѣ Его Величества изъ Тифлиса, при спускѣ съ горы, экипажъ понесли лошади, и жизни Государя Императора угрожала явная опасность; но будто бы одинъ изъ бывшихъ въ конвоѣ линейныхъ казаковъ, обскакавъ экипажъ, выстрѣлилъ подручной выносной лошади въ ухо,—та упала, запуталась въ постромкахъ и тѣмъ остановила экипажъ. По пріѣздѣ въ Ставрополь, Его Величество чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ, особенно же страдалъ зубною болью; но, не смотря на эти непріятности, Онъ не забылъ трудовъ и отличій кавказскихъ войскъ: почти съ каждымъ приказомъ мы начитывали новыя царскія милости или награды. Такъ напримѣръ, послѣдовала Высочайшая воля: тѣхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, сосланныхъ за возмущеніе въ 1821 году на Кавказъ безъ выслути, которые къ 1-му января 1837 года прослужили 25 лѣтъ, уволить въ отставку; на томъ же основаніи уволить отъ службы нижнихъ чиновъ, сосланныхъ въ кавказскій корпусъ за событія 1825 года, случившіяся по смерти Императора Александра Благословеннаго, полковъ: лейбъ-гвардіи гренадерскаго, 8-й пѣхотной дивизіи—пензенскаго, саратовскаго, троицкаго, тамбовскаго, одесскаго; бывшихъ вятскаго и черниговскаго; 15-го и 16-го егерскихъ. Такая же милость послѣдовала объ увольненіи въ отставку нижнихъ чиновъ бывшей польской арміи, прослужившихъ къ тому времени (1-го января 1837 года) пятнадцать лѣтъ. Тутъ, вскорѣ по отѣздѣ Государя Императора изъ Ставрополя, узнали мы о назначеніи начальникомъ главнаго штаба полковника Коцебу 2-го, на мѣсто генераль-маіора Вальховскаго. Прошли слухи о болѣзни командующаго войсками генерала Вельямина; о Высочайшей волѣ зани-

мать берега Чернаго моря десантами и о назначеніи для этого отъ черноморскаго флота эскадры, подъ начальствомъ вице-адмирала Лазарева. Сколько первое извѣстіе насъ огорчило, столько же второе, какъ новинка для нашихъ войскъ, насъ обрадовало. Въ февралѣ мнѣ случилось побывать въ г. Тамани и въ крѣпости Фангоріи; тамъ я видѣлъ начавшіяся приготовленія къ экспедиціи моремъ, и, между прочимъ, устроенную въ одномъ сараѣ, въ крѣпости, весьма несложную гидравлическую сѣносжимательную машину, посредствомъ которой отъ 20-ти до 40 пудовъ сѣна сжималось въ правильные व्यюки, имѣющіе видъ параллелепипедовъ, длиною отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ, высотой и шириною отъ 1½ до 2-хъ аршинъ. Въ концѣ марта, мы узнали о прибытіи въ Тифлисъ новаго корпуснаго командира генералъ-лейтенанта Головина 1-го, а вскорѣ затѣмъ, получили приказъ, отданный по корпусу 19-го марта, слѣдующаго содержанія:

„Храбрые воины кавказскаго корпуса! Государю Императору благоугодно было ввѣрить мнѣ начальство надъ вами; мнѣ предстоитъ оправдать такое высокое назначеніе съ помощію Божіею и съ вашимъ, храбрые товарищи, содѣйствіемъ.

Прежде всего, да вознесутся молитвы наши ко престолу Всевышняго за Государя, Который, среди заботъ о благѣ обширѣйшаго въ свѣтѣ царства, скипетру Его подвластнаго, царства, въ предѣлахъ коего солнце не закатывается, нашель время быть и у васъ, за Кавказомъ. Онъ переплыль бурныя пучины морскія, перешель снѣжныя вершины горъ, дабы узнать ваши нужды и оцѣнить вашу вѣрную службу. Да поможетъ намъ Богъ исполнить великія Его предначначенія и пламеннымъ усердіемъ явить на дѣлѣ всю нашу вѣрнопоподаннѣйшую къ Нему преданность.

Слава, пріобрѣтенная вами, храбрые воины, не умолкнетъ; отголосокъ ея отзывается въ сердцѣ cadaго русскаго. Вы всегда были оплотомъ Россіи противу враждебныхъ замысловъ азіатскихъ народовъ; вы стяжали безсмертіе подъ знаменами великаго вождя, ко-

торый съ вами достигнулъ береговъ Ефрата, потрясъ въ основаніяхъ древнее могущество востока, наказаль вѣроломство у подошвы священнаго Арарата и на берегахъ Вислы, разрушивъ кромолы запада, соединилъ въ своемъ имени Эриванъ съ Варшавою! Какъ русскій, я не могу скрыть чувствъ, возбуждаемыхъ во мнѣ такими великими воспоминаніями; не могу не радоваться, что призванъ начальствовать вами и пецись о вашемъ благосостояніи.

Сотрудники мои, гг. генералы! въ вашей опытности я ищу содѣйствія, дабы исполнить волю великаго нашего Государя и оправдать Его высокое довѣріе.

Гг. начальники полковъ, баталіоновъ и частей! вы видѣли личную заботу неутомимаго Монарха о благѣ вѣренныхъ вамъ войскъ; я остаюсь увѣреннымъ, что вы, сохраняя устройство въ вашихъ частяхъ, и строго соблюдая всѣ правила воинской дисциплины, съ отеческою заботливостію будете пецись о томъ, чтобы храбрые воины кавказскаго корпуса вполнѣ пользовались всѣми выгодами, Вы сочайше имъ предоставленными.

Звуки оружія, къ сожалѣнію, еще не умолкли въ ущельяхъ кавказскихъ, не всѣ еще дикія племена горскія постигли благія намѣренія Монарха, и потому, карая вѣроломныхъ, намъ предстоитъ подвигъ важнѣйшій, человѣколюбіемъ Его начертанный: вселить имъ довѣріе и водворить между ними спокойствіе, мѣрами кротости и правосудія.

Воины кавказскаго корпуса! сорокъ лѣтъ жизни моей я провелъ въ рядахъ храброй русской арміи, съ отцами вашими и со многими изъ васъ раздѣляя я труды и славу на поприщѣ военномъ; да будетъ это залогомъ, что и здѣсь, съ вами, всѣ помышленія и дѣйствія мои будутъ имѣть цѣлью вашу славу и ваше благосостояніе, нераздѣльныя съ пользою и славою нашего великаго Государя и отечества“.

Станица Темрюкская когда-то была городомъ, также, какъ и Тамань, удержавшая до настоящаго времени это наименованіе, хо-

тя во многомъ, по виду, комерціи и населенію, уступаетъ Темрюку. Сдѣлавъ справку объ этой мѣстности по географическому словарию, я былъ пораженъ тѣми измѣненіями, какія могли произойти въ теченіи какихъ нибудь 20-ти лѣтъ, то есть, послѣ вѣнскаго конгресса. Что Темрюкъ на островѣ—это ясно, но никакъ не на Азовскомъ морѣ, а слѣдовательно и не противъ Керчи, противъ которой, чрезъ Керченскій проливъ (Еникале) лежитъ г. Тамань, а верстахъ въ двухъ отъ нея—упраздненная крѣпость Фанагорія, въ которой остался одинъ только военный госпиталь, довольно хорошо и удобно расположенный—въ старыхъ, но еще очень прочныхъ каменныхъ зданіяхъ, да нѣсколько казарменныхъ построекъ; но никакого порта въ Темрюкѣ не существуетъ. Тамань—не островъ на Черномъ морѣ, да еще при Керченскомъ проливѣ. Мѣстность, или лучше, острова, образуемые рукавами Кубани, извѣстны подъ общимъ именемъ „Тамана“, въ древности „Фанагорія“, потомъ „Матрига“ и „Таматарха“,—изъ чего россіяне сдѣлали „Тмутаракань“. У Клапрота—„Tamatarkha“. Относительно вулканическаго изверженія тамъ пламени въ 1794 году, я спрашивалъ нѣсколько стариковъ черноморцевъ, участвовавшихъ въ десантѣ 1791 года, при занятіи Тмутаракани, но ни одинъ не подтвердилъ этого случая, а рассказывали, что есть въ окрестности Темрюка возвышенности съ правильными на нихъ курганами, имѣющими отверстія, изъ которыхъ вырывается теплая грязь, разливающаяся по окрестности. По указанію казаковъ, я, съ товарищами, посѣтилъ одинъ такой курганъ. Онъ находится верстахъ въ пяти отъ Темрюка, къ сторонѣ г. Тамани, вправо отъ почтовой дороги къ станціи Пересыпной. По совѣту казаковъ, мы брали съ собою большую пустую закупоренную бутылку и бросали ее съ размаха, горлышкомъ внизъ, въ отверстіе сопки, и каждый разъ бутылка, не болѣе какъ чрезъ двѣ минуты, быстро вылетала изъ сопки, подымаясь на поларшина отъ отверстія. Послѣ этого, мы почти каждый разъ, походомъ, по пути мимо этого мѣста, повторя-

ли такіе опыты. Я уже сказалъ, что Фанагорія—крѣпость, а слѣдовательно, не могла быть расположена *около* озера. Дѣйствительно, верстахъ въ семи, есть небольшое озеро, изъ котораго черноморцы добываютъ соль. Можетъ быть, въ древности, Фанагорія и была расположена около озера, но ужь никакъ не во время вѣнскаго конгреса.

Въ первыхъ числахъ апрѣля дошла до насъ печальная вѣсть о кончинѣ Алексѣя Александровича Вельяминова, а въ концѣ этого мѣсяца, мы прочитали слѣдующій (№ 8 п. 4) приказъ по корпусу: „Служившій здѣсь двадцать лѣтъ съ такимъ отличіемъ, и потомъ—семь лѣтъ столь достопамятно командовалъ войсками на вавказской линіи и въ Черноморіи, генераль-лейтенантъ Вельяминовъ 2-й, послѣ продолжительной болѣзни, 27-го числа марта, волею Божіею кончилъ полезную свою, для службы Государю Императору, жизнь. Съ душевнымъ прискорбіемъ объявляя о семъ по войскамъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ корпуса, предписываю командирующему 1-мъ участкомъ прибрежной черноморской линіи, генераль-маіору Раевскому, впредь до Высочайшаго повелѣнія, вступить въ командованіе оными войсками“.

Послѣ этого приказа, вопросъ о занятіи пунктовъ на сѣверо-восточномъ берегу моря десантами, былъ рѣшенъ окончательно; а 5-го мая, весь отрядъ, предназначенный для этой экспедиціи, былъ уже собранъ и расположился лагеремъ на берегу моря, между Таманью и Бугасомъ, на мѣстахъ удобныхъ для амбаркаціи войскъ. Тутъ вскорѣ прибыла эскадра, состоящая изъ кораблей: *Султанъ-Махмутъ*, *Память Евстафія*, *Силистрія*, *Адріанополь*, *Θеμισстоклъ*, *Императрица Екатерина*; фрегатовъ: *Аютополь*, *Браилловъ* и *Штандартъ*. Къ этому времени явились въ нашъ отрядъ, для участія въ экспедиціи, нѣсколько декабристовъ, возвращенныхъ изъ числа сосланныхъ въ Сибирь. Къ намъ, въ тенгинскій полкъ, поступили: Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ, Николай Ивановичъ Лореръ, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, Александръ Ивановичъ Одоев-

скій и Владиміръ Васильевичъ Лихаревъ(*)).

Съ окончаніемъ нагрузки военныхъ припасовъ, продовольствія, артилеріи и лошадей, 7-го мая, къ вечеру, всѣ войска посажены были на суда; амбаркація началась и совершилась при благопріятной и тихой погодѣ. Нашъ 2-й баталіонъ посаженъ былъ на сорока-четырехпушечный корабль „Память Евстафія“; я скоро познакомился съ нѣкоторыми молодыми флотскими офицерами и гардемаринами; по приглашенію послѣднихъ, занялъ мѣсто въ одной съ ними каютѣ, на кубрикѣ, то есть, въ подводной части корабля, въ первомъ снизу жилищѣ помѣщеніи; свѣтъ туда проходилъ сверху, а свѣжій воздухъ доставлялся посредствомъ паруснаго вентилятора, опущеннаго чрезъ люкъ съ палубы. Впрочемъ, нѣкоторое неудобство этого помѣщенія не замѣчалось, такъ какъ оно служило почти единственно для сна, а прочее время мы проводили на палубѣ, въ каютъ-компаніи и въ другихъ жилыхъ помѣщеніяхъ. Рано утромъ, эскадра снялась съ якоря и стала подъ паруса. Я съ большимъ удовольствіемъ любовался морскими эволюціями. Вѣтра, казалось, вовсе не было, а паруса были натянуты; по сигналамъ съ адмиральскаго карабля „Императрица Екатерина“ эскадра маневрировала съ замѣчательною ловкостью. Во время плаванія нижніе чины отряда продовольствовались вмѣстѣ съ матросами, офицеры отряда имѣли общій столъ съ офицерами экипажа; къ этому столу приглашались всѣ юнкера и разжалованные. Для обѣда и для ужина столъ накрывали въ каютъ-компаніи, сряду три раза; садились за столъ безъ очереди, и гдѣ кто хотѣлъ; разумѣется, при

(*) Изъ нихъ, до ссылки, были: Нарышкинъ — полковникомъ, Лореръ — майоромъ вятскаго полка, Одоевскій, бывшій князь — корнетомъ; всѣ трое, по приговору Верховнаго уголовного суда (1826 г.) причислены были къ IV разряду виновныхъ и сосланы въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, а потомъ — на поселеніе; Черкасовъ, бывшій баронъ — поручикомъ, Лихаревъ — подпоручикомъ, оба были сосланы въ каторжныя работы на четыре года, затѣмъ — на поселеніе.

этомъ каждый избираетъ приличное ему мѣсто, по пословицѣ: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“; я же, чтобы не сдѣлать въ этомъ отношеніи ошибки, всегда старался садиться послѣднимъ, гдѣ оставался никѣмъ незанятый стулъ. Это выжиданіе часто вызывало приглашеніе—сѣсть по указанію когонибудь изъ имѣющихъ право голоса, степень котораго соразмѣрялась съ числомъ назначенныхъ лицу порцій, какъ и при всякомъ у насъ денежномъ доволствіи, то есть, по чину и рангу; чрезъ это я не могъ сдѣлаться ни для кого непріятнымъ сосѣдомъ, или гостемъ „хуже татарина“. Общество же разжалованныхъ, въ нашемъ отрядѣ, было чрезвычайно разнообразно: тутъ можно было найти всякія личности, начиная отъ польскаго ксендза, русскаго священника, студента, чиновника, офицера, до высшей аристократіи бароновъ, графовъ и князей; причины же деградаціи (*) всѣхъ этихъ лицъ были еще разнѣобразнѣе; ими были: начиная отъ самаго низкаго, гнуснаго порока или преступленія—до самыхъ возвышенныхъ, но, по закону государственному, преступныхъ понятій о чести, челоуѣколюбіи, самоотверженіи, о правахъ челоуѣка и т. д. Законъ книжный все это выровнялъ и, заклеивъ званіемъ солдата, долженствовавшимъ бы, кажется, быть почтеннымъ для всѣхъ, насъ поставилъ на одну доску. Но законъ нравственный, незримый, сильнѣе видимой буквы закона; его хранилище—не зеркало присутствія, а сердце челоуѣка; этотъ-то законъ и установилъ въ челоуѣческихъ обществахъ произвольную дисциплину, такъ сказать, невольное подчиненіе и уваженіе уму, образованію и душевнымъ достоинствамъ.

Ночью, съ 11-го на 12-е число мая, мы приближались къ мѣсту высадки и потому, плыли довольно близко береговъ; ночь была великолѣпная—темная, но звѣздная. Я стоялъ на палубѣ, опершись на бортъ корабля; въ карманѣ были у меня два запечатанные письма: одно въ Петербургъ, къ матери, другое—въ Москву, къ

(*) Пониженія.

замужней сестрѣ моей М. О-й; на адресахъ надпись карандашемъ: „въ случаѣ моей смерти, прошу отправить по принадлежности“.

По всему протяженію видимаго берега горцы развели огни, и можно было разсмотрѣть, особенно чрезъ зрительную трубу, какъ толпы ихъ переходили отъ костра къ костру; ясно, что сборъ ихъ былъ многочисленъ. Вѣтеръ былъ тихій, сѣверный; къ утру почти стихъ. На кораблѣ у насъ (конечно, и на другихъ судахъ) сдѣланъ былъ расчетъ: на какомъ баркасѣ, въ какомъ числѣ, какой роты и съ кѣмъ изъ офицеровъ должны находиться стрѣлки; съ первымъ рейсомъ, въ передовыхъ баркасахъ должны были плыть единственно стрѣлковыя цѣпи съ резервами; за ними—роты и горная артилерія; всѣ разжалованные, по обыкновенію, и, конечно, по собственному желанію, назначены были въ передовую цѣпь; къ намъ присоединилось нѣсколько охотниковъ изъ моряковъ. Изъ словеснаго приказанія мы узнали, что первымъ рейсомъ всего десанта будетъ командовать самъ начальникъ отряда, генераль Раевскій; авангардною цѣпью—полковникъ тенгинскаго полка Егоръ Егоровичъ фонъ-Бринкъ; правою цѣпью—полковникъ М. П. Полтининъ; лѣвою—полковникъ М. М. Ольшевскій. Войска назначены были: въ авангардъ—нашъ баталіонъ, съ другимъ баталіономъ навагинцевъ; въ лѣвую цѣпь—два баталіона тенгинскаго полка и въ правую—два баталіона навагинскаго. Боковыя цѣпи, сейчасъ по высадкѣ, должны были занять ближайшія къ ущелью высоты; съ правой стороны такія высоты лежали за 'рѣчкою Туапсе, впадающею въ море.

Въ половинѣ пятаго начало свѣтать, и едва солнце позолотило вершины горъ—военные пароходы „Язонъ“ и „Колхида“ начали брать корабли на буксиръ и вводить въ боевую линію. Каждый корабль, войдя въ линію, бросалъ якорь и немедленно спускалъ гребныя суда, на которыя сейчасъ же садились войска перваго рейса; эта гребная флотилія отчасти была вооружена каронадами и, принявъ войска, держалась на веслахъ около кораблей. Когда всѣ вой-

ска были уже посажены на баркасы—поданъ былъ сигналъ „начать бой“. Въ тотъ же моментъ, почти одновременно, со всѣхъ судовъ эскадры послѣдовалъ залпъ за залпомъ, и началась канонада; въ ущельи и на боковыхъ горахъ поднялась пыль столбомъ. Гребная флотилія двинулась; мы ныли подъ выстрѣлами, и надъ нашими головами завывали ядра громаднаго калибра; впереди всѣхъ быстро неслась небольшая шлюпка, на которой стоялъ начальникъ отряда съ адъютантами и строевымъ штабомъ. Николай Николаевичъ Раевскій, стройный, высокаго роста генералъ; въ чертахъ лица, въ движеніи, словомъ—во всей его позѣ, видно было большое развитіе физическихъ силъ; онъ имѣлъ небольшіе усы, носилъ очки; на видъ ему было не болѣе 35 лѣтъ. Когда мы были отъ берега на половину ружейнаго выстрѣла, канонада вдругъ прекратилась, и на корабляхъ грянуло „ура!“ Мы оглянулись,—марсовые были по вантамъ; у насъ тоже подхватили „ура!“ и гребныя суда открыли по прибрежью картечный огонь изъ каронадъ. Гребцы налегли на весла; шлюпка генерала, такъ сказать, вынеслась на берегъ; наши же баркасы врѣзывались въ песокъ; мы быстро изъ нихъ выскакивали и, по колѣно въ водѣ, выходили на берегъ; тамъ строились по указанію, и, чрезъ какія нибудь пять минутъ, всѣ три цѣпи, съ барабаннымъ боемъ, двинулись впередъ. Во все это время со стороны непріятеля не было ни одного выстрѣла. На самомъ берегу у горцевъ были вырыты шанцы, прикрытые со стороны моря срубленными деревьями, которыя ядрами были раздроблены въ щепы, и, судя по оставшимся мѣстами кровавымъ слѣдамъ, эти ложементы были для нихъ болѣе гибелью, чѣмъ прикрытіемъ. Наша передовая цѣпь, почти одновременно съ боковыми, отойдя по щебню и кустарникамъ съ полверсты отъ берега, вошла въ лѣсъ. Тутъ изрѣдка начали посвистывать черкесскія пули. Въ лѣсу мы замѣтили страшное дѣйствіе морской артилеріи: громадныя, вѣковыя деревья были повалены; солдатики, подшучивая, говорили: спасибо матросскому генералу,—онъ распорядился, безъ рабочихъ и топоровъ, заготовить для насъ

засѣлки. Между тѣмъ, перестрѣлка въ цѣпяхъ усиливалась; въ лѣвой цѣпи, на горѣ, гдѣ не успѣла еще наша цѣпь соединиться съ боковою,—мы услышали непріятельскій гикъ и наше „ура!“ значить—пошла рукопашная. Вскорѣ повторилось то же за рѣчкою. Нашей цѣпи проиграли сигналъ „стой“; къ намъ подъѣхали два горныхъ единорога, которые, пустивъ съ десятокъ гранатъ въ толпы горцевъ, замѣченныхъ на прогалинахъ лѣса, предупредили видимое ихъ желаніе броситься на насъ въ пашки. Тѣмъ временемъ, за нашею цѣпью устраивались засѣлки, а за ними—отрядъ разбивалъ лагерь. Въ 4 часа вечера нашу цѣпь смѣнили; я пришелъ въ палатку моего капитана, гдѣ узналъ, что начальникъ отряда, гору, занятую съ рукопашнаго боя въ лѣвой цѣпи, подъ командою полковника Ольшевскаго, приказалъ назвать „тенгинскою горою“; а за чаемъ, при участіи пунша, до котораго мой добрый командиръ былъ большой охотникъ, шелъ разговоръ о событіяхъ дня. При чемъ, онъ предложилъ, на память этого славнаго для тенгинскихъ баталіоновъ дѣла, написать солдатскую пѣсню, и какъ самъ онъ имѣлъ довольно сильный и пріятный голосъ, часто принималъ на себя должность запѣвалы въ кружкѣ пѣсенниковъ, то тутъ же придумалъ голосъ для пѣсни, о которой я еще и не мечталъ,—именно, просилъ написать на голосъ всѣмъ извѣстной, написанной въ 1812 году Ѳ. Глинкою, пѣсни: „За долами, за горами, Бонапарте съ плясунами“...Я долго не заставилъ просить себя, и къ утру пѣсня была готова. Вотъ она:

Какъ по морж, по волнамъ,
Да бурливыми водами,
Корабли идутъ съ полками
Къ дикимъ берегамъ.

Къ Туапсе пришли они,
Чинно рядышкомъ всѣ стали;
Тамъ ихъ горцы ожидали,

Разложивъ огни.

Горцы ждутъ своихъ гостей,
А на нихъ-то наши пушки—
Черномазья старушки,
Смотрять съ кораблей.

Скучно бабамъ смирно жить...
Вотъ онѣ забормотали
И гостинчики послали—
Горцевъ подарить.

Ихъ подарки ломаютъ лѣсъ,
Скачутъ съ визгомъ, безъ порядку;
А знать, съ радости, въ присядку
Заплясалъ черкесть.

Самъ матросскій генералъ,
Изъ палатъ морскихъ чудесныхъ,
Грудой яблоковъ желѣзныхъ
Горцевъ угощалъ.

Бросилъ горцамъ ядеръ тьму...
Храбрый Лазаревъ учтиво
Ихъ употчивалъ надиво,—
Спасибо ему.

Принялъ насъ гребной нашъ флотъ,
Съ нами къ берегу пустился,
А черкесть-то изумился
И разинулъ ротъ.

Наши—чу! „ура“ кричатъ;
Всѣ матросы вторятъ съ нами,
И на вантахъ пауками
Молодцы висятъ.

Нашъ Раевскій храбръ и смѣлъ,
Льва сомнетъ за Русь святую;
На скалу куда крутую,
Соколомъ взлетѣлъ.

А за нимъ и мы сейчасъ...
Задрожали басурманы;
Генераль занялъ курганы
И построилъ насъ.

Не кричи: яманъ урусъ!
Не дразни, черкесь, колонну;
Зададимъ тебѣ трезвону,
Басурманскій трусь.

Вотъ и двинулся отрядъ;
Въ барабанъ у насъ забили;
Съ тульскихъ ружей мы пустили
Русскій виноградъ.

Гдѣ на скалахъ лѣсъ густой—
Тамъ Ольшевскій съ молодцами;
Онъ, съ тенгинскими стрѣлками,
Пиръ даетъ горой.

Спорить пашка, спорить штыкъ;—
Завязалъ бой рукопашный,
Вельяминова отважный
Чудо-ученикъ.

А тамъ, рѣчка гдѣ течетъ,
На черкеса, безъ пARDону,
Навагинскую колонну
Полтининъ ведетъ.

Онъ не слышитъ (*) пулей свистъ,
Онъ привыкъ къ трудамъ и ранамъ,
Маршируетъ съ барабаномъ,
Храбръ и голосистъ.

Лишь сверкнулъ нашъ русскій штыкъ,
Чуть лишь пули засвистали—
Басурмане побѣжали,
Высуня языкъ.

И черкеса забралъ страхъ;
Онъ не радъ былъ этой дракѣ,
Растерялъ свои чевяки,
Потерялъ папахъ.

Съ нами нечего шутить;—
Штыкъ, братъ, данъ не для потѣхи,
А свинцовые орѣхи
Спробуй раскусить.

Мѣсто-жъ то, извольте знать,
Гдѣ прошелъ нашъ полкъ грозою,
Вождь, тенгинскою горою
Приказалъ назвать.

Вождь, иди путемъ побѣдъ,
Вѣкъ служи, Раевскій, съ нами;
Мы съ тобой, отецъ, штыками
Опрокинемъ свѣтъ.

Пѣсня эта скоро разнеслась по отряду и попала на эскадру.
Мнѣ передавали, что генералъ Раевскій, прослушавъ куплеты,

(*) Полковникъ Полтининъ, отъ полученной, въ турецкую 1828 году войну, контузіи въ голову, былъ глуховатъ и со всѣми говорилъ очень громко.

сказалъ: „отца моего воспитѣль знаменитый Жуковскій,—вотъ и я нашелъ своего поэта въ Федоровѣ“. Такая шутка генерала надумила меня написать объ этомъ же дѣлѣ такія лирическія строфы, которыя бы могли быть положены на музыку и выполнены пѣвчими, съ оркестромъ, въ родѣ извѣстныхъ строфъ „Защитника Петра града“...Мысль эту одобрили многіе изъ моихъ товарищей, и я написалъ тамъ-же, въ лагерѣ на Туапсе, другую пѣсню, которую положилъ на ноты бывшій студентъ вилenskaго университета—Юзефъ Пшигодскій.

Вѣтеръ полночи взревѣлъ надъ водами,
Флотъ нашъ шумить по волнамъ;—
Русскихъ дружина плыветъ кораблями
Къ грознымъ кавказскимъ берегамъ.

* * *

Ужъ тебѣ ли, житель горъ,
Силу мѣрить съ нами
И вести кровавый споръ
Съ сѣверными львами?
Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчины, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

* * *

Грянулъ громъ русскій, знакомый со славой—
Дрогнулъ врагъ алчный средь скалъ;
Смерть по ущелью, тропою кровавой,
Рыщетъ, какъ хищный шакалъ.

* * *

Прежде въ куполѣ небесъ
Солнце почернѣетъ,
Чѣмъ воинственный черкесъ
Русскихъ одолѣетъ.
Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

* * *

Горы Кавказа нашъ крикъ повторяютъ;
Быстро плывемъ мы въ ладьяхъ;
Грани стальныя надъ бездною сверкаютъ,
Врагъ нашъ уже ждетъ на берегахъ.

* * *

Горцы, съ вами что за брань!
Что намъ смерть и раны!—
Знаетъ громъ нашъ Эривань,
Варна и Балканы.
Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

* * *

Вожьдъ нашъ Раевскій, какъ громъ-истребитель,
Первый ступилъ на берега;
Русскихъ героевъ, нашъ грозный воитель
Двинулъ стѣной на врага.

* * *

Грудь черкеса-молодца,
Штыкъ не переломить;
Пулю русскаго свинца
Сердце не растопить.

Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

* * *

И вотъ, мы на брегъ ужъ взлетѣли орлами,
Сыплются пули, каеъ градъ;
Грудью сошлись враги со врагами,
Штыкъ встрѣтилъ острый булатъ.

* * *

Горцы, что вашъ дикій крикъ!
Молвить безъ обиды,
Лишь сверкнетъ нашъ русскій штыкъ—
И бѣгутъ джигиты.

Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

* * *

Вождь на горѣ, съ рядами дружины,
Твердой колонною сталъ.
Въ память побѣды, тѣ скалы, стремнины
Именемъ храбрыхъ назвалъ.

* * *

Други! грянемъ же ура!
Въ честь вождя-героя,
И тенгинская гора—
Нашъ свидѣтель боя.
Пусть въ грядущіе вѣка
Передастъ крутая
Славу русскаго полка
Царства Николая.

Други! крикнемъ русское ура!
Во славу отчизны, во славу Царя.
Ура! ура! ура!

Въ дѣлѣ при занятіи Туапсе, потеря съ нашей стороны, для кавказской войны, была довольно значительная—особенно, въ лѣвой цѣпи, гдѣ горцы нѣсколько разъ бросались въ пашки. Такъ, въ числѣ убитыхъ изъ строя, получилъ тяжелую рану пашкою капитанъ Драчевскій и прострѣленъ въ грудь навывлетъ подпоручикъ Томилинъ (*). Сколько убыло изъ всего отряда—не знаю; въ цѣпи же нашего баталіона убито: рядовыхъ 7; ранено: унтеръ-офицеровъ 3, рядовыхъ 18. Такъ какъ корпусный командиръ въ это время, послѣ занятія, 13-го апрѣля, десантомъ уцѣляя при устьѣ р. Сочи и возведенія тамъ форта „Александрія“, переименованнаго въ укрѣпленіе „Навагинское“, оставался на прибрежной линіи, то, вскорѣ послѣ занятія Туапсе, въ отрядъ посланы были знаки отличія военнаго ордена св. Георгія—одному фельдфебелю, 11-ти унтеръ-офицерамъ и 34 рядовымъ. Баталіоны, занявъ позиціи на горахъ, оградилась засѣлками, за которыми, какъ обыкновенно, расположилась стрѣлковая цѣпь, а впереди, въ удобныхъ

(*) Оба они 1-го баталіона тенгинскаго полка.

мѣстахъ, при тропинкахъ, ведущихъ къ лагерю, по пробитіи зори, залегли, высылаемые въ темныя ночи, секреты, съ цѣлью предупрежденія неожиданныхъ ночныхъ нападеній горцевъ, которые, кромѣ того, часто маленькими партіями, а иногда и поодиночкѣ, какъ уже не разъ бывало, подкрадывались къ засѣкамъ и стрѣляли на огонь въ палаткахъ и въ кружки около костровъ.

Штабъ начальника отряда расположился въ центрѣ позиціи, но ближе къ морю; такъ, что вновь возводимое укрѣпленіе разбили между авангардомъ, поставленнымъ фронтомъ къ ущелью, и палатками штаба. Съ перемѣною главнаго начальника экспедицій праваго фланга линіи, конечно, и штабъ его нѣсколько измѣнился: изъ бывшихъ при генералѣ Вельяминовѣ остались—полковникъ М. М. Ольшевскій, капитанъ генеральнаго штаба Григорій Ивановичъ Филипсонъ и волонтеръ, камеръ-юнкеръ, титулярный совѣтникъ князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій; изъ новыхъ же лицъ, между другими, былъ числящійся при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, состоящій по кавалеріи, маіоръ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ (*). На третій или на четвертый день приступили къ постройкѣ укрѣпленія, которое повелѣно было, въ память заслугъ генерала Алексѣя Александровича Вельяминова, именовать фортомъ „Вельяминовскимъ“. Работы открылись обыкновеннымъ порядкомъ: ежедневныя фуражировки, посылка командъ въ лѣсъ для приготовленія туровъ, фашинъ, кольевъ и хворосту; эти послѣдніе нужны были какъ для укрѣпленія, такъ и для лагерныхъ надобностей. При этомъ, конечно, были перестрѣлки; но потеря наша состояла, кажется, болѣе въ тратѣ пороха, нежели въ убыли людей. Такъ проводили мы время, съ обычными вечерними оргіями въ палаткахъ записныхъ кутилъ, которыхъ, также какъ и шулеровъ,

(*) Родной братъ извѣстнаго нашего поэта А. С. Пушкина, на котораго онъ чертами лица чрезвычайно похожъ; только тотъ былъ брюнетъ, а этотъ нѣсколько рыжеватъ.

обильно порождаетъ всякая война, по неизмѣнно въ боевой жизни другихъ свѣтскихъ развлеченій и средствъ къ приобрѣтенію пищи для ума и сердца.

Съ утра, 30-го мая, погода была великолѣпная; къ полудню началъ подувать самый неблагопріятный для нашихъ моряковъ юго-западный вѣтеръ и развелъ на морѣ волненіе, съ прибоемъ къ берегу; часовъ въ пять, прибой усилился. На судахъ, стоящихъ на рейдѣ, моряки засуетились; нѣкоторые хотѣли уйти въ море, для чего пароходы разводили пары, но уже было поздно: буря усилилась; начали укрѣпляться на якоряхъ—не помогло и, часовъ въ восемь вечера, военные и купеческія суда начали дрейфовать. Суда, качаясь съ борта на бортъ, приближались къ берегу; волны ходили чрезъ палубы и уносили людей; тѣ же, которые искали спасенія на вантахъ и марсахъ, при наклоненіи мачтъ то въ одну, то въ другую сторону, отъ сотрясенія и порывовъ вѣтра—падали въ волны; иные, при этомъ, запутывались ногами въ снастяхъ, висѣли головою внизъ, и окровавленные ихъ тѣла ударялись о мачты и реи. Изъ военныхъ судовъ при этомъ несчастіи имѣли направленіе: бригъ „Оемистоль“—на скалистый непріятельскій берегъ, на полверсты отъ устья рѣки Туапсе; транспортъ „Ланжеронъ“—на такой же берегъ и на такое же разстояніе отъ лѣвой стрѣлковой цѣпи; тендеръ „Скорый“—прямо къ устью Туапсе; пароходъ „Язонъ“ (*) и тендеръ „Лучъ“—на песчаный берегъ ущелья, прямо противъ отряда. Ночью буря обратилась въ страшный штормъ, при чемъ, потерпѣли крушеніе, кромѣ поименованныхъ военныхъ, и купеческія суда, изъ которыхъ многія были зафрахтованы для надобностей экспедиціи.

Утромъ, 31-го числа, картина была ужасная: буря не утихла; нѣкоторые суда продолжали еще дрейфовать, и положеніе эки-

(*) Пароходы «Язонъ» и «Колхида» построены въ Англіи, стоили казнѣ болѣе миліона рублей; отдѣлка ихъ изумительно превосходная.

пажей было вчерашнее: бригъ „Θемистоклъ“ и транспортъ „Ланжеронъ“ лежали на берегу, окруженные горцами; на выручку послѣдняго, еще ночью, посланы были три роты нашего баталіона (2-й баталіонъ тенгинскаго пѣхотнаго полка) и горцы, послѣ небольшой перестрѣлки въ той сторонѣ, были окончательно отражены; но съ брига отстрѣливались сами моряки, оставшіеся въ живыхъ изъ экипажа, послать же туда въ секурсъ пѣхоту или кавалерію, въ бродъ чрезъ рѣчку, по случаю бури, не предстояло никакой возможности, а потому, подвезены были два полевые орудія къ правому берегу устья Туапсе, изъ которыхъ одно бросало гранаты на лѣсистыя скалы, а другое обстрѣливало картечью лукоморье между тѣми высотами и лежащимъ на боку бригомъ. Наконецъ, часу въ десятомъ утра, въ нѣсколькихъ саженьяхъ выше устья Туапсе, человекъ пять смѣльчаковъ успѣли кой-какъ переправиться въ бродъ на лѣвый берегъ этой рѣчки. Выстрѣломъ изъ кегорновой мортирки бросили имъ, посредствомъ разряженной гранаты, веревку, укрѣпленную однимъ концомъ въ отверстіи, предназначенномъ для трубки; къ веревкѣ привязанъ былъ канатъ, который, будучи принятъ переправившимися солдатами и тщательно привязанъ къ большимъ деревьямъ на противоположныхъ берегахъ, доставилъ возможность 2-мъ ротамъ переправиться на помощь бригу. Къ вечеру же того дня, главная высота прямо противъ него была занята однимъ баталіономъ навагинскаго полка, и тѣмъ обезпечены были разгрузка и разснащеніе судна. Тендеръ „Скорый“ подъ парусами влетѣлъ въ устье Туапсе и почти зарылся въ песокъ; тендеръ „Лучъ“ остановился такъ счастливо, что былъ спасенъ и выведенъ на рейдъ. Пароходъ „Язонъ“ еще поутру качался съ борта на бортъ, и моряки—одни падали, другіе сами бросались въ волны (въ числѣ послѣднихъ былъ машинистъ англичанинъ) и были спасаемы сильными смѣльчаками, пловцами сухопутныхъ войскъ, и особенно изъ азовскихъ казаковъ; при этомъ, были замѣчательные примѣры самоотверженія. Спасеніемъ распоряжался самъ начальникъ отряда

Николай Николаевич Раевскій. Изъ спасенныхъ моряковъ образовался на берегу особый лагерь. Всѣхъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе на рейдѣ, при нашемъ отрядѣ, насчитано было четырнадцать. За спасеніе погибавшихъ вскорѣ были посланы девяти казакамъ азовскаго войска серебряныя медали на владимірскихъ лентахъ и выдано по 100 рублей; такія же медали даны тремъ рядовымъ навагинскаго полка и двумъ тенгинскаго, а одинъ изъ разжалованныхъ нашего полка, Руфинъ Николаевичъ Дороховъ, за участіе въ спасеніи погибавшихъ, произведенъ въ унтеръ-офицеры. Вскорѣ послѣ этой катастрофы, мы получили извѣстіе, что Высочайшимъ приказомъ 10-го апрѣля, на мѣсто покойнаго Вельяминова, командующимъ войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи назначенъ генералъ-лейтенантъ Граббе.

Въ послѣднихъ числахъ іюня, возведеніе форта Вельяминовскаго приходило къ концу. Между тѣмъ, мы получали довольно часто извѣщенія о нападеніи горцевъ на команды, высылаемыя изъ фортвъ—для прикрытія погребенія умершихъ, для пастьбы скота и лошадей подъ самыми выстрѣлами батарей, въ лѣсъ для рубки дровъ и другихъ надобностей; даже имѣли положительныя увѣдомленія о нападеніи горцевъ на самыя укрѣпленія, 26-го февраля—на укрѣпленіе Николаевское (Атакуафъ); 16-го и 17-го марта—на укрѣпленіе Михайловское (Вуланъ); 12-го мая, вновь на укрѣпленіе Николаевское. Хотя всѣ эти нападенія были отражены, гарнизоны защищались отчаянно, ожидая съ часу на часъ подрѣзленія сухимъ путемъ: николаевцы—отъ Абина, михайловцы—изъ Геленджика; но эти обстоятельства порождали въ обществѣ офицеровъ разныя толки и умозаключенія по вопросу: что будутъ дѣлать, въ случаяхъ нападенія горцевъ, гарнизоны фортвъ, не имѣющихъ сухопутныхъ сообщеній съ главными укрѣпленіями? При этомъ вспоминали, что Вельяминовъ, прокладывая операціонныя линіи къ прибрежнымъ укрѣпленіямъ, имѣлъ также въ виду возможность войны съ Турціею, во время которой появленіе одного непріятель-

скаго корабля противъ любого изъ фортовъ ставило бы гарнизонъ въ безвыходную опасность. Моряки офицеры, служившіе прежде въ балтійскомъ флотѣ и бывшіе при блокадѣ Дарданельскаго пролива въ отрядѣ контръ-адмирала Рикорда, отряженнаго отъ эскадры вице-адмирала графа Гейдена, находившейся въ то время въ Средиземномъ морѣ, весьма справедливо замѣчали, что турецкій флотъ— не бѣда для прибрежныхъ укрѣпленій: „мы его, говорили они, разгромимъ гораздо прежде, чѣмъ онъ вздумаетъ подойти къ этимъ берегамъ; но у насъ есть друзья-союзники, такъ усердно помогавшіе въ истребленіи турецкой эскадры при Наваринѣ; вотъ эти-то друзья, если будутъ пропущены въ Черное море, поистинѣ опасны для нашихъ фортовъ, а, судя по событіямъ 1829 года, такой случай могъ предвидѣться не въ дальнемъ будущемъ. Едва наши войска заняли тогда Адрианополь, соединились при Энотѣ съ эскадрою графа Гейдена, который въ то же время усилилъ блокаду Дарданель, и уже паденіе Константинополя казалось неминуемымъ; едва только настала эта рѣшительная минута, какъ появились къ намъ неприглашенные союзники—англійская эскадра вице-адмирала Малькольма и французская контръ-адмирала Розамеля; обѣ эскадры вмѣстѣ были вдвое сильнѣе всего нашего флота въ Средиземномъ морѣ и заняли позицію такъ, что всѣ наши суда были подъ перекрестнымъ огнемъ этихъ обѣихъ эскадръ, а наши корабли до такой степени завалены были кулями провіанта, что едва ли можно было дѣйствовать нашей артилеріи. Взаимная любезность главныхъ начальниковъ трехъ союзныхъ эскадръ въ то время, хотя была самая дружественная, и при торжественныхъ обѣдахъ на адмиральскихъ корабляхъ пили за здоровье царствующихъ монарховъ-союзниковъ, за храбрыхъ союзныхъ войска, за благоденствіе націй и проч., но, въ искреннихъ бесѣдахъ, французская и англійская молодежь часто проговаривались: „какъ только русскіе войска къ воротамъ древней Византіи—православная эскадра на дно морское. Вотъ поэтому-то, мирный договоръ съ Турціею под-

писанъ былъ не въ Константинополѣ, а въ Адрианополѣ“. Я безъ возраженій вѣрилъ этимъ разсужденіямъ бывалыхъ моряковъ, тѣмъ болѣе, что еще въ крѣпости Варнѣ, когда могилевскій полкъ, въ которомъ я въ то время служилъ, держалъ тамъ гарнизонъ, по заключеніи мира, то тогда еще разсказывали, что причины прекращенія войны были именно тѣ, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ.

Послѣ этого, нельзя было не придти къ окончательному заключенію о странномъ и опасномъ положеніи прибрежныхъ нашихъ фортовъ, не имѣющихъ сухопутнаго сообщенія съ черноморскою и кавказскою кордонными линіями, составляющими наши границы и отстоящими отъ прибрежной линіи на какія нибудь 50 или 60 верстъ. Я сравниваю теперь положеніе этихъ фортовъ съ положеніемъ, во время осады поляками, троицко-сергіевскаго монастыря, отстоящаго отъ Москвы на 60 верстъ; но это было болѣе, чѣмъ за двѣсти лѣтъ до нашего времени.

Въ эту экспедицію, какъ въ нашихъ пѣхотныхъ полкахъ, такъ и въ черноморскомъ флотѣ, много еще служило офицеровъ и нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ войнахъ съ Персіею, Турціею и бывалыхъ въ кавказскихъ экспедиціяхъ съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, а потому, хорошо знавшихъ звѣрство и безпощадность магометанъ при удачахъ въ сраженіяхъ и положеніе христіанъ у нихъ въ плѣну. Припоминая прежніе примѣры самоотверженія и отчаянной храбрости русскаго солдата въ бою и подъ вліяніемъ послѣднихъ извѣстій о нападеніи въ этомъ году горцевъ на укрѣпленія, защищаемыя одною или двумя ротами, весьма естественно, разговоры наши приходили къ вопросу: что будемъ дѣлать въ случаѣ, если гарнизонъ форта не отразитъ нападенія, и горцы въ него ворвутся? На это прямо отвѣчалъ примѣръ капитанъ-лейтенанта Казарскаго, командира брига „Меркурій“, и замѣчательное самоотверженіемъ, предложеніе корпуса штурмановъ поручика Прокофьева: „въ крайности—не сдаваться, а, спѣ-

пившись съ непріятельскимъ кораблемъ, взорвать брѣгъ на воздухъ“(*). Объ этомъ случаѣ матросы, во время плаванія къ берегамъ Туапсе, рассказывали солдатамъ, съ приправою анекдотовъ про наваринскую битву, въ которой многіе изъ рассказчиковъ сами участвовали и теперь служили на корабляхъ, назначенныхъ для нашего десанта; да и въ нашихъ рядахъ много было офицеровъ и нижнихъ чиновъ, помнящихъ еще Эчмѣдзинъ, Ахалцыхъ, Браиловъ, Варну, Варшаву и проч. А кто изъ военныхъ не знаетъ, какъ сильно дѣйствуютъ на солдата не только рассказы стариковъ-современниковъ о замѣчательныхъ военныхъ событіяхъ, но даже сохранившіяся о нихъ пѣсни: такъ, отцы наши слушали рассказы сподвижниковъ Суворова и пѣсни про Кинбурнъ (1787 г. „Наша кинбурнская коса открыла первы чудеса“), Очаковъ (1788 года)(**), Рымникъ (1789 года), Измаиль (1790 года) и проч. Мы же слышали и слышимъ рассказы и поемъ пѣсни про походы царствованія Александра Благословеннаго; прійдетъ время, передадутся потомству и наши подвиги, и также, въ свою очередь,, бу-

(*) Извѣстно, что восемнадцати-пушечный бригъ «Меркурій», во время послѣдней турецкой войны, крейсировавшій въ 1829 году, вмѣстѣ съ другими судами, у Константинопольскаго пролива, 14-го мая, былъ атакованъ двумя непріятельскими кораблями: одинъ былъ 110-ти пушечный, другой—74-хъ пушечный. Въ этой крайности, командиръ брига собралъ военный совѣтъ, на которомъ единогласно принято было предложеніе поручика Прокофьева—сѣсть на непріятельскимъ кораблемъ и съ нимъ взлетѣть на воздухъ, и съ этою цѣлью положенъ былъ на *шпиль* (воротъ для навивки каната при поднятіи якоря) заряженный пистолетъ, съ тѣмъ, что кто останется въ живыхъ—выстрѣлитъ въ кроить-камеру.

(**) Можетъ быть, примѣромъ отчаянной битвы брига «Меркурій» съ двумя кораблями послужилъ сохранившійся въ морскихъ лѣтописяхъ подвигъ капитана Сакена, который, будучи атакованъ (20-го мая 1788 года) тридцатью турецкими судами, не желая спустить флагъ и сдаться военнымъ призомъ непріятелю, взорвалъ свое судно на воздухъ.

Авт.

дуть служить примѣромъ будущимъ хранителямъ русской славы и защитникамъ отечества. Справедливо сказалъ знаменито-несчастный нашъ поэтъ К. Рылѣевъ, въ предисловіи къ своимъ „Думамъ“:

„Напомянуть юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со „свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ „для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто „уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не „въ состояніи изгладить,—онѣ крѣпнутъ съ лѣтами“...Никто, конечно, противу этой истины возражать не будетъ. Я надъ собою испыталъ сильное нравственное вліяніе патріотическихъ сочиненій Державина, Жуковского, Рылѣева и другихъ, писавшихъ въ томъ же родѣ;—это были мои наставники въ нравственной философіи. Одаренный отъ природы большою памятью, особенно для стихотвореній, я, получивъ ничтожное, одностороннее военное образованіе, сохранилъ и сохраняю до смерти святыя истины, высказанныя въ стихахъ подобными поэтами:

„Обѣтамъ—вѣчность; чести—честь,
Покорносѣ—правой власти;
Для дружбы—все, что въ мірѣ есть;
Любви—весь пламень страсти;
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
Погибели—спасенье;
Могучему пороку—брань;
Безсильному—призрѣнье;
Неправдѣ—грознай правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Веселіе—въ послѣдній часъ:
При гробѣ—упованье.“

В. Жуковскій.

Эти поэтическія мысли и имъ подобныя всегда были и будутъ эпиграфами всѣхъ моихъ дѣйствій жизни, хотя я совершенно увѣрился, что именно онѣ-то и привели меня къ этому незавидному положенію, въ которомъ я теперь нахожусь.

Но я удалился отъ настоящей цѣли моего журнала, и не пояснилъ, какой высказывался отвѣтъ въ кружкахъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ на возникшій вопросъ: *что дѣлать въ крайности, если непріятель ворвется въ укрѣпленіе?* Положительно скажу, что отвѣтъ: „взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ непріателемъ“—былъ простой и повсемѣстный во всѣхъ ротахъ, хотя высказывался въ разнообразныхъ выраженіяхъ, съ разными на это взглядами, но всегда и вездѣ энергично и положительно. Не дай Богъ, чтобы случилась такая крайность; но дай Богъ, чтобы такая мысль самоотверженія укрѣпилась въ нашихъ войскахъ.

Въ первыхъ числахъ іюля разнеслось по лагерю, что новый нашъ корпусный командиръ посѣтитъ отрядъ и будетъ находиться самъ при занятіи на линіи десантомъ втораго пункта въ этомъ году. Это извѣстіе для меня было очень пріятно, такъ какъ, во время турецкой войны 1828 года, я нѣкоторое время состоялъ при немъ, отъ полковъ 10-й пѣхотной дивизіи, безсмѣннымъ ординарцемъ, именно, во время занятія отрядомъ, подъ начальствомъ его превосходительства, южной стороны кр. Варны(*). Для приѣма кор-

(*) Когда нашъ могилевскій полкъ, 30-го августа 1828 года, поступилъ въ отрядъ генералъ-адъютанта Головина, для занятія южной стороны кр. Варны, мнѣ приказано было явиться къ начальнику отряда и состоять при немъ ординарцемъ; какъ только я прибылъ къ его превосходительству, онъ отправилъ меня къ полковнику Лазичу, назначенному для открытія на рѣкѣ Камчикѣ непріятеля. 3-го сентября, послѣ отступленія отряда Лазича и по присоединеніи къ нему одного баталіона лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, мнѣ приказано было находиться при флигель-адъютантѣ, полковникѣ бывшихъ польскихъ войскъ, Залускомъ, отъ котораго я, 10-го сентября, явился къ своему баталіону.

Авт.

пуснаго командира, начальникъ отряда приготавлиалъ торжественный обѣдъ. Я, чтобы напомнить о себѣ Евгенію Александровичу, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о прежней, хотя кратковременной, моей при немъ службѣ, написалъ для обѣда, въ честь его приготавлиаемаго, заздравные тосты, которые при штабѣ были одобрены, положены на музыку и внимательно приняты начальникомъ отряда. Тогда мой ротный командиръ просилъ меня, для ротныхъ пѣсенниковъ, написать въ честь корпуснаго командира пѣсню, но чтобы голосъ былъ попроще. Я предложилъ ему голосъ всѣмъ извѣстной пѣсни: „Какъ на матушкѣ, на Невѣ-рѣкѣ“...Онъ согласился, и я написалъ тою же тоническою мѣрою стихи, которые безъ затрудненія выучили пѣсенники.

Іюля 8-го, часовъ въ 10-ть утра, прибылъ къ Туапсе на пароходѣ корпусный командиръ, и, по выходѣ на берегъ, сейчасъ же обошелъ войска; при немъ въ это время находился адъютантъ его, капитанъ Заливкинъ, который, въ чинѣ прапорщика лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, въ одно время со мною, состоялъ при его превосходительствѣ въ южномъ отрядѣ подъ Варною. Когда, послѣ пріема Евгенія Александровича въ ставкѣ начальника отряда, онъ услышалъ за палаткою пѣсню, въ честь его написанную, пропѣтую ротными пѣсенниками тенгинскаго полка, то, спросивъ, кѣмъ написаны слова и получивъ отвѣтъ, съ поясненіемъ адъютанта Заливкина, что пѣсня написана тѣмъ самымъ Федоровымъ, который подъ Варною посланъ былъ имъ находиться при полковникѣ Залускомъ, приказалъ меня лично представитъ къ нему. Приказаніе это дошло до меня часу въ первомъ дня. Со мной пошелъ мой ротный командиръ; я былъ въ толстой солдатской шинели и серебряныхъ очкахъ; встрѣтилъ генерала, идущаго со свитою отъ вновь построеннаго укрѣпленія къ передовой цѣпи, по тропинкѣ, ведущей на гору, занятую нашимъ баталіономъ. Меня представилъ самъ Николай Николаевичъ Раевскій. Первые слова корпуснаго командира были: „я васъ припоминаю, мы видѣлись подъ Варною. Давно ли вы разжалованы и

за что?“ Получивъ отъ меня короткій и удовлетворительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „никогда не должно уклоняться отъ своего призванія и отъ пути разъ избраннаго: и безъ казначейской должности вы бы были должностнымъ офицеромъ“. Съ этими словами онъ поклонился, и мы разстались. Въ звукѣ его словъ и во взглядѣ такъ много было добродушія, сожалѣнія и привѣтливости, что я рѣшительно воскресъ душою, и надежда на будущее примирила меня съ настоящимъ.

Въ этотъ день, за обѣдомъ у начальника отряда, были пропѣты тенгинскими пѣвчими написанные мною тосты, съ хоромъ музыки; а пѣсенники повторили мою пѣсню—

Заздравные тосты.

Ц а р ю.

Воины-друзи! во славу вѣнчаннаго,
Вспѣнимъ мы кубки виномъ;
Выпьемъ за здравіе Царя православнаго,
Выпьемъ за весь царскій Домъ.
Для счастья народа, для счастья державы,
Боже, продли Его дни!
Да будетъ тронъ царскій въ звѣздахъ вѣчной славы!
Боже Царя храни!

(Гимнъ; „Боже, Царя храни!“)

В о ж д ю.

Воины-друзи!—за чаши! Межъ нами,
Да здравствуетъ нашъ Головинъ!
И въ даръ ему, други, лавръ, снятый штыками
Съ грозныхъ Туапсе вершинъ.
Многія лѣта, живи ты на славу

Нашей родимой странѣ,
Паденьемъ Кавказа обрадуй державу,—
Многія лѣта тебѣ!...

(Многія лѣта).

О т е ч е с т в у.

Боже нашъ, счастье дай родинѣ милой,
Груды ей злата, серебра!...
Выпьемъ во славу Россіи родимой,
Выпьемъ и крикнемъ ура!

(Ура! ура! ура!)

Это „ура“ повторилось по всему лагерю и на горахъ въ стрѣлковой цѣпи.

Пріѣздъ новаго начальника въ лагерь на Туапсе.

Солдатская пѣсня.

То не шкваль летитъ по синю морю,
И не вѣтръ шумитъ по волнамъ сѣдымъ,—
По синю морю пароходъ летитъ,
По волнамъ сѣдымъ пароходъ шумитъ,
И колесами, какъ на мельницѣ,
Мудрено мелеть воды бурныя;
На себѣ несетъ къ намъ начальника.
Здравствуй, батюшка, ты начальникъ нашъ!
Мы привѣтствуемъ посолдатски васъ,
Посолдатскому—русской пѣснѣю:
Мы давно ждали гостя добраго,

Мы давно ждали на Туапсе васъ,
Разсказать чтобъ вамъ наши подвиги....
Русскихъ войскъ солдатъ вѣдь не хвастаетъ;—
Вы услышите—перескажетъ вамъ,
Перескажетъ вамъ все молва о насъ,
Перескажетъ вамъ, что мы сдѣлали,
Что мы сдѣлали здѣсь съ черкесами;
А теперь хотимъ лишь одно сказать:
Много слышали о васъ добраго;
Съ вами рады мы умереть въ бояхъ,
За святую Русь, православную;
Мы пройдемъ съ вами горы грозныя,
Мы зальемъ скалы кровью вражеской,
Разметаемъ въ прахъ силы нехристей,
Бросимъ полымя на аулы ихъ,—
И тогда-то ужъ, ой, прости, Кавказъ!
Ты же счастливъ будь вѣкъ, начальникъ нашъ,
Лѣта многія ты живи для насъ!

Вечеромъ въ этотъ день, по словесному приказанію, сдѣлано было распоряженіе, чтобы съ разсвѣтомъ, 2-го числа, всѣ ротныя тяжести и палатки были на берегу, приготовленныя къ нагрузкѣ на суда, а по сигналу „отступленіе“—разбросать засѣлки и всѣмъ цѣпямъ отступать одновременно къ берегу за укрѣпленіе.

Мой ротный командиръ былъ всегда мастеръ на оригинальныя военныя выдумки. Такъ, и при этомъ случаѣ: ему вздумалось, какъ онъ выразился, повеселить *трикляту татарву* военною *хитростью*. За засѣлками, передъ нашей ротой, какъ вообще у всѣхъ ротъ, вырыты были, огороженныя также засѣлками въ видѣ турбастіоновъ, двѣ глубокія, обширныя ямы—для извѣстнаго употреб-

ленія. Онъ приказалъ рабочимъ, назначеннымъ для разборки засѣкъ, не заваливать этихъ ямъ, а только осторожно прикрыть ихъ вѣтками, хворостомъ, прижать немного камнями, дерномъ, присыпать землею, травой—, и на эти ямы, я самъ—добавилъ онъ—положу приманку, чтобы завлечь непріятеля не въ *волчьи*, а въ *человѣчьи* ямы“, съострилъ онъ. Когда я сказалъ, что это будетъ не военная хитрость, но мщеніе; а вы сами говорили, что добрые люди не мстятъ,—тогда онъ, принявъ иронически-воинственную позу, по каратыгински возразилъ:

„ Или не помните Батыевыхъ побѣдъ!

„ Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ“.

На такой патріотическій возгласъ, конечно, я не далъ отвѣта, чтобы не оскорбить самолюбія, которое никогда не прощаетъ. Надо знать, что мой истинно добрый капитанъ очень уважалъ сочиненія Озерова, но чаще декламировалъ на его трагедіи пародіи Баркова и вообще, любилъ барковщину.

Рано утромъ, 9-го числа, едва съ горами раздался барабанный бой „по возамъ“, начали разбирать засѣки; палатки были сняты еще ночью. Приказаніе моего капитана, цодъ личнымъ его наблюденіемъ, въ точности было исполнено; онъ самъ, на человѣчьи ямы, наполнявшіяся въ теченіи трехъ мѣсяцевъ цѣлою ротою, бросилъ на разныя мѣста, надъ серединою ямъ, нѣсколько солдатскихъ патроновъ, а прямо передъ ямами, шагахъ въ двѣнадцати, въ скрытныхъ мѣстахъ, положилъ человѣкъ десять вызванныхъ изъ роты охотниковъ. Какъ только раздался сигналъ отступленія, и рота тронулась, черкесы, по обыкновенію, почти не сгрѣляя, старались скорѣе занять мѣста цѣпи, чтобы поискать—не потерялъ ли, или не забылъ-ли кто изъ стрѣлковъ чего нибудь на позиціи, и подобрать растерянные патроны, которые, по неудобству нашихъ патронныхъ сумъ за спиною и патронташей на груди, въ большемъ числѣ терялись солдатами. Рота сходила съ горы медленно; мы часто останавливались, оглядывались, что будетъ съ капи-

танскою военною хитростью. Намъ было видно, какъ черкесы слѣдовали за стрѣлками, перебѣгая отъ дерева къ дереву, и изрѣдка изъ за нихъ пускали пули, на которыя наша цѣпь, по приказанію капитана, не отвѣчала. Мы были уже на полугорѣ, когда замѣтили, что человекъ пять или шесть горцевъ опрометью бросились къ ямамъ; мы не спустили съ нихъ глазъ. Едва они взбѣжали на прикрытыя ямы, то исчезли, какъ будто провалились сквозь землю (ямы имѣли глубины болѣе роста человека). Капитанъ захопалъ въ ладони, рота крикнула . ура! стрѣлки изъ засады начали стрѣлять и поодионокѣ присоединялись къ отступающей цѣпи, которая, не зная причины побѣднаго крика роты, открыла огонь. Изъ отряда бѣжала къ намъ рота въ секурсъ; при ней, на рысяхъ, горный еднорогъ; при нихъ, неслись въ карьеръ къ намъ адъютанты и другіе любители отличій: все это въ томъ предположеніи, что на насъ сдѣлано было сильное нападеніе. Нѣкоторые изъ этихъ всадниковъ чуть-чуть не занеслись въ *человѣчьи* ямы, и это бы непремѣнно случилось, еслибы самъ капитанъ не побѣждалъ къ нимъ навстрѣчу, махая фуражкой и предупреждая о ямахъ, но не рассказывая о своей выдумкѣ. И только тогда, когда мы плыли уже къ Шапсуго, на корабль заговорили объ этой *военной хитрости*; моряки много смѣялись; нѣкоторые офицеры, не шутя, одобряли удавшееся предпріятіе,—и мой капитанъ былъ въ восторгѣ.

Вмѣстѣ съ отступленіемъ цѣпей, всѣ тяжести, лошади, артилерія и вообще, все, что съ вечера подвезено было къ берегу, начали отправлять на суда, и такъ успѣшно, что когда передовые баталіоны, отозвавъ свои цѣпи, соединились за вновь возведеннымъ укрѣпленіемъ, на берегу не было почти никакихъ тяжестей, и гребныя суда перевозили на корабли только войска, которыя размѣщались по прежней дислокаціи, такъ что нашъ баталіонъ посаженъ былъ опять на корабль „Память Евстафія,“ гдѣ, къ большому нашему удовольствію, мы встрѣтили знакомыхъ уже намъ моряковъ. Какъ только первый рейсъ отчалилъ отъ береговъ, съ барбетовъ

укрѣпленія, по ущелью и по горамъ, начали производить пробные выстрѣлы ядрами и гранатами. Эта пальба была какъ бы прощальною салютаціею отъѣзжающимъ отряду и флоту. Съ окончаніемъ амбаркаціи, немедленно стали подымать якоря; солдаты помогали матросамъ и, вмѣстѣ съ ними, дружно маршировали подъ звукъ барабана, поворачивая шпиль. Ставъ подъ паруса, мы удалялись, казалось, въ море, и въ полдень не видно было уже береговъ. На кораблѣ все шло обычнымъ порядкомъ, какъ при первомъ плаваніи. Наступила ночь; часу въ четвертомъ, до восхода солнца, я вышелъ на палубу и замѣтилъ кой-гдѣ вдали огни, доказывавшіе приближеніе наше къ берегамъ. По ходу корабля и по положенію огней, я пришелъ къ заключенію, что мы плывемъ обратно въ Тамань. Съ разсвѣтомъ, встрѣтивъ на палубѣ моего капитана, я сообщилъ ему мое замѣчаніе. „Дѣйствительно, сказалъ онъ, мы плывемъ назадъ, но только не въ Тамань, а для занятія втораго пункта при устьѣ р. Шапсуго. Сегодня же послѣдуетъ десантъ; порядокъ высадки такой, какъ и при занятіи Туапсе: нашъ баталіонъ назначенъ въ авангардъ; васъ я отмѣтилъ въ первый рейсъ первой цѣпи; всѣмъ десантомъ будетъ командовать корпусный командиръ“. Послѣ этого, онъ предложилъ мнѣ, вмѣсто чаю, что нибудь закусить, добавивъ, что сегодня, вѣрно, придется только ужинать, если останемся живы;—дѣло, говорятъ, будетъ горячее; ѣдаромъ, къ намъ пожаловалъ самъ Евгеній Александровичъ. Съ этими словами, мы подошли къ его деньщику, стоявшему тутъ же, на палубѣ, около въючныхъ чемодановъ своего барина. Тутъ мигомъ появилась походная закуска. Капитанъ любилъ глотнуть всегда съ какой нибудь приговоркой, и на этотъ случай, наливая въ довольно порядочной величины серебряный стаканчикъ, прозванный имъ „темная“, въ отличіе стеклянныхъ рюмокъ, и поднося мнѣ, провозгласилъ:

„Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно—

Тотъ бодро ищетъ боя“.

Я, зная его привычку, при этомъ случаѣ, обмануть, не принялъ отъ него „темной“, а, поклонясь въ поясъ, отвѣтилъ: „нѣтъ,

... „Всемогущее вино —

„Веселіе героя.“

Эта моя находчивость, повидимому, сильно понравилась, и онъ, проглотивъ „темную“, сейчасъ-же наполнилъ ее для меня и подалъ уже безъ прибаутки. Во время закуски, онъ, по прежнему, началъ просить меня, послѣ десанта, написать что нибудь, по случаю участія въ этомъ дѣлѣ корпуснаго командира, и добавилъ: „нельзя ли, вотъ, напримѣръ, на этотъ голосъ“ — и запѣлъ куплетъ изъ народн. на извѣстную французскую патріотическую пѣсню Беранже:

„

„ Да что съ тобою толковать намъ много;

„ Не изъ такихъ мы прочихъ, такъ сказать.

„ А встарь мы васъ наказывали строго...

„ Ты помнишь ли, французъ ѣ.....“

„Знаю, знаю“ — перебилъ я его, замѣтя, что наша бесѣда обращаетъ на насъ вниманіе людей весьма солидныхъ.

VIII.

Прибытіе эскадры къ Шапсуго. Канонада и десантъ войскъ. Приказъ по корпусу. Наводненіе въ отрядѣ. Плаваніе мое на зафрахтованномъ бригѣ св. Николая въ Тамань. Мое пребываніе въ фанаторійскомъ военномъ госпиталѣ.

Часовъ въ 7 утра (при Шапсуго) корабли введены были въ линію пароходами также, какъ при Туапсе. Разсказывать

порядокъ десанта—значило бы повторять всё тѣ же дѣйствія флота и сухопутныхъ силъ, какія происходили при занятіи, 12-го мая, пункта для возведенія форта Вельяминовскаго; но здѣсь, въ передовой ладѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Раевскимъ, стоялъ корпусный командиръ Евгеній Александровичъ Головинъ. На берегъ вышли мы рѣшительно безъ выстрѣла съ непріятельской стороны,—и только тогда, когда наша передовая цѣпь, быстро двинувшись по ущелью и отойдя съ четверть версты, заняла опушку лѣса—послышались изрѣдка въ лѣвой и правой цѣпяхъ непріятельскіе выстрѣлы. Наша же цѣпь подвигалась впередъ, пока не раздался сигналъ „стой“—вовсе не видя непріятеля. Разрушительные слѣды морской артилеріи, какъ и на Туапсе, доказывали, что противъ такой канонады врядъ ли бы удержались и хорошо дисциплинованныя войска—не только, чтобы устояли безпорядочныя толпы горцевъ. Впрочемъ, на берегу, на горахъ, нигдѣ мы не нашли ни рвовъ, ни заваловъ—словомъ, никакихъ приготовленій, которыя бы доказывали желаніе горцевъ сопротивляться десанту, какъ это было на Туапсе. Трудно положительно сказать: доказанная ли бесполезность защиты береговъ Туапсе, при большой съ ихъ стороны потерѣ, или просто—пезнаніе времени занятія ущелья Шапсуго, были причиною такой безпечности горцевъ, которые хватились только тогда, когда мы уже принялись за устройство засѣкъ и разбивку лагеря, и начали стрѣлять по рабочимъ. Не знаю, сколько убыло изъ строя во всемъ отрядѣ; но знаю, что въ нашей ротѣ оказалось только двое легко раненыхъ. Послѣ этого дѣла, вопреки ожиданій моего боеваго капитана, мы хорошо пообѣдали, спокойно поужинали, и не знаю, ради какой радости, послѣ ужина, порядкомъ кутнули. Впрочемъ, не при одномъ нашемъ баталіонѣ, но и въ другихъ частяхъ отряда, на горахъ и на берегу, раздавались пѣсни. Кажется, пребываніе на берегу генерала Головина было тому причиною. На другой день, то есть, 12-го іюля, мы прочитали приказъ по корпусу такого содержанія:

„Войска отряда дѣйствующаго со стороны Геленджика! Съ помощію Божіею, предназначенное занятіе новаго пункта на восточномъ берегу Чернаго моря, для укрѣпленія при р. Шапсуго, совершилось съ малою потерею, при благопріятной погодѣ, съ помощію предварительныхъ благоразумныхъ распоряженій. Высадка войскъ сдѣлана въ должномъ порядкѣ, и менѣе, чѣмъ въ двадцать четыре часа послѣ оставленія вами прежняго лагеря, вы вновь расположились спокойно на берегу намъ непріязненнымъ, занявъ всѣ нужные для обезпеченія лагеря пункты. Вы исполнили все, чего отъ васъ ожидали: въ порядкѣ и устройствѣ вышли на берегъ и съ полною готовностію встрѣтить непріятели, еслибъ онъ дерзнулъ вамъ противустать. Радуюсь, что, оставляя васъ, имѣю случай еще васъ благодарить и свидѣтельствовать предъ лицомъ Государя Императора о вашей постоянно усердной и похвальной службѣ. Начальнику отряда, генераль-маіору Раевскому, считаю долгомъ отдать полную справедливость за распорядительность и устройство, съ которыми совершена сія вторая и послѣдняя въ нынѣшнемъ году высадка, чему я самъ былъ свидѣтелемъ“.

Съ отбытіемъ изъ отряда корпуснаго командира, началось возведеніе укрѣпленія, получившаго названіе „Тенгинскаго“. Производство работъ, заготовленіе матеріаловъ, фуражировки, при этомъ ничтожныя перестрѣлки, все пошло обычнымъ порядкомъ. На другой день по отъѣздѣ генерала Головина, я передалъ моему капитану написанную мною пѣсню на занятіе Шапсуго, на голосъ: „T'en souviens-tu, disait un capitaine“. Вотъ эта пѣсня:

Къ Творцу міровъ внесемъ молитвы, други,
Онъ насъ въ часъ битвы десницей осѣнилъ:
Въ горахъ Туапсе, на брегахъ Шапсуги,
Побѣдный путь нашъ Онъ благословилъ.

Давно-ль точилъ черкесъ свои булаты,
И встрѣтить насъ въ Шапсуго слово даль?
Но лишь сверкнулъ въ долинѣ штыкъ крылатый—
И врагъ-хвастунъ стремглавъ отъ насъ бѣжалъ.

* * *

Онъ не забылъ туапскаго ущелья,
Гдѣ, съ вѣрой въ Бога, вышли мы на берегъ,
Гдѣ дали мы веселое сраженье—
И гдѣ врагъ бросился въ постыдный бѣгъ.

* * *

Намъ не забыть Шапсугъ, съ его горами,
Гдѣ чуть явились ряды дружинъ—
И врагъ въ лѣсахъ спасался передъ нами;
Гдѣ съ нами былъ безстрашный Головинъ.

* * *

Друзья! вождамъ—сердечъ благодаренье,
Надежды звѣздами они въ бояхъ!
Они грозой врагамъ, въ огонь сраженья,
Идутъ безсрашно съ первыми въ рядахъ.

Дня черезъ три послѣ передачи этой пѣсни, капитанъ говоритъ мнѣ: „что это такое? когда я самъ пою вашу пѣсню—идеть хорошо, у пѣсенниковъ что-то нескладно; хотѣлъ перемѣнить голосъ, но, чортъ знаетъ, никакой не приходится; пробовалъ и

„При долинушкѣ“, и „Среди долины“, все-таки не приходится; порѣшилъ оставить для себя,—буду пѣть подѣ гитару. Сдѣлайте милость, не обижайтесь“. — „Напротивъ, я очень радъ—отвѣчаю ему—но вы, однако же, убѣдитесь, что предложеніе ваше исполнено мною въ точности“. — „Какъ нельзя лучше, сказалъ онъ; очень благодаренъ“. Я хорошо понялъ причину затрудненія пѣсенниковъ, привыкшихъ пѣть, такъ сказать, подѣ барабанъ, въ четный тактъ, и потому, весьма естественно, что пятистопный ямбъ напѣву ихъ не подчинялся.

На Шапсуго мы простояли до 5-го сентября; изрѣдка случались въ цѣпи небольшія перестрѣлки. Шапсуги, какъ будто упали духомъ и даже на фуражировкахъ мало насъ беспокоили. Зато, съ половины августа сильно надоѣли намъ дожди, которые много препятствовали работамъ и развили въ отрядѣ желчныя лихорадки; въ это время и я захворалъ желчною лихорадкою, сопровождавшеюся сильнѣйшею рвотою. Во время болѣзни я лежалъ на землѣ, въ солдатской палаткѣ, и именно въ тотъ день, въ который дали мнѣ, по рецепту полковаго медика, большой приѣмъ каломеля, шелъ проливной дождь; рѣчка Шапсуго вышла изъ береговъ и затопила весь лагерь; я лежалъ положительно по горло въ водѣ, и, чтобы не захлебнуться, немного приподнялся и держался на рукахъ. Въ такомъ положеніи засталъ меня капитанъ, которому дали знать объ угрожающей мнѣ опасности. Онъ въ то же время приказалъ перенести меня къ нему въ палатку, гдѣ, поставивъ рядомъ два походныхъ столика, перемѣнивъ на мнѣ бѣлье, уложилъ на сложенный коверъ и, чтобы согрѣть, укрылъ меня всѣмъ, что попало подѣ руку, и даже сверху войлокомъ, которымъ прикрывался его походный вьюкъ. Часу въ пятомъ вечера дождь пересталъ, и вода быстро начала убывать, и не болѣе, какъ чрезъ четверть часа, прояснилось; когда вода оставила лагерь, солнце было еще довольно высоко и великолѣпно свѣтило; тутъ начали перебивать палатки и приводить въ устройство все разрушенное наводненіемъ. За-

ботливый капитанъ напоилъ меня чаемъ, при чемъ жалѣлъ, что докторъ, въ это же время навѣстившій меня, не позволилъ подлить въ мой чай рому, который, по мнѣнію капитана, помогъ бы мнѣ болѣе, чѣмъ каломель. Въ это же время медикъ предложилъ—завтра же отправить меня въ фанагорійскій военный госпиталь, вмѣстѣ съ назначенными туда больными. На другой день (это было воскресенье) 21-го августа, часу въ 12-мъ, въ полдень, принесли изъ полковой канцеляріи приказъ, съ надписью: унтеръ-офицеру изъ дворянъ, Михаилу Федорову. Этимъ приказомъ поручалось мнѣ принять въ свое вѣдѣніе 22 человека больныхъ нижнихъ чиновъ и доставить ихъ, на зафрахтованномъ купеческомъ суднѣ св. Николая, въ г. Тамань, гдѣ передать ихъ, съ прилагаемымъ особымъ конвертомъ, въ контору фанагорійскаго военного госпиталя, въ которомъ и самому остаться впредъ до выздоровленія отъ болѣзни.

Бригъ св. Николая, на который я былъ посаженъ съ командою, принадлежалъ капитану (такъ называютъ себя всѣ хозяева купеческихъ судовъ) австрійско-подданному, славону, изъ Бокка-ди Катаро. Самъ капитанъ пожилыхъ лѣтъ; шкиперъ—его племянникъ, лѣтъ 20-ти; оба они хорошо говорили порусски. Мы снялись съ якоря въ 2 часа послѣ полудня. Экипажъ состоялъ изъ 8-ми матросовъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ славонъ; остальные всѣ до одного были малороссіяне, нанявшіеся къ нему въ Херсонѣ. Командныя слова капитанъ и шкиперъ произносили поитальянски; матросы хорошо понимали команду, и, по словамъ хозяина судна, онъ, въ теченіи почти двадцатилѣтняго плаванія, не находилъ ни въ одной націи людей болѣе способныхъ къ морской службѣ, какъ малороссіянъ. На бригѣ были два небольшія орудія, въ родѣ гаубицъ, укрѣпленныя, на серединѣ обонхъ бортовъ, въ особаго рода желѣзные станки, такъ что на цапфахъ, вложенныхъ въ гнѣзда станка, можно было повышать и понижать орудіе по произволу подъ какимъ угодно угломъ, а самый станокъ можно было поворачивать во всѣ стороны, хотя бы пришлось даже производить выстрѣлы по

своей палубѣ. Въ случаѣ неповиновенія или какихъ нибудь безпорядковъ на суднѣ, виновныхъ высаживали на какой бы то ни было берегъ Чернаго моря, на что каждому даны были свидѣтельства. При этомъ, онъ мнѣ разсказалъ примѣромъ пользу и необходимость, купеческимъ судамъ, плавающимъ у кавказскихъ береговъ, имѣть на нихъ такія орудія, какъ у него. „Однажды—началъ онъ — въ 1833 году, бригъ мой шелъ недалеко отъ этихъ береговъ; когда былъ онъ на высотѣ почти этого мѣста, откуда мы вышли (Шапсуго), заштилѣло такъ, что судно—ни съ мѣста. Солнце еще было высоко. Я замѣтилъ, что отъ одного ущелья, изъ устья рѣчки, гребутъ прямо на насъ двѣ лодки, съ вооруженными татарами; на каждой изъ нихъ было человѣкъ по десяти. Съ первой изъ нихъ, по приближеніи сажени на четыре къ судну, начали кричать на турецкомъ языкѣ: „пусти насъ на судно, не то—сожжемъ“. Я изъяснилъ согласіе, и въ то же время поворотилъ гаубицу дуломъ назадъ, наклонивъ жерло орудія къ палубѣ такъ, что горцы не могли его разсмотрѣть; къ станку укрѣпилъ трапъ и, свѣсивъ его за бортъ, приглашалъ татаръ на судно. Но когда они находились уже отъ насъ въ разстояніи не болѣе сажени, я быстро поворотилъ орудіе, заряженное картечью, выстрѣлилъ во время заѣзда лодки къ судну,—зарядъ ударилъ въ лѣвый ея бортъ, и лодка мгновенно опрокинулась килемъ кверху. Почти въ это же время, другая лодка причалила къ носу брига. Очень удачно, посредствомъ весель и багровъ, закинувъ узлами навязанную веревку на якорь, висѣвшій за бортомъ, и, зацѣпивъ ею за лапу якоря, горцы рассчитывали взлѣзть по ней на бригъ. Но какъ только двое изъ нихъ повисли уже на этомъ импровизованномъ ими трапѣ, шкиперъ обрубилъ подвязки якоря; якорь, рухнувъ, вмѣстѣ съ взлѣзавшими татарами на бортъ лодки, опрокинулъ ее, подобно первой, вверхъ дномъ; многіе изъ нихъ всплыли и просили о помощи, но спастись ихъ не было почти возможности: спустить баркасъ—значило бы отдать его въ ихъ распоряженіе; принимать на судно людей вооруженныхъ—зна-

чило бы доставить имъ средства къ мщенію. Всплывшіе, между тѣмъ, направлялись къ берегу, гдѣ собравшаяся на берегу толпа не думала подавать имъ помощи—конечно, по неимѣнію болѣе лодокъ. И такъ, вѣроятно, они всѣ погибли, потому что, часу въ 7-мъ, когда немножко посвѣжѣло, и я поднялъ паруса, то видно было на поверхности воды всего только четыре человѣка; но и имъ было еще очень далеко до берега“.—Кромѣ моей команды, былъ на бригѣ еврей портной изъ Гагръ, ѣхавшій въ Керчь за покупкою матеріаловъ. Вѣтеръ былъ для насъ попутный; мы быстро удалялись отъ берега и держали курсъ прямо на сѣверо-западъ. Съ полуночи я замѣтилъ, что капитанъ нашъ засуетился; на мой вопросъ, шкиперъ объяснилъ, что вѣтеръ переходитъ въ чисто западный, барометръ предвѣщаетъ бурю, и потому, мы должны удалиться въ море—а это можетъ замедлить нашъ рейсъ дня на четыре. И дѣйствительно, къ вечеру усилился вѣтеръ; буря разыгралась такъ, что волны заливали палубу; больные лежали въ трюмѣ; люки всѣ были закрыты, внутри судна духота была нестерпимая. Я стоялъ, по указанію шкипера, на самой срединѣ палубы и держался за мачту; еврей надѣлъ на себя всѣ свои молигвенныя принадлежности, сидѣлъ на кормѣ и усердно молился. Этотъ день былъ днемъ пароксизма моей лихорадки, который, часовъ въ семь утра, начинался всегда не-сносною тошнотою и сопровождался рвотами желчью; а тутъ, не чувствуя приступа пароксизма, я не зналъ, чему приписать мое неожиданное выздоровленіе: медику-ли, съ огромной дозой каломеля, или морю, съ его укачиваніемъ. Къ вечеру, шкиперъ извѣстилъ меня, что почти всѣхъ больныхъ укачало, а вмѣстѣ съ ними и представленнаго фельдшера. Я спустился въ трюмъ. Посовѣтовавшись съ фельдшеромъ, который, кромѣ воды съ уксусомъ, ничего больнымъ не давалъ—ѣсть же никто ничего не могъ,—мы порѣшили: съ помощью всѣхъ, кто еще былъ въ силахъ, вытаскивать трудныхъ поодиночкѣ на палубу; капитанъ и шкиперъ внимательно ухаживали за ними: нѣкоторымъ давали понемножку рому, другимъ—раздавали

омоченные въ лимонный сокъ кусочки сахару, инымъ давали галеты, размоченныя въ водѣ съ уксусомъ,—все это много помогало, но не каждому. На вопросъ мой: что мы будемъ дѣлать, если они начнутъ умирать?—капитанъ отвѣтилъ: это умереть—привяжемъ къ ногамъ баластину и опустимъ въ море; а вы, на берегу ихъ опоете. Между тѣмъ, буря продолжалась; я же, заботясь о больныхъ, съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя все лучше и лучше. Шкиперъ убѣждалъ всѣхъ, что вѣтеръ уменьшается; но я этого не замѣчалъ. На четвертый день плаванія, гренадеръ изъ ефрейторовъ нашей роты секретно доложилъ мнѣ, что, по предложенію одного изъ матросовъ, почти всѣ больные, а съ ними и всѣ матросы, для укрощенія бури, согласились портнаго еврея, въ ночное время, бросить за бортъ—на томъ основаніи, что *имѣть на кораблѣ еврея—хуже, чѣмъ женщину*; что съ ними, въ морѣ, говорятъ они, всегда бываетъ какое нибудь несчастіе. Я сошелъ въ трюмъ, сѣлъ въ кружокъ больныхъ и, въ присутствіи нѣкоторыхъ матросовъ, началъ доказывать имъ всю нелѣпость такого мнѣнія: указывалъ на плаваніе Ноева ковчега съ живущими на землѣ созданіями *обою пола*; говорилъ, что и родъ человѣческій возобновился отъ поколѣнія Ноя,—слѣдовательно, ковчегъ былъ не безъ женщины; рассказалъ имъ, съ анекдотами, первый рекрутскій наборъ изъ евреевъ въ 1827 году (*), и указалъ, что большая половина этихъ рекрутъ поступила на корабли, а между тѣмъ, въ послѣднюю войну съ Турціею 1828 и 1829 годовъ, флотъ нашъ благополучно кончилъ кампанію и одержалъ многія блистательныя побѣды; да, наконецъ, они сами видѣли, что на военныхъ корабляхъ служатъ евреи. При этомъ, представилъ имъ, какой отвѣтственности подверглись бы они по суду, если бы

(*) Могилевскій полкъ, въ которомъ я въ то время служилъ, стоялъ въ г. Мозырѣ, Минской губерніи, и я помню хорошо плачъ, рыданія, крики и вообще, затрудненія, съ какими приходилось вы провожать этихъ новобранцевъ изъ города.

совершили такое жестокое предложеніе одного глупаго хохла, который, можетъ быть (сказалъ я имъ шутя) самъ съ вѣдьмой изъ своей хаты леталъ въ трубу на свиданіе и для заговоровъ съ нечистыми, а теперь бурю моря сваливаетъ на еврея. Мое объясненіе такъ имъ понравилось, что многіе общали, по прибытіи въ Тамань, при первой встрѣчѣ этого матроса на берегу, дать ему, за его совѣтъ, хорошую потасовку.

На девятый день оказался у насъ недостатокъ въ прѣсной водѣ; пришлось воду раздавать порціями: по расчету количества оставшейся въ запасѣ, предполагая еще четыре дня плаванія, можно было выдавать таковой каждому только по полуманерки. Дождя и грозы не было, и хотя солнце и свѣтило ярко, но вѣтеръ освѣжалъ воздухъ, а по ночамъ даже было холодно. Наконецъ, буря замѣтно стала утихать, и 2-го сентября, поутру, часу въ 7-мъ, показались намъ берега Керчи. Въ полдень увидѣли мы Тамань, противъ которой, на четверть версты отъ берега, часу во второмъ, бросили якорь. Я со шкиперомъ сейчасъ же слѣхали на берегъ и явились воинскому начальнику черноморскаго казачьяго войска, есаулу Дорошенкѣ, который въ то же время распорядился высылкою подводъ и казаковъ для приѣма больныхъ и отправленія ихъ въ крѣпость Фанаторію. Оставивъ шкипера распорядиться доставкою больныхъ съ брига на пристань, я самъ пошелъ въ контору госпиталя; тамъ, смотритель принявъ отъ меня конвертъ, повелъ меня въ госпиталь, гдѣ указалъ палату, предназначенную имъ собственно для разжалованныхъ. Изъ госпиталя я отправился на пристань за своими вещами, которыя помѣщались въ холщевомъ мѣшкѣ, завернутомъ въ войлокъ, замѣнявшій мнѣ постель. Съ пристани всѣ больные были уже перевезены, и лежали только четыре человѣка умершихъ, ожидавшихъ погребенія. Мнѣ сказали, что они вышли на берегъ живыми, скончались не болѣе, какъ чрезъ десять минутъ послѣ снятія ихъ съ баркаса. Я воротился въ госпиталь часу въ 6-мъ вечера; назначенная мнѣ палата была довольно обширная комната, съ тре-

мя большими окнами; въ ней я нашелъ на мѣстахъ разжалованныхъ изъ числа декабристовъ: Н. Ив. Лорера, А. Ив. Черкасова, В. В. Лихарева, и съ ними произведеннаго уже въ унтеръ-офицеры алшеронскаго полка, отданнаго въ солдаты изъ студентовъ московскаго университета, Платона Александровича Антоновича. Кроме ихъ, въ палатѣ никого не было, и смотритель указалъ мнѣ единственное, оставшееся незанятымъ мѣсто, прямо противъ мѣста Черкасова, такъ что насъ раздѣлялъ одинъ только госпитальный столикъ. Эти господа сейчасъ же предложили мнѣ чай. Всѣ они были прекраснаго образованія и замѣчательной доброты сердца; на видъ, Лихареву и Черкасову было не болѣе какъ за 35 лѣтъ, Лореру далеко за 40. Первый изъ нихъ былъ худощавъ, болѣзненнаго вида, молчаливъ и постоянно или читалъ, или раскладывалъ пасьянсъ. Мнѣ говорили, что онъ очень любилъ играть въ карты; вообще же, замѣтны были въ немъ глубокая тоска и душевныя страданія (*); напротивъ того, Лореръ и Черкасовъ были права веселаго, особенно первый; онъ зналъ много старинныхъ забавныхъ анекдотовъ изъ жизни придворной и высшаго круга; умѣлъ рассказывать ихъ чрезвычайно любезно, приправляя фразами французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ; рассказывая что нибудь изъ времени пребыванія своего въ каторжной работѣ или на поселеніи въ г. Курганѣ (Тобольской губерніи), онъ велъ рассказъ свой шутками, иронически. Напримѣръ, онъ говорилъ: „насъ заставляли, ручными мельницами, молоть муку, и мы выходили съ ра-

(*) Товарищи его рассказывали, что онъ, незадолго до ссылки, женился на Ковновницыной, которая, по отправленіи его въ Сибирь, разрѣшилась сыномъ; но, не смотря на это, она не послѣдовала примѣру Нарышкиной, Трубецкой и другихъ аристократокъ, раздѣлившихъ участь мужей своихъ, а осталась въ Россіи и вышла замужъ за Гурьева — сына бывшаго министра финансовъ, роднаго брата второй жены полковника Кашутина, въ полку котораго Лихареву пришлось служить.

боты напудренными камергерами“ и тому подобное (*). Черкасовъ, при своей веселой любезности, былъ высоко религіозенъ; любилъ читать священныя книги, и, безъ малѣйшаго фанатизма, привлекательно разсуждалъ о святой истинѣ; Антоновича въ шутку называлъ Платономъ божественнымъ; неохотно говорилъ о своемъ пребываніи въ каторжной работѣ, но подробно вспоминалъ жизнь свою на поселеніи въ г. Березовѣ (Тобольской губерніи), разсказывалъ много про городъ, про сохранившіяся тамъ преданія о знаменитомъ ссыльномъ князѣ Меншиковѣ, о построенной имъ церкви, о его могилѣ и проч.—Я былъ невыразимо доволенъ такимъ обществомъ; кромѣ пріятнаго препровожденія времени, они принесли мнѣ существенную пользу: я плохо знаю французскій языкъ, хотя безъ затрудненія понимаю французскихъ писателей. Лихаревъ и Черкасовъ снабжали меня французскими книгами, пособляли мнѣ переводить ихъ, истолковывая правила языка. Они подарили мнѣ на память книги; эти маленькіе подарки людей, такъ много потерпѣвшихъ за свои идеи, указывали на ихъ нравственныя достоинства и на мнѣніе, какое они обо мнѣ получили; послѣдній изъ нихъ иногда подшучивалъ надъ лиризмомъ моихъ стихотвореній,—между тѣмъ, не шутя совѣтывалъ попробовать свои силы въ передоженіи псалмовъ Давида. Такъ мы пробыли вмѣстѣ до праздника Рождества Христова. Когда я выписался изъ госпиталя, воинскій начальникъ отвелъ мнѣ квартиру въ Тамани.

(*) Н. И. Лореръ переведенъ былъ въ вятскій полкъ изъ бывшихъ польскихъ войскъ, гдѣ онъ познакомился съ Оадѣемъ Венедиктовичемъ Булгариннымъ и разсказывалъ про него анекдоты.

1839 ГОДЪ.

IX.

Сборъ отряда на предстоящую экспедицію. Плаваніе отряда къ мѣсту, назначенному для десанта. Буря. Высадка войскъ и занятіе ущелья Субашин. Сильная перестрѣлка и рукопашная схватка съ горцами. Возведеніе форта Головинскаго. Плаваніе къ ущелью Пезуале. Возведеніе форта Лазарева. Отплытіе отряда для дальнѣйшихъ дѣйствій. Прибытіе къ крѣпости Анапѣ. Занятіе мѣста, для возведенія форта „Раевскій“. Возвращеніе на зимнія квартиры. Пребываніе мое въ Екатеринодарѣ.

Вскорѣ послѣ новаго года, прибылъ въ Тамань генераль-маіоръ М. М. Ольшевскій, съ семействомъ; онъ отправлялся въ укрѣпленіе Бомборы, по случаю назначенія его завѣдывать 2-мъ отдѣленіемъ прибрежной черноморской линіи; но бури задержали его, и онъ довольно долго прожилъ въ этомъ городѣ. Во все это время, по старой памяти, я проводилъ цѣлые дни въ домѣ этого добраго человѣка. Супруга его, Шарлота Ивановна, и младшая дочь Адель, были истиннымъ украшеніемъ ихъ семейства: первая—своею умною бесѣдою; вторая—веселою, рѣзвою дѣтскою любезностію; она часто и очень мило декламировала написанную мною солдатскую пѣсню на занятіе Туапсе. Старшая ея сестра, Емилія, въ это время была уже въ харьковскомъ институтѣ, а братъ Александръ—въ Одессѣ, въ пансіонѣ.

Въ это же пребываніе мое въ Тамани, я встрѣтился съ переведеннымъ изъ александровскаго въ нашъ полкъ подпоручикомъ Павломъ Ивановичемъ Кемпфертомъ, и свелъ съ нимъ пріятное знакомство; воспоминанія минувшихъ, турецкой и польской кампаній—сблизили насъ: онъ былъ подъ Шумлою, я—подъ Варною; онъ—подъ

Варшавой, я—подъ Замостьемъ,—было о чемъ поговорить.

По отъѣздѣ генераль-маіора Ольшѣвскаго, изъ бывшихъ со мною въ госпиталѣ: Антоновичъ, съ полковникомъ Бринкомъ, отправился въ Анапу, оттуда поступилъ въ штабъ генерала Раевскаго; Лихарева съ того времени я потерялъ изъ виду; съ Лореромъ и Черкасовымъ часто встрѣчался на прогулкахъ. Первый изъ нихъ одинъ разъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, предложилъ, вмѣстѣ съ нимъ, зайти къ М. М. Нарышкину, который въ это время нанималъ квартиру въ красивомъ домикѣ, расположенномъ въ саду; по его рекомендаціи, Михаилъ Михайловичъ принялъ меня, какъ добрый человѣкъ знатнаго происхожденія, съ хорошимъ образованіемъ,—болѣе о немъ ничего сказать не могу. Вскорѣ послѣ этого визита я извѣстился, что экспедиція начнется не ранѣе мая, и мнѣ уже неловко было оставаться долѣе въ Тамани; а потому, при первомъ случаѣ, именно въ концѣ марта, отправился я въ штабъ полка, въ селеніе Ивановское, гдѣ опять встрѣтился съ А. И. Черкасовымъ. Онъ былъ человѣкъ съ хорошими средствами къ жизни; послѣ ссылки его въ Сибирь, все его имѣніе перешло къ мати, о которой онъ всегда вспоминалъ съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности; она высылала ему, какъ видно было по его обстановкѣ, порядочныя деньги; при немъ въ прислугѣ былъ крѣпостной человѣкъ; квартира его отъ моей была недалеко; мы часто видѣлись; бесѣда съ нимъ была пріятна и поучительна. Отправляясь къ баталіону, я, въ память добраго ко мнѣ расположенія, подарилъ ему найденную мною въ Темрюкѣ окаменѣлую человѣческую кость; онъ принялъ этотъ подарокъ съ удовольствіемъ. Въ это время пребыванія моего въ Ивановкѣ, я получилъ письмо отъ Н. Ив. Лорера, которое сохранию на память объ этомъ веселомъ страдальцѣ (*), и тог-

(*) Огрывокъ изъ письма...«Вчера я получилъ письмо изъ Керчи, что нашъ огрядный начальникъ, генералъ Раевскій, былъ чрезвычайно хорошо принятъ Царемъ; все, что онъ не представилъ, было милостиво принято, расхвалено, утверждено. Н. Н. Раевскій назначенъ начальникомъ отъ Цоти до Тамани;

да же прочиталъ въ приказѣ по корпусу, что Государь Императоръ, 15-го января, по причинѣ неимѣнія ни въ Анапѣ, ни въ Геленджикѣ никакихъ помѣщеній, повелѣтъ соизволилъ, чтобы, до совершеннаго устройства Цемеса (Новороссійскъ), генералъ Раевскій и штабъ его, съ 1-го ноября по 1-е марта, имѣли мѣстопробываніе въ Керчи; въ прочее же время года обязаны быть въ крѣпостяхъ по восточному берегу Чернаго моря.

На предстоящую экспедицію этого года отрядъ собирался на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояли лагеремъ въ прошломъ году, между Бутасомъ и Таманью; нашъ баталіонъ опять амбаренировалъ на корабль „Память Евстафія“. Здѣсь, къ величайшему моему удовольствію, я вновь встрѣтилъ А. И. Черкасова; онъ на эту экспедицію зачисленъ былъ въ нашу 2-ю гренадерскую роту; мы съ нимъ расположились около 36-ти фунтовой пушки—онъ съ одной, я съ другой стороны, такъ что толстыя, съ уступами, станины орудія замѣняли намъ столикъ, въ родѣ этажерки. Тутъ развернули мы на полу наши постели, онъ—коверъ, я—войлокъ; это было на верхнемъ декѣ, недалеко отъ церкви и каюты іеромонаха (*); въ этомъ же декѣ, въ кормовой части, находилась и каютъ-компанія. Мы приглашались къ столу, какъ и въ прежнія плаванія; чаемъ угощаль Черкасовъ. Амбаркація всего отряда кончилась 25-го апрѣля, и

ему дозволено жить въ Керчи, и онъ, въ первыхъ числахъ апрѣля, будетъ въ Керчи съ супругою, гдѣ уже нанятъ для него домъ за три тысячи рублей. Экспедиція наша будетъ производиться тѣмъ же порядкомъ, какъ и прошлаго года. Эскадра прибудетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Серебряковъ назначенъ главнымъ начальникомъ—устроивагъ адмиралтейство-въ Цемесѣ, къ нему идутъ два полка изъ Крыма. Государь безпрестанно рекомендовалъ Раевского всѣмъ генераламъ, говоря: „знаете генерала Раевского,—совѣтую съ нимъ познакомиться“.

Фанаторія. 1839 г., 28 февраля.

(*) Въ укрѣпленіяхъ на береговой линіи, также, какъ и на корабляхъ, вмѣсто священниковъ, находились іеромонахи, которымъ предоставлялось право совершенія таинствъ брака и крещенія.

Авт.

эскадра, часу во 2-мъ, стала подъ паруса. Кудаплыли—объ этомъ „старшій знаетъ“; но только мы слышали отъ моряковъ, что десантъ генералъ Раевскій желаетъ сдѣлать 1-го мая, чтобы веселѣе встрѣтить лѣто. Ночью мы были далеко отъ береговъ. Вѣтеръ, казалось, былъ попутный, чистый сѣверный; эскадра замѣчательно ровнялась. Такъ мы шли три дня, а къ утру, 28-го числа, вѣтеръ началъ усиливаться, волненіе увеличиваться, и въ полдень началась буря. Суда такъ разъединились, что въ виду „Памяти Евстафія“ оставались только два корабля, тогда какъ въ первые дни я насчиталъ ихъ отъ 10-ти до 12-ти, съ пароходами. Волны по морю ходили громадныя, такъ что въ нашъ верхній декъ иногда бросало волны и обдавало насъ брызгами; порты же нижнихъ дековъ всѣ были закрыты. Наступило 1-е число мая, а береговъ мы еще не видѣли...

Буря продолжалась до 3-го мая. Ночью, подъ это число, кавказскіе берега обозначились кострами огней, которыми горцы, какъ тогда говорили, даютъ знать, куда должны собираться воинственныя ихъ толпы, для сопротивленія нашему десанту. Тщетныя усилія! подумалъ я, и тутъ же у меня явилась мысль оправдать кровавыя дѣйствія цивилизованнаго правительства, при описаніи, если останусь живъ, этого десанта и, разумѣется, по моей привычкѣ, въ стихахъ, въ которыхъ софизмы и даже *паралогизмы* простительнѣе, чѣмъ въ прозѣ; да и въ описаніи походовъ, свое умствованіе въ прозѣ какъ-то неумѣстно,—оно оскорбляетъ распорядителей.

Изъ словеснаго приказанія мы узнали, что къ занятію пункта на берегу предназначалось ущелье Субаши. Порядокъ высадки войскъ, дѣйствіе флота и вообще, диспозиція для всего отряда, на первый день десанта, были тѣ же самыя, какіе были сдѣланы и въ прошломъ году. Нашъ баталіонъ, по прежнему, былъ въ первомъ фасѣ; я вышелъ на берегъ со стрѣлками перваго рейса. Горцы на этотъ разъ были благоразумнѣе: на самомъ берегу не было сооружено никакихъ преградъ, да и подплывая на баркасахъ, которые об-

стрѣливали побережье изъ каронадъ, мы вовсе не видѣли непріятеля. Но едва только подошли къ лѣсу, въ полномъ убѣжденіи, что онъ очищенъ морскою артилеріею—какъ были встрѣчены ружейными залпами, отъ горцевъ, засѣвшихъ въ вырытыхъ ими, параллельно берегу, шавцахъ. При этихъ первыхъ выстрѣлахъ убито изъ цѣпи нѣсколько стрѣлковъ, и даже въ рядахъ нашей роты двое были ранены; на капитанѣ прострѣлена фуражка и въ двухъ мѣстахъ сюртукъ. Въ это мгновеніе весь баталіонъ, двигавшійся отдѣльно, поротно, развернутымъ фронтомъ, въ видѣ резерва для цѣпи, вмѣстѣ съ нею, при крикахъ ура! бросился впередъ,—по тутъ проиграли сигналъ „стой“. Въ это время навагинцы, въ правой цѣпи, при двухъ горныхъ орудіяхъ на отвозахъ, миновали уже шанцы и, замѣтя въ нихъ засѣвшаго непріятеля, начали его анфилировать въ лѣвый его флангъ картечью и гранатами; при этомъ, картечныя пули зашвистали передъ самымъ носомъ нашей цѣпи. Мы попятились; по, какъ только замѣтили, что горцы, не выдержавшіе неожиданнаго огня артилеріи, оставили свои засады и побѣжали,—мы, безъ сигнала, двинулись впередъ и заняли ихъ мѣста. Между тѣмъ, въ боковыхъ цѣпяхъ и въ нашей трещала сильная перестрѣлка. Когда стрѣлки нашей роты вскочили въ шанцы горцевъ, тамъ нашли два тѣла съ разбитыми картечью или осколками гранатъ головами, три ружья и одну въ пожняхъ, пополамъ перебитую, пашку; все это доказываетъ удачное дѣйствіе нашей горной артилеріи и поспѣшность, съ которою горцы отступили. По сигналу „движеніе впередъ“, мы оставили позицію, отбитую нами отъ непріятеля, и медленно, съ осторожностію, подвигались впередъ. Вдругъ, нѣсколько паръ навагинцевъ, вмѣстѣ съ примыкавшими къ нимъ правофланговыми парами нашей роты, быстро начали тѣсниться къ парамъ цѣпи 4-й мушкетерской, и вскорѣ затѣмъ, съ крикомъ ура! побѣжали. Почти одновременно раздался гикъ непріятеля, и появилась толпа горцевъ, неожиданно столкнувшаяся съ ротою;—пошла рукопашная. Подобные моменты боевой жизни можно только рисовать

карандашемъ, или воспѣвать въ стихахъ, какъ сдѣлали: Озеровъ, въ описаніи побоища Мамаѣ, Пушкинъ—въ полтавской битвѣ, и другіе; словомъ, эти моменты можетъ рассказывать только тотъ, кто самъ тамъ *не былъ*, такъ какъ въ такое время каждый участвующій видитъ только передъ своимъ носомъ, и только послѣ дѣла, на бивакахъ, и при перевязкѣ раненныхъ, совокупность рассказовъ возвратившихся изъ строя и кровавыя доказательства даютъ нѣкое темное понятіе о событіи. Такой моментъ нашей роты продолжался не болѣе десяти минутъ; горцы побѣжали. Затѣмъ, послѣдовали неумолкаемые крики ура! барабанный бой, ружейные выстрѣлы, рѣзкіе звуки сигнальнаго рожка, повторявшаго нѣсколько разъ „движеніе впередъ“,—все это, сливаясь вмѣстѣ, производило какой-то непонятный шумъ, и всѣ бѣжали впередъ, какъ сумашедшіе, хотя уже непріятельскій слѣдъ давно простылъ. Наконецъ, заиграли „стой“,—затѣмъ, „отбой“. Все стихло; всѣ легли; кто принялся за манерку съ водой, кто за бутылку съ водкой, кто оббивалъ, а кто и перемѣнялъ кремень въ куркѣ, вытиралъ полку, прочищалъ затравку, продувалъ дуло; иной, закуривъ трубочку, безопасно потягивался на спинѣ, а другой, сидя, снялъ сапоги, поправлялъ обувь,—однимъ словомъ, каждый подкрѣплялся, оправлялся и подготавливался на случай новой встрѣчи съ врагомъ. Я, невыразимо утомившись, съ разрѣшенія моего капитана, пошелъ въ колонну, и на пути видѣлъ слѣды нашихъ чловѣколюбивыхъ подвиговъ: окровавленные тѣла убитыхъ, изломанное оружіе, изорванную одежду, разбросанные кусочки бумаги отъ скусанныхъ солдатскихъ патроновъ; при этомъ, слышалъ отдѣльные эпизоды изъ нашей схватки съ горцами. Въ нашей ротѣ израненныхъ пашками было всего шесть чловѣкъ, изъ которыхъ только одинъ, съ разрубленнымъ у самой шеи плечомъ, умеръ отъ истеченія крови; остальные, не смотря на то, что получили по нѣсколько ранъ пашками—а одинъ даже и кинжаломъ—остались живы; въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ ефрейторъ Макарь Лукьяновъ, имѣвшій за Псе-

зуапе знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія, который, на моихъ глазахъ, въ моментъ схватки, размахнувшись ружьемъ для пораженія горца, поднявшаго на него пашку, получилъ отъ другаго татарина ударъ кинжаломъ въ лѣвую руку, около кисти, и, выпустивъ ружье, уклонился назадъ; противникъ же его, въ это мгновеніе, нанесъ ему сильный ударъ, такъ сказать, по діагонали груди, отъ праваго плеча къ лѣвому боку, разсѣвъ какъ плечо, такъ и ситцевый на ватѣ нагрудникъ, откуда посыпались новенькіе или, лучше сказать, тщательно вычищенные серебряные рубли, которые были пристеганы къ суконной подкладкѣ нагрудника. Оба горца, его поразившіе, были тутъ же заколоты, а усердные товарищи, гренадеры, вмѣстѣ съ навагинцами, заботливо подхватили окровавленнаго Лукьянова на руки и начали облегчать его отъ серебряной кирасы, хотя тотъ кричалъ имъ: „пустите меня, самъ пойду“; но, не смотря на этотъ крикъ, они несли его, и только плеть капитана, висѣвшая у него чрезъ лѣвое плечо—разумѣется, для лошади—могла остановить усердіе стрѣлковъ, у которыхъ уже завязывалась было кулачная между собою расправа. Пройдя эту оставленную нами позицію, я увидѣлъ въ сторонѣ стоявшаго подъ деревомъ, опершагося на ружье, въ сумѣ на перевязи и съ патронташемъ чрезъ плечо, видимо утомленнаго и облитаго потомъ, стараго ветерана отечественной 1812 г. войны, Н. И. Лорера; онъ, съ привѣтливою улыбкою, протянулъ мнѣ руку. Я разсказалъ ему въ короткихъ словахъ, что дѣлалось въ нашей цѣпи; онъ, по обыкновенію, вполне одобряя нашихъ солдатъ въ бою, остроумно подшучивалъ надъ ихъ храбростью и, между прочимъ, замѣтилъ: „отнимите у знака отличія георгіевскаго креста преимущество, избавляющее солдата отъ тѣлеснаго наказанія безъ суда,—и вы увидите, что удалство нашихъ героевъ сократится наполовину“.—„Мнѣ кажется, возразилъ я ему, нельзя не признать и въ простомъ солдатѣ, какъ и въ личностяхъ, подобныхъ мнѣ, чувствъ патріотизма и понятія о своей чести“.—„Нѣтъ, дорогой М. Ѳ., сказалъ онъ: пока у насъ

званіе солдата будетъ составлять наказаніе, пока рекрутамъ, какъ преступникамъ, будутъ брить лы и заковывать ихъ въ кандалы—до тѣхъ поръ понятіе русскаго солдата о патриотизмѣ и о своей чести—сомнительны“. Я, хотя и не совсѣмъ согласился съ этою мыслью, но не возражалъ ему. О себѣ же онъ сказалъ, что далѣе полугоры, по причинѣ усталости, съ ротою онъ идти не могъ, и, по совѣту ротнаго командира, отправился въ колонну и радъ, что встрѣтился со мною, добавивъ иронически: „вѣроятно, и безъ моей храбрости рота наша разобьетъ непріятеля“. Мы разстались. Я зашелъ въ штабъ начальника отряда, гдѣ, подкрѣпившись у знакомыхъ закускою, направился въ лагерь, къ своей ротѣ; когда пришелъ туда, палатки были уже разбиты. Здѣсь, А. И. Черкасовъ пригласилъ меня расположиться съ нимъ вмѣстѣ въ одной палаткѣ. Между тѣмъ, перестрѣлка въ цѣпяхъ умолкала, а, по очертанію фасовъ отряда, быстро возводились засѣлки, такъ что къ вечеру отрядъ былъ совершенно обезпеченъ отъ внезапнаго нападенія. Въ этотъ день потеря, для кавказской войны, была довольно значительна: не знаю, сколько убыло изъ строя во всемъ отрядѣ, но въ нашей ротѣ убито 3, истекъ кровью отъ рапы шашкою—1; ранено пулями—унтеръ-офицеровъ 2, рядовыхъ 7; изранено шашками 7.

Отдохнувъ и поустроившись въ палаткѣ, я это дѣло, какъ уже прежде сказалъ, описалъ въ стихахъ—для оправданія нашихъ кровавыхъ дѣйствій.

Занятіе Субаши.

Развила флагъ эскадра средь пучинъ,
Эвксинъ вскипѣлъ подъ кораблями;
И человекъ—надъ бездною властелинъ,
Искусно правитъ гарусами.
Онъ все могуществомъ разсудка покорилъ:

Ему послушенъ вѣтръ, ему покорны воды;
 Поправъ умомъ святой законъ природы,
И путь по безднамъ проложилъ;
 Онъ смертію и жизнию играетъ,
Безпечно носится средь пѣнистыхъ громадъ,
Онъ жизнь не можетъ дать, а съ радостью вонзаетъ
Въ грудь слабого убійственный булатъ—
И окровавленный собратъ
Предъ нимъ, какъ червь ничтожный, умираетъ...

Горь житель отважный, въ безумьи свосмъ,
 Разбоемъ себя утѣшаетъ;
И въ наши предѣлы, съ мечемъ и огнемъ,
 Непрошенымъ гостемъ въѣзжаетъ.
Онъ къ вольнымъ наѣздамъ привыкъ среди скалъ,
 Въ разбояхъ лишь радость находитъ,
И въ грудь онъ ребенка вонзаетъ кинжалъ,
 И дѣвъ въ плѣнъ позорный уводитъ.
Захватить-ли старца на русскихъ поляхъ—
 Смѣется его сѣдинами:
И старецъ нашъ стадо насетъ на горахъ,
 Опутанный рабства цѣлями.
На воина-ли броситъ свой мѣткій арканъ—
 Онъ требуетъ выкупъ безмѣрный;
Тѣмъ временемъ, плѣнный, страдая отъ ранъ,
 Какъ рабъ угасаетъ презрѣнный.
Что жъ дѣлать намъ, русскимъ? пора положить
 Конецъ этой звѣрской забавы;
Пора хоть штыками имъ путь преградить
 Въ предѣлы могучей державы.

Иѣтрила убраны. Вотъ якоря бросаютъ,
И роты русскія толются на бортахъ.

На мѣстѣ корабли, и вотъ, въ ладьяхъ
Штыки каленые сверкають.
Враги на берегу собралися толпой,
Готовы встрѣтить насъ съ отвагой дерзновенной.
Но вотъ, взгремѣлъ нашъ выстрѣлъ вѣстовой,
И грянулъ съ кораблей перунъ военный;—
Чугунъ убійственный несетъ и смерть, и страхъ,
Покрыла пыль и горы, и ущелья,
И громкое ура! откликнулось въ горахъ—
И въ бѣгствѣ ищетъ врагъ спасенья.
Надъ бурной стихіей легъ дымъ боевой,
И море шумить подъ ладьями:
Потомокъ, достойный героя, герой
Раевскій у берега съ нами (*).

(*) Здѣсь сказано про Николая Николаевича Раевского: «потомокъ, достойный героя, герой» потому, что отецъ его, начальствуя въ 1812 г. дивизією, палъ въ сраженіи съ французами, и незабвенный нашъ поэтъ, Василій Андреевичъ Жуковскій, служившій тогда въ московскомъ ополченіи, состоя при главной квартирѣ Михаила Иларионовича Кутузова, передъ сраженіемъ подъ Тарутиннымъ, написалъ извѣстное сочиненіе: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», гдѣ, въ числѣ отличившихся подъ Бородиномъ и въ другихъ сраженіяхъ до битвы при Тарутинѣ, сказалъ объ отцѣ Николая Николаевича:

Раевскій, слава нашихъ дней.
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ младенцами сынами...

Извѣстно, что этотъ генералъ Раевскій, въ дѣлѣ при Салтановкѣ, 11-го іюля, вывелъ двухъ сыновей своихъ, служившихъ въ то время юнкерами, передъ строй и съ ними, впереди полковъ своей дивизіи, повелъ ихъ на французскія колонны. Послѣ того, въ 1821 году, этотъ стихъ далъ поводъ Пушкину, посвящая Николаю Николаевичу свою поэму «Кавказскій плѣнникъ», сказать:

Мы въ жизни разнo плн: въ объятіяхъ покоя,

Онъ первый, съ колонной, навстрѣчу врагамъ,
Грозой впереди онъ дружины;
А воинамъ нашимъ—Россіи орламъ,
Скажи—опрокинуть стремнины.
Черкесы, какъ звѣри, засѣли въ кустахъ,—
Но мы ихъ и тамъ угостили:
Мы вынесли горцевъ на русскихъ штыкахъ,
Кровавой грядой положили,
И знамя святое, на грозныхъ скалахъ,
При гимнахъ, съ мольбой, на горахъ водрузили.

Вотъ заняли ущелье горъ—
И вторить пѣсни намъ кавказская громада.
На станъ Раевского отряда
Теперь черкесъ не смѣетъ бросить взоръ.
Раздался-ль крикъ ура! на каменной вершинѣ,
Въ ущельи, среди скалъ, сверкнегъ-ли строй штыковъ,
Свищецъ-ли нашъ просвистнегъ по долинѣ—
И ужъ бѣгутъ толпы враговъ.

Послѣ 3-го мая, по занятіи мѣста для форта, который предположено наименовать „Головинскій“, начались приготовительныя работы къ возведенію укрѣпленія. Приобрѣтеніе хвороста, лѣса, фуража, вязаніе фашинъ, плетеніе туровъ и вообще, работы въ лагеря, какъ и прежде, не обходились безъ потерь съ нашей стороны: каждый день убывало изъ строя по два, по три человѣка, иногда и болѣе. Наконецъ, горцы, на возвышенность, покрытую лѣ-

Едва, едва расцвѣлъ, и въ слѣдъ отца-героя
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ.

Авт.

сомъ, отдѣлявшую долину Субаши отъ р. Шахо, скрытно отъ отряда, втащили орудіе, и въ ночь съ 25-го на 26-е число, начали бросать ядра наугадъ, по палаткамъ, но преимущественно направляли выстрѣлы на штабъ начальника отряда. Хотя эта замѣчательная канонада не дѣлала намъ никакого вреда, но, чтобы положить конецъ такой дерзости, съ разсвѣтомъ, 29-го числа, посланы были туда, при двухъ горныхъ единорогахъ, два баталіона, которые не только прогнали съ этой позиціи горцевъ, съ ихъ забавною артилеріею, но, перейдя на лѣвый берегъ р. Шахо, заняли тамъ высоты, устроили засѣки и тѣмъ—соединили въ одинъ стратегическій пунктъ долины Шахо и Субаши, чѣмъ много облегчились работы по возведенію форта.

На третій день послѣ десанта, я прочиталъ моему доброму капитану свои новыя стихотворенія: „Переложеніе псалма“ и „Занятіе Субаши“. Это послужило ему поводомъ опять предложить мнѣ написать для его гренадеръ пѣсню, да попроще, сказалъ онъ, добавивъ комплиментъ стихомъ Пушкина: „вѣдь риѣмы съ вами запросто живутъ: двѣ придутъ, третью приведутъ“. Конечно, такой лестной просьбѣ отца-командира нельзя было отказать, и я написалъ „Солдатскую пѣсню на занятіе десантомъ ущелья Субаши“:

Извини, черкесъ любезный,
Опоздали мы къ тебѣ;—
Встрѣтить первый май хотѣли
Мы при кликахъ и пальбѣ.

Не пришлося намъ подражаться
Въ первый май съ тобою, хватъ,—
Но мы въ томъ не виноваты—
Вѣтръ-буйнычъ виноватъ.

Все равно, повеселились,
Лѣто встрѣтили съ пальбой;
На кровавой, братъ, пирушкѣ

Погуляли мы съ тобой.

Съ пуль тенгинскихъ, навагинскихъ,
Съ пуль отважныхъ моряковъ,
Ошалѣлъ, знатъ, иль ослѣпнулъ
Ты отъ блеска ихъ штыковъ.

И старинныхъ насъ знакомыхъ

На Субашѣ не узналъ;

Съ нами та-же, братъ, эскадра,

Съ нами тотъ же генералъ.

Славно Лазарева знаетъ
Твой землякъ, мусульманинъ,
Ты забылъ—такъ онъ припомнитъ,
Вспомня въ пламѣ Наваринъ (*).

А Раевскій всѣмъ примѣтенъ—

Ростомъ, силой и умомъ;

Такъ тебѣ-ль, чакалка, спорить

Съ нашимъ сѣвернымъ орломъ?

А израненый Кашутинъ?
Какъ его ты не узналъ!—
Вѣдь тебѣ свою онъ дружбу
Въ май десятый доказалъ.

И Ольшевскій съ нами тотъ-же;

Какъ его ты позабылъ!—

А онъ знатную замѣтку

На Туансе положилъ.

И Полтинина припомнишь,
Врагъ нашъ, храбрый басурманъ,

(*) Въ извѣстномъ кровопролитномъ сраженіи подъ Навариномъ, 20 октября 1827 года, адмиралъ Лазаревъ, въ то время капитанъ 1-го ранга, командовалъ адмиральскимъ кораблемъ «Азовъ», получившимъ 153 ядра въ свой корпусъ.

Только въ ишаденскомъ ущельи

Вспомни крикъ и барабанъ.

Въ этотъ годъ насъ было меньше,

Русскихъ царскихъ соколовъ:

Но, сознайся, что не стоишь

Силы ты и двухъ полковъ.

Въ носъ щелчокъ—и ты отскочишь

Отъ солдатскаго щелчка.

Эй! не жди, безумецъ храбрый,

Русскихъ грознаго толчка.

Наши хлынутъ—опрокинутъ

На аулы цѣпи горъ,

Въ прахъ падешь и затрепещешь,

И рѣшентъ нашъ будетъ споръ.

Заупрямишься-жъ, негодный,

То и въ будущій насъ май,

Со штыкомъ, свинцомъ, жетѣзомъ,

Снова въ гости ожидай.

Здѣсь, въ лагерѣ на Субаши, ничего особенно замѣчательнаго не случилось. По занятіи высотъ Шахо, примыкающихъ къ морю утесомъ, гдѣ поставили лагеремъ 4-й баталіонъ нашего полка, перестрѣлки въ цѣняхъ значительно уменьшились; работы пошли успѣшнѣе. Около половины іюня, мы прочитали приказъ по корпусу, состоявшійся 15-го мая, изъ котораго узнали, что всѣ укрѣпленія на восточномъ берегу Чернаго моря, отъ устья Кубани до границы Мингреліи, а также Абхазію и Цебельду, съ войсками, повелѣно соединить въ одно управленіе, подъ названіемъ черноморской береговой линіи, и раздѣлить на два отдѣленія: первое, отъ Кубани до Александріи; второе—отъ форта Александріи включительно до

границъ Мингреліи. Начальствовать всею линіею—генераль-лейтенанту Раевскому: 1-мъ отдѣленіемъ, въ укрѣпленіи Новороссійскѣ, и устройствомъ тамъ порта, заведывать свиты Его Величества контръ-адмиралу Серебрякову; 2-мъ отдѣленіемъ—генераль-маіору Ольшевскому, присвоивъ ему званіе командующаго войсками въ Абхазіи. Пребываніе Раевскому—Новороссійскѣ; Серебрякову тоже, а Ольшевскому—Сухумъ-кале.

Жизнь въ лагерѣ шла шумно и весело, какъ и всегда во всѣхъ кавказскихъ походахъ, и только смерть одного изъ декабристовъ, Александра Ивановича Одсевского, опечалила всѣхъ, знавшихъ хоть сколько нибудь этого замѣчательнаго по уму и душевнымъ качествамъ страдальца отъ юности; онъ былъ истинный поэтъ, но, по обстоятельствамъ жизни, написалъ мало; мнѣ говорили о его близкой, задушевной дружбѣ съ Грибоѣдовымъ, особенно съ того времени, когда творецъ извѣстной комедіи былъ свидѣтелемъ самоотверженія юнаго корнета, князя Одоевскаго, при спасеніи погибавшихъ во время петербургскаго наводненія, 7-го ноября 1824 года. Александръ Ивановичъ скончался послѣ кратковременной болѣзни (говорили, отъ желчной лихорадки) окруженный своими товарищами, возвращенными, вмѣстѣ съ нимъ, изъ Сибири на Кавказъ. Къ 5-му іюля, въ оборонительномъ отношеніи, фортъ „Головинскій“ былъ оконченъ, вооруженъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. На 6-е число назначена была амбаркація отряда, по примѣру прежнихъ лѣтъ; диспозиція по размѣщенію войскъ на суда оставалась прежняя—что много содѣйствовало сохраненію порядка вообще, и особенно по ротному хозяйству, какъ весьма основательно доказывалъ мой капитанъ. Часу въ 6-мъ утра, разобраны были засѣки, цѣпи начали отступленіе, и стрѣлки пускали пули, кажется, только для прощанья съ мѣстностью, такъ какъ черкесскихъ выстрѣловъ я рѣшительно не слышалъ: на это мое замѣчаніе, капитанъ сказалъ: „увѣряю васъ, это я ихъ напугалъ на Туапсе: они боятся попасть въ человѣчьи ямы“.—Очень можетъ быть,

заклучилъ я.—Часу въ 10-мъ, эскадра была уже въ открытомъ морѣ. Гдѣ сдѣланъ будетъ новый десантъ—мы не знали, и положительно были удивлены, увидя, на разсвѣтѣ, 7-го числа, что наша эскадра очутилась опять вблизи знакомыхъ намъ береговъ; и тогда только, когда, часу въ 8-мъ утра, корабли начали входить въ боевую линію, капитанъ объявилъ мнѣ, что десантъ назначенъ въ ущелье „Псезуапѣ“; что диспозиція и всѣ распоряженія по предмету высадки отряда, безъ всякой отмѣны, оставлены тѣ же, какія сдѣланы были для занятія Субаша. Такъ и сбылось; а потому, описывать этотъ десантъ—значило бы повторить рассказъ о томъ шумѣ, громѣ, трескотнѣ, крикѣ, какіе только могутъ производить стопушечные корабли, не имѣя противниковъ и не видя непріятеля, вмѣстѣ съ войсками десятитысячнаго отряда, съ его сухопутною артилерією.

Въ нашей передовой цѣпи, какъ и во всѣхъ рядахъ перваго рейса, ружейной трескотни было много; но вообще, въ нашемъ баталіонѣ убыли изъ фронта не было, да и во всемъ отрядѣ въ этотъ день, какъ говорили, было убитыхъ и раненыхъ не болѣе 20-ти человекъ, и то преимущественно изъ числа рабочихъ при устройствѣ засѣкъ. Работы по возведенію укрѣпленія, наименованнаго „фортъ Лазарева“, и вообще, наша лагерная жизнь, шли обычнымъ порядкомъ: хорошо ѣли, пили, кутили, играли въ карты; вмѣсто газетъ и журналовъ, читали приказы и приказанія, изъ которыхъ, между прочимъ, намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что горцы покушались овладѣть нѣкоторыми изъ нашихъ укрѣпленій, именно: два дня сряду, 24-го и 25-го апрѣля, нападали на укрѣпленіе Навагинское, которое, при постройкѣ его въ 1838 году на р. Сочи, было наименовано фортомъ Александровскимъ; но нападеніе не удалось,—горцы были отражены съ большою потерей. Однако же, не смотря на это, повторили свое покушеніе 20-го и 21-го мая—и также неудачно, какъ и первое; а 3-го мая, въ день нашего десанта на Субаша, напали на патруль, высланный изъ укрѣпле-

нія Михайловскаго, построеннаго на Вуланѣ въ 1837 году, при чемъ были убиты 2 и ранены 5 рядовыхъ; но патруль, не смотря на свою малочисленность, поддержанный высланнымъ къ нему секурсомъ, вошелъ въ укрѣпленіе, принесъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. 24-го іюля, сдѣлано было сильное нападеніе на фортъ Вельяминовскій, возведенный въ 1838 году на Туапсе; горцы шли на штурмъ, но были отражены, отступили съ потерей и были удачно преслѣдуемы выстрѣлами крѣпостной артилеріи. За это дѣло, начальникъ форта, капитанъ навагинскаго полка Худобашевъ, награжденъ орденомъ св. Владиміра съ бантомъ. Въ это же время мы узнали о Высочайше утвержденномъ, 30-го іюня, положеніи, по предмету военного поселенія на Кавказѣ, которымъ повелѣно: нижнихъ чиновъ, выслужившихъ двадцатипятилѣтній терминъ, кто изъ нихъ пожелаетъ, вмѣсто отставки, обращаться въ поселянъ.

Не знаю, по какимъ причинамъ, но видимо, при постройкѣ форта Лазарева, очень торопились. Въ послѣднихъ числахъ августа, фортификаціонныя работы не были еще приведены къ концу, орудія крѣпостной или осадной артилеріи, которою обыкновенно вооружались форты, не были еще доставлены,—а между тѣмъ, укрѣпленіе уже снабжалось продовольственными припасами, лазаретными вещами и другими запасами. Что же всего удивительнѣе—вооружалось артилеріею съ кораблей, орудія и лафеты которой приспособлены къ дѣйствію чрезъ порты на судахъ, но отнюдь не чрезъ амбразуры и чрезъ банкъ съ барбетовъ. Въ гарнизонъ этого укрѣпленія назначена была нашего баталіона 4-я мушкетерская рота, командиромъ которой былъ капитанъ Марченко, только что въ прошломъ году, по переводу изъ полтавскаго пѣхотнаго полка, прибывшій къ намъ на Кавказъ, офицеръ ни разу не бывшій въ дѣлахъ противъ непріятеля, кажется, нигдѣ не учившійся, едва умѣвшій читать и писать, и самыхъ ограниченныхъ умственныхъ способностей. Разговаривая съ нимъ, можно было принять его за помѣшаннаго; о чемъ бы ни шелъ разговоръ,—онъ постоянно смѣ-

ялся;—еще древніе утверждали, что кто постоянно смѣется, тотъ имѣетъ короткій умъ и холодное сердце. И этому-то офицеру ввѣрили одинъ изъ постовъ такой важности, какъ форты береговой линіи! Положимъ, высшее начальство его не знало; да неужели же нельзя разгадать человѣка, разговаривая съ нимъ о возлагаемой на него обязанности?—Эти мысли, съ доказательствами о плохихъ оборонительныхъ средствахъ форта Лазарева, я высказалъ моему капитану, когда онъ вздумалъ предложить мнѣ перейти въ 4-ю мушкетерскую роту, чтобы остаться въ фортѣ и имѣть случай отличиться; къ этому добавилъ я, что если бы онъ самъ былъ назначенъ начальникомъ форта, то я бы охотно остался; но и въ такомъ случаѣ, упрости бы его настоять о замѣнѣ корабельныхъ орудій полевыми или даже горными, и непременно—снять турбонеты съ кроны бруствера бастіоновъ, препятствующіе обстрѣливать секторы исходящихъ угловъ; иначе, кажется, не одобровать этому укрѣпленію, особенно при Марченкѣ. „Я совершенно съ вами согласенъ, сказалъ капитанъ, и если бы я самъ остался здѣсь воинскимъ начальникомъ, то непременно бы—добавилъ онъ иронически—сдѣлалъ васъ моимъ начальникомъ штаба“. Въ фортѣ, при капитанѣ Марченкѣ, оставлены субалтернъ-офицеры: подпоручикъ, мой однофамилецъ, Павелъ Федоровъ; прапорщики: Владиміръ Федоровъ, родной братъ перваго, и Богушевичъ,—всѣ трое съ хорошими способностями ума и поистинѣ боевые офицеры; но что значить юное усердіе и храбрость, когда некому ими руководить?...

По окончаніи постройки форта Лазарева и возведеніи на берегу моря деревяннаго блокгауза, какіе устраивались при всѣхъ береговыхъ укрѣпленіяхъ для помѣщенія командъ азовскихъ казаковъ, поддерживавшихъ мореходное сообщеніе между фортами, предполагалось этотъ блокгаузъ соединить съ укрѣпленіемъ посредствомъ траншеи, которую прикрыть эполементомъ; но 31-го августа, то есть, до дня амбаркаціи отряда, съ цѣлью продолженія экспедиціи этого года, къ этимъ работамъ еще не приступали, хо-

тя, по отдаленности форта отъ берега моря болѣе чѣмъ на два ружейные выстрѣла, сообщеніе съ блокаузомъ было не безопасно.

Въ полдень, 31-го августа, отрядъ былъ уже на судахъ и эскадра стала подъ паруса. Отступленіе цѣпей къ берегу совершилось безъ выстрѣла; но, при первомъ пробномъ выстрѣлѣ изъ 36-ти фунтовой пушки съ барбета чрезъ банкъ—орудіе, при отдачѣ послѣ выстрѣла, сошло съ платформы и скатилось съ аппарели. Нагрузка же тяжестей, лошадей, ротныхъ вещей и посадка войскъ, сдѣлана была при тихой погодѣ—благополучно.

Послѣ трехдневнаго плаванія при тихомъ попутномъ вѣтрѣ, мы подошли къ крѣпости Анапѣ; верки полигоновъ этой крѣпости, обращенные къ морю, стоятъ на обрывистомъ берегу, къ которому, по причинѣ мелководія, не только военныя, но и купеческія суда ближе 4-хъ или 5-ти верстъ подойти не могутъ, а въ маленькую анапскую бухту входятъ только суда гребной флотилии; по этимъ причинамъ, высадка войска и выгрузка военныхъ снабженій производились чрезвычайно медленно. Отрядъ первоначально сталъ биваками на гласисѣ крѣпости и затѣмъ, разбилъ лагерь. Комендантомъ крѣпости былъ полковникъ Е. Е. фонъ-Бринкъ, плацъ-маіоромъ—маіоръ О. Н. Суходольскій. Такъ какъ въ отрядѣ прошли слухи, что награды за экспедицію прошлаго года уже вышли, то мой ротный командиръ разрѣшилъ мнѣ отправиться въ крѣпость и тамъ ожидать производства въ офицеры. Я воспользовался этимъ позволеніемъ и поселился у О. Н. С-го. Между тѣмъ, отрядъ, 11-го сентября, двинулся къ горамъ на юго-востокъ и, миновавъ станицу Николаевскую (анапскаго поселенія) верстахъ въ 25-ти отъ крѣпости, при слияніи р. Цемесъ съ р. Мискаге (*), сталъ лагеремъ,

(*) Эти двѣ рѣчки, слившись въ одинъ ручей, отъ этого мѣста получаютъ направленіе прямо на югъ, и, подъ общимъ именемъ «Цемесъ», впадаютъ въ бухту, при которой существовала турецкая крѣпость Суджукъ-кале. По словамъ К. И. Тауша, это слово означаетъ «мышинный замокъ».

гдѣ, 12-го числа, начальникъ отряда, генералъ Раевскій, заложивъ укрѣпленіе своего имени, передалъ отрядъ генераль-маіору Кашутину, а самъ отправился въ Новороссійскъ.

Сентября 21-го, были получены въ отрядѣ приказы по корпусу, изъ которыхъ узнали, что Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ 20-го августа, въ лагерѣ при селѣ Бородинѣ, за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, въ числѣ прочихъ, произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики Федоровъ. Начальникъ отряда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и командиръ нашей 1-й бригады, В. А. Кашутинъ, зналъ меня лично, и потому, 16-го числа сентября, далъ мнѣ предписаніе: по случаю болѣзни бригаднаго адъютанта, штабсъ-капитана Корецкаго, принять мнѣ обязанность отряднаго адъютанта и вступить въ исправленіе должности бригаднаго. По этому предписанію, я, вступивъ въ эти должности, по неимѣнію возможности обмундироваться, исправлялъ ихъ въ солдатской шинели, замѣнивъ ружье пашкою, подаренною мнѣ анапскимъ комендантомъ. Этотъ отрядъ, во все время возведенія укрѣпленія, имѣлъ только двѣ небольшія перестрѣлки, безъ всякой потери съ нашей стороны, и именно—26-го и 27-го сентября. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ этихъ перестрѣлокъ, начальникъ отряда получилъ извѣщеніе, что, въ ночь съ 28-го на 29-е число этого же мѣсяца, горцы сдѣлали сильное нападеніе на укрѣпленіе Навагинское, но, какъ и прежде, были отражены съ большою потерею. Такія дѣйствія нашихъ гарнизоновъ въ укрѣпленіяхъ и фортахъ благотворно вліяли на духъ нижнихъ чиновъ въ отрядѣ. Наконецъ, 9-го октября, укрѣпленіе было окончено, и начальникомъ форта назначенъ былъ нашего тенгинскаго полка поручикъ Дормидонтъ Степановичъ Наумовъ. Этотъ офицеръ, при хорошихъ умственныхъ способностяхъ, получивъ теоретическое военное образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, подкрѣпившій свои познанія четырехлѣтнею практикою въ кавказской войнѣ, заслужившій уже отличіями въ дѣлахъ противу горцевъ ордена, былъ совершенно противоположенъ капитану Марченкѣ, и вполне заслу-

живаль то довѣріе, которымъ почтило его начальство, не смотря на его молодость.

По приведеніи форта Раевского въ оборонительное положеніе и, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ, отрядъ, 18-го числа, чрезъ станицы Николаевскую и Витязеву, выступилъ въ Черноморію; а 22-го числа, по окончательной переправѣ чрезъ Кубань при Бугасѣ, былъ распущенъ, и я отправился въ г. Екатеринодаръ, гдѣ была бригадная штабъ-квартира. Тамъ я провелъ всю зиму, занимая квартиру вмѣстѣ съ больнымъ бригаднымъ адъютантомъ Корецкимъ, имѣя столъ у командира бригады. Во время пребыванія въ этомъ городѣ, жизнь была обыкновенная: поутру, самыя мелочныя занятія въ бригадной канцеляріи, гдѣ и одному писарю нечего было дѣлать; вечеромъ—постоянно въ квартирѣ у насъ была картежная игра: банкъ, шгось, ландскнехтъ и другія. Самъ я въ игръ не участвовалъ; но, зная отчасти шулерство, въ которое посвятили меня въ 1829 году въ Варнѣ капитанъ С. и прапорщикъ Д. любовался искусствомъ любезнаго Корецкаго въ этомъ дурномъ ремеслѣ. По воскреснымъ днямъ и праздникамъ, я посѣщалъ благородное собраніе, устроенное въ зданіи войсковаго училища, къ подъѣзду котораго, по причинѣ знаменитѣйшей въ мірѣ екатеринодарской грязи, дамъ подвозили на арбахъ и на громадныхъ черноморскихъ повозкахъ, запряженныхъ волами, съ которыхъ весь прекрасный полъ ловкіе кавалеры переносили въ уборную на рукахъ. Передъ праздниками Рождества Христова полученъ былъ приказъ по корпусу, состоявшійся 8-го октября, объ установленіи на георгиевской лентѣ медали „за покореніе Ахульго“. Этимъ заключились извѣстныя мнѣ военныя событія 1839 года на Кавказѣ.

1840 ГОДЪ.

Х.

Возвращеніе мое въ полкъ. Квартированіе въ кр. Анапѣ. Празднованіе годовщины дня взятія этой крѣпости. Анапское поселеніе. Мѣновая торговля (сатувка). Празднованіе 6-го декабря. Аманаты. Назначеніе въ крѣпость Анапу новаго коменданта. Госпиталь и болѣзни. Кровавая борьба гарнизоновъ нашихъ укрѣпленій съ горцами. Взятіе горцами форга Лазарева и укрѣпленія Вельяминовскаго. Гибель укрѣпленія Михайловскаго. Самоотверженіе ~~радоваго Архипа Осипова~~. Взятіе укр. Николаевскаго. Отраженіе нападенія на укрѣпленіе Абинѣ. Награды. Приказъ объ увѣковѣченіи имени ~~Архипа Осипова~~. Назначеніе М. Ю. Лермонтова въ нашъ тентинскій полкъ.

Въ половинѣ января 1840 года, штабъ-капитанъ Корецкій выздоровѣлъ; я сдалъ ему должность бригаднаго адъютанта и явился въ полкъ; въ селеніе Ивановское. Командиромъ полка былъ полковникъ Петръ Васильевичъ Вылазковъ, который, по случаю отъѣзда полковаго адъютанта, поручика Баженова, въ отпускъ, назначилъ меня исправлять его должность. Петръ Васильевичъ прибылъ къ намъ изъ образцоваго полка, видный мужчина, хорошій фронтовикъ, порядочный картежникъ; любилъ, какъ и многіе кавказскіе начальники, временемъ покутить,—черезъ это не пользовался надлежащимъ уваженіемъ общества офицеровъ и потерялъ полкъ; про него, между офицерами, ходили юмористическіе анекдоты. При немъ жила племянница, дѣвица съ небольшимъ образованіемъ, но довольно пріятная; самъ онъ былъ большой волокита,—но все шло хорошо и мирно. Вскорѣ послѣ полковаго праздника св. Петра и Павла (29-го іюня) мы выступили въ кр. Анапу; полковой адъютантъ А. А. Баженовъ возвратился изъ отпуска, и мнѣ приказано было со-

стоять при анапскомъ комендантѣ полковникѣ фонъ-Брингѣ.

Въ Анапѣ мы проводили время весьма пріятно; кромѣ полковаго штаба и одного баталіона нашего полка, гарнизонъ Анапы состоялъ изъ черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ № 1-го и № 14-го резервнаго; у полковаго командира, разъ въ недѣлю, были танцевальныя вечера; семейныхъ домовъ было болѣе десяти, которые, въ свою очередь, также не отказывали намъ въ семейныхъ удовольствіяхъ.

Кр. Анапа послѣдній разъ взята русскими войсками въ 1828 году, 12-го іюля (*). Съ того времени, этотъ день ежегодно

(*) Крѣпость Анапа построена французскими нижеверами въ 1771 году. Черкесы называютъ ее «Бугуръ-кале». Въ сентябрѣ 1788 года, генераль-аншефъ Текели намѣренъ былъ штурмовать крѣпость, но, по малочисленности войскъ, отказался отъ предпріятія. Въ 1790 году, генераль-поручикъ Бибииковъ также ходилъ подъ Анапу, и 24 марта, въ день Воскресенія Христова, повелъ войска на приступъ; приступъ былъ отраженъ, и Бибииковъ отступилъ; не смотря на это, войска получили серебряныя медали на голубой лентѣ съ надписью «за вѣрность». — Въ этомъ же году эскадра черноморскаго флота, подъ начальствомъ контръ-адмирала Ушакова, предпринимала вырѣзать стоявшія на рейдѣ турецкія военныя суда, но это предпріятіе не удалось. 22-го іюня 1791 года, генераль-аншефъ Гудовичъ сдѣлалъ приступъ и, послѣ пятичасоваго жестокаго нападенія, овладѣлъ крѣпостью; въ числѣ плѣнныхъ находился лже-пророкъ Шихъ-Мансуръ, впослѣдствіи умершій на соловецкомъ островѣ. По заключенному въ Яссахъ, въ томъ же году, миру, Анапа обратно отдана Портѣ. 29-го апрѣля, 1807 года, этою крѣпостью овладѣлъ контръ-адмиралъ Пусгошкинъ. По миру, заключенному 6-го мая 1812 года, въ Бухарестѣ, крѣпость опять возвращена туркамъ. 2 мая 1828 года прибыла къ Анапѣ эскадра черноморскаго флота, подъ командою вице-адмирала Грейга; высаженъ былъ десантъ генераль-адъютанта Меньщикова, а на другой день пришелъ къ Анапѣ изъ Черноморіи, подъ командою флигель-адъютанта полковника Перовскаго, отрядъ, изъ 4 полковъ черноморскихъ казаковъ, 6 ротъ таманскаго гарнизоннаго полка и 20 легкихъ орудій. Когда апроши были доведены до гребня гласиса, начать былъ спускъ въ ровъ, сдѣланы были бреши въ двухъ бастіонахъ и соединяющей ихъ куртінѣ, — то крѣпость, не желая испытать штурма, 11 іюля сдалась на произволъ

празднуется жителями и гарнизономъ крѣпости. Послѣ обѣдни ходятъ съ крестами къ тому мѣсту, гдѣ вошли войска чрезъ пробитую во время осады брешь; тамъ совершаютъ краткую панихиду по убиеннымъ во время осады; затѣмъ, служатъ молебенъ и окропляютъ святою водою мѣсто бреша и всѣ крѣпостныя ворота. Во время моего пребыванія въ 1840 году, въ тотъ день, вечеромъ, былъ балъ у коменданта, помѣщавшагося въ домѣ, который, до взятія крѣпости, занималъ паша; передъ садомъ этого дома сожгли довольно богатый фейерверкъ; когда засіялъ вензель Государя Императора—былъ сдѣланъ 101 выстрѣлъ изъ крѣпостныхъ орудій и пропѣтъ гимнъ „Боже, Царя храни“, съ хоромъ музыки. Я, для этого дня, написалъ стихотвореніе: „*Воспоминаніе жителя Анапы въ день празднованія взятія этой крѣпости*“. Нѣсколько экземпляровъ стиховъ были поднесены дамамъ сейчасъ послѣ фейерверка, при входѣ ихъ изъ сада въ залъ.

Воспоминаніе жителя Анапы.

Бывало, здѣсь, Анапы надъ стѣнами,
Бунчукъ, съ луною, тѣрокъ развивалъ;

побѣдителей, и 12-го числа русскія войска вступили въ крѣпость. При этомъ, въ числѣ военно-плѣнныхъ оказался паша-сугъ Сеферъ-бей; онъ мальчикомъ взятъ былъ въ плѣнъ русскими, и его благодѣтель, въ распоряженіе котораго онъ достался, замѣтя въ немъ хорошія способности ума, далъ ему хорошее воспитаніе и, по примѣру многихъ русскихъ меценатовъ, предоставилъ ему средства кончить образованіе въ одесскомъ ричельевскомъ лицѣѣ. Затѣмъ, онъ служилъ въ черноморскомъ казачьемъ войскѣ и проживалъ въ мирномъ аулѣ, на правомъ берегу Кубани, гдѣ до настоящаго времени существуетъ казачій постъ, именуемый «сефербеевскій». Въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ ушелъ въ горы и пробрался въ Константинополь (разсказъ мирнаго горца изъ аула на Кубани). По адрианопольскому трактату 2-го сентября 1829 года, крѣпость эта осталась за Россією.

Авт.

Бывало, здѣсь, за дружными столами,
Черкесъ и турокъ вмѣстѣ пировалъ.
Но русскій сталъ лишь на берегахъ Дуная,
Лишь на Балканъ орлиный бросилъ взоръ—
Вздогнула Анапа, паденья ожидая,
Черкесъ бѣжалъ въ свои ущелья горъ;
Нашъ русскій станъ у стѣнъ развилъ знамена,
Къ воротамъ страшный громъ свой подкатилъ—
И рухнули въ пыли Анапы бастіоны,
И православный крестъ съ молитвой водрузилъ.
Теперь, въ стѣнахъ твердыни мусульманской,
Припомнимъ мы, отечества сыны,
Какъ свѣтлый штыкъ нашъ, съ высоты балканской,
Затмилъ своимъ сіяньемъ блескъ луны;
Какъ Государь, на берегахъ Дуная,
Съ дружиной вѣрной славу раздѣлялъ;
Какъ съ батарей, на воиновъ взиралъ,
Онъ царской мыслию полки благословлялъ;
Какъ черноморскій флотъ, чугунными громами,
Страхъ рассыпалъ среди пучинъ морскихъ;
Какъ Варна гордая въ прахъ пала передъ нами,
Какъ палъ залитый кровью Ахалцыхъ.

* * *

Други! дружнѣе, во славу вѣнчаннаго,
Вспѣнимъ мы кубки виномъ;
Выпьемъ за здравье Царя православнаго,
Выпьемъ за весь царскій Домъ.

* * *

Пусть въ горахъ живетъ злодѣйство,—

Что намъ хищниковъ разбой!...
Мы слились въ одно семейство,
Каждый здѣсь изъ насъ родной.
Врагъ-сосѣдъ чѣмъ будетъ злѣе,
Чѣмъ опаснѣй будетъ намъ,
Тѣмъ мы будемъ жить дружнѣе,
Радость, горе пополамъ.

Здѣсь, нерѣдко, подъ стѣнами,
Крики слышатся побѣдъ,
И красоточка, съ цвѣтами,
Рѣзво входитъ на банкетъ,
Не боясь войны раската,
Грома жизни боевой,—
Ей не страшень блескъ булата
И свистъ пули роковой;
Ей не страшень взмахъ аркана
Посреди кровавыхъ сѣчь,
И, какъ дѣва Орлеана,
Обнажить готова мечъ....
Дѣвы-звѣзды! украшайте
На чужбинѣ наши дни;
На Кавказѣ расцвѣтайте,
Розы сѣверной страны.

* * *

Юные други, дѣти отчины!

За здравье красавицъ станемъ мы пить:
Въ нихъ утѣшеніе, счастье жизни,
Съ ними въ чужбинѣ намъ весело жить.

Комендантъ крѣпости, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и предсѣдителемъ анапскаго временнаго правленія, состоявшаго изъ двухъ членовъ: одинъ гражданскій (надворный совѣтникъ Иванъ Александровичъ Маскинъ), другой—плацъ-маіоръ крѣпости (капитанъ Осипъ Ник. Суходольскій). Подчинялись ему также: управляющій таможеню (Иванъ Васильевичъ Третьяковъ) и карантинный смотритель (С. П. Воиновъ), онъ же завѣдывающій солянымъ магазиномъ. Поселяне размѣщались въ крѣпости, гдѣ для нихъ построены были довольно удобные домики и, кромѣ сего, еще въ четырехъ станицахъ: Благовѣщенской, Джемитей, Витязевой и Николаевской. Станицы обнесены были плетнемъ, съ присыпаннымъ къ нему банкетомъ; на углахъ станичной ограды, на барбетахъ, стояли крѣпостныя орудія. Всѣ жители были вооружены, и, по тревогѣ, всѣ безъ исключенія, обоего пола, даже дѣти, могущія поднять камень, обязаны были выходить къ оградѣ; сверхъ того, въ каждой станицѣ стояла рота пѣхоты отъ гарнизона крѣпости и нѣсколько донскихъ казаковъ. Сосѣдями анапскаго поселенія были немирныя племена: натухайцы и шапсуги (*). Во время управленія поселеніемъ коменданта фонъ-Бринка, старшины этихъ племенъ имѣли къ нему особенное уваженіе. Надо знать, что въ это время жители ближайшихъ къ станицамъ ауловъ брали подѣ покосы и посѣвы земли, сколько кому было нужно, по раздѣлу старшинъ; точно такое же право предоставлялось и поселянамъ—занимать земли по распоряженію станичнаго начальника и указанію стариковъ. Весьма часто слу-

(*) Эти племена мало занимались хищничествомъ, имѣя на своихъ равнинахъ хорошую почву земли, вели выгодную торговлю съ горными жителями и съ русскими на Кубани, гдѣ для этого устроены были при карантинахъ мѣшковые дворы. Въ главѣ 27 пророка Іезекиіла, сказано: «На сѣверѣ финикіане торговали съ іонійскими колоніями на берегахъ Чернаго моря, съ табаренами и мосхамъ, которые жили между Чернымъ моремъ и кавказскими горами». Не были ли послѣдніе предками шапсуговъ и натухайцевъ?

чалось видѣть на полевыхъ работахъ поселенина рядомъ съ черкешенкою, поселянку рядомъ съ черкесомъ, и, за всѣмъ тѣмъ, все-ма рѣдко возникали какія нибудь жалобы; серьезныхъ же происшествій, во время моего пребыванія, ни разу не случилось. Сосѣдство шансуговъ и натухайцевъ было даже болѣе полезно, чѣмъ вредно для поселенія; сосѣдніе жители ауловъ этого народа всегда заблаговременно извѣщали коменданта о намѣреніяхъ болѣе отдаленныхъ отъ крѣпости племенъ: бжедуховъ, егерукаевцевъ, махосевцевъ, баракаевцевъ, убыховъ и другихъ, такъ что мы всегда знали впередъ, гдѣ предпринимается нападеніе: на покось-ли, на пастьбу-ли скота, на станицу, или на колонну и проч., такъ что ни одно злое предпріятіе противъ Анапы непріятелю не удавалось. Въ самой крѣпости учреждена была, по три раза въ недѣлю, на избранной площади, мѣновая торговля—„сатувка“ (отъ черкесскаго глагола „сату,—мѣнять“ (*). Черкесы привозили на сатувку преимущественно медъ, воскъ, баранье сало, масло, татарскій сыръ, иногда барановъ, рогатый скотъ и вооруженіе, по большей части древнее, съ знаками и надписями временъ крестовыхъ походовъ, панцыри, кольчуги, шлемы, налокотники, луки, стрѣлы, пашки и кинжалы. Кромѣ денежныхъ знаковъ, червонцевъ голландскихъ, серебряныхъ рублей и полтинниковъ, которые горцы хорошо понимали, денежною единицею для продавца и покупателя, при опредѣленіи цѣны, принята была цѣнность одного пуда соли, именно 40 коп., продажа которой была казенная. Желавшій дѣлать покупки на сатувкѣ, заблаговременно пріобрѣталъ за деньги, въ соляномъ магазинѣ, билеты на полученіе соли; въ билетахъ прописывалось коли-

(*) По мнѣнію главныхъ начальниковъ края, эта торговля много содѣйствовала уничтоженію подвоза контрабанды, доставивъ горцамъ средства пріобрѣсть честнымъ образомъ соль и другіе предметы, необходимые въ ихъ домашнемъ быту.

чество и цѣна. Въ день сатувки, ставился у крѣпостныхъ, такъ называемыхъ „русскихъ воротъ“, особый караулъ, который обязанъ былъ отбирать отъ прїѣзжающихъ для торговли горцевъ оружіе; для этого сдѣланы были деревянныя бирки, съ условленными знаками, именно—съ извѣстнымъ числомъ нарисованныхъ мясяною краскою кружковъ и черточекъ, перепиленныя надвое такъ, что если одну половину приложить къ другой, то кружки и черточки прїйдутся на своихъ мѣстахъ; одна часть такой бирки навѣшивалась на отобранное оружіе, а другая отдавалась владѣльцу,—и только тотъ, кто предъявлялъ половинку выданной отъ караульнаго унтеръ-офицера бирки, получалъ, по соотвѣтственной другой половинкѣ, оружіе; на биркахъ были номера, по которымъ велся счетъ выданныхъ бирокъ. Послѣ сатувки, счетъ этотъ повѣрялся плацъ-адъютантомъ, при дежурномъ по карауламъ. На сатувеу съ оружіемъ допускался изъ горцевъ только одинъ дежурный старшина, который, во все время сатувки, долженъ былъ находиться при дежурномъ офицерѣ, съ переводчикомъ, и этимъ-то тремъ лицамъ принадлежало первоначальное разбирательство торговыхъ жалобъ и недоразумѣній, безъ всякаго вмѣшательства баталіонныхъ и ротныхъ командировъ; если же недоразумѣніе не прекращалось, то давали знать коменданту; весьма часто достаточно было одного его появленія для прекращенія спора. Горцы высоко уважали Егора Егоровича Бринка, за его строгую справедливость при разбирательствѣ споровъ и жалобъ, за его безкорыстіе, радушное гостепрїимство, неустрашимость, или, лучше сказать, довѣріе его къ горцамъ: случалось, что человѣкъ по тридцати вооруженныхъ черкесовъ ночевали въ его комнатахъ; онъ одинъ былъ вмѣстѣ съ ними и постоянно безъ оружія. Нельзя не удивиться, какъ онъ, своими разсказами, умѣлъ заставить горцевъ благоговѣть предъ именемъ нашего Государя Императора: 6-го декабря этого (1840) года, въ день тезоименитства Его Величества, двадцать шесть почетныхъ натухайцевъ и шапсуговъ, за особымъ столомъ, обѣдали у комен-

данта, пили шампанское (*) за здравіе Государя и, вмѣстѣ съ нами, кричали ура! при громѣ выстрѣловъ изъ орудій; вечеромъ присутствовали на балу; по окончаніи бала они танцевали лезгинку—чего никакъ не хотѣли сдѣлать въ присутствіи дамъ, и исполнили еще подъ звуки голоса одну пляску и пѣсню съ припѣвомъ; все это, по просьбѣ моей, на другой день, завѣдывающій хоромъ музыкантовъ положилъ на ноты.

Во время управленія фонъ-Бринка крѣпостью и анапскимъ поселеніемъ, пять ближайшихъ ауловъ изъявили покорность, дали присягу и аманатовъ, и это покореніе не стоило ни одной капли человѣческой крови. Для аманатовъ, при домѣ коменданта, отведено было особое помѣщеніе; командою аманатовъ, состоявшею, въ мое время, изъ четырнадцати мальчиковъ, завѣдывалъ поручикъ Прасоловъ, а для обученія ихъ грамотѣ и для религіозныхъ обрядовъ приглашенъ былъ мулла, получавшій отъ казны денежное содержаніе. Когда Егоръ Егоровичъ фонъ-Бринкъ, съ производствомъ въ генераль-маіоры, назначенъ былъ начальникомъ всей дѣйствующей кавалеріи на предполагавшуюся въ то время большую экспедицію, вслѣдствіе разоренія убыхами нѣкоторыхъ изъ нашихъ укрѣпленій, тогда, на его мѣсто, прибылъ въ Анапу комендантомъ полковникъ Федоръ Филиповичъ Ротъ, который, по нравственнымъ достоинствамъ, ни въ чемъ не уступалъ своему предмѣстнику: такой же добрый, внимательный, честный и справедливый; онъ не измѣнилъ ни одного распоряженія бывшаго коменданта, но, напротивъ, многое дополнилъ по указанію опыта, и предполагалъ даже сформировать изъ

(*) Егоръ Егоровичъ, къ этому дню, распорядился было приготовить черкесскій напитокъ «блэк-сима», такъ называютъ его шапсуги, натухайцы и другіе ближайшіе къ Черному морю народы; но посланный для этого *кумакъ* воротился только 8-го числа, и оказалось, что *блэк-сима* ничто иное, какъ напитокъ, дѣлаемый изъ проса, называемый у кабардинцевъ «*фатагуль*», по-гитарски вообще—«буза». Не происходитъ-ли отъ этого послѣдняго названія русская «*брага*»?

Авт.

шапсуговъ и натухайцевъ эскадронъ. Я скоро заслужилъ и его полное расположеніе—строгимъ, точнымъ исполненіемъ порученій, и пользовался полнымъ его довѣріемъ. Военный госпиталь въ Анапѣ состоялъ въ полномъ вѣдѣніи коменданта крѣпости, имѣлъ женское и мужское отдѣленія для поселянъ; по обширности своей и замѣчательному порядку содержанія во всѣхъ частяхъ, заслуживалъ полного вниманія. Собственно, въ Анапѣ и вообще, въ укрѣпленіяхъ береговой линіи свирѣпствовала цынготная болѣзнь, сдѣлавшаяся эпидемическою. Военное начальство и вообще, правительство ничего не жалѣло для устраненія этого зла: для цынготныхъ больныхъ отпускали кизиль, барбарисъ, лимоны; когда ихъ не было—отпускали лимонный сокъ, полагая по шестидесяти золотниковъ на человѣка. Мало этого, вздумали цынготнымъ дѣлать ванны изъ пивной гущи; не забудьте, при этомъ, что дрова для госпиталя доставлялись моремъ изъ Крыма и обходились казнѣ по 120 руб. асс. сажень, а мѣстные дрова по базарнымъ цѣнамъ стоили отъ 6-ти до 8 рубл. асс. и, по представленію коменданта Бринка, разрѣшено было отпускать вмѣсто одной сажени крымскихъ дровъ—4 сажени мѣстныхъ, но комиссаріатское вѣдомство признало это неудобнымъ, и поставка дровъ изъ Крыма продолжалась.

Между тѣмъ, какъ мы проводили время въ Анапѣ вполнѣ по мирному положенію,—другіе баталіоны и роты нашей 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи (полки тенгинскій и навагу́нскій) и черноморскіе линейные баталіоны вели кровавую борьбу съ горцами, защищая занимаемые ими укрѣпленія, изъ которыхъ нѣкоторыя погибли окончательно. О постройкѣ этихъ укрѣпленій я рассказалъ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь, какъ не очевидецъ, о нападеніи горцевъ и о самоотверженіи защитниковъ нашихъ укрѣпленій, расскажу только то, что дошло до меня по слухамъ и путемъ официальныхъ извѣщеній: первую жертвою отъѣны проекта генерала Вельямина, былъ фортъ Лазарева, построенный въ 1839 г. на р. Псезуапѣ—третьимъ послѣ распоряженія занимать берега моря де-

сантами. Мое предсказаніе сбылось: горцы, въ одинъ годъ времени, поняли невозможность гарнизонамъ такихъ укрѣплень получать секурсъ своевременно, или отступать къ ближнимъ укрѣпленіямъ. По неосторожности же капитана Марченки, о недостаткахъ котораго я говорилъ прежде, укрѣпленіе, ему ввѣренное, 7-го февраля 1840 года, было ими взято почти безъ сопротивленія. Подробности этого несчастнаго событія записаны мною по разсказу перваго выбѣжавшаго изъ плѣна унтеръ-офицера: капитанъ Марченко, какъ видно, не выникнувъ въ настоящій смыслъ данной ему инструкціи, безъ всякихъ соображеній, принимая пріѣзжавшихъ къ нему горцевъ, старался съ ними сблизиться, сдружиться и заслужить ихъ расположеніе; а потому, допускалъ кунаковъ своихъ не только осматривать все внутреннее расположеніе укрѣпленія: казармы, склады, вооруженіе, но даже, когда, отъ дождей и времени, осѣли наружныя покатости бруствера, особенно при тур-бастіонахъ, и контр-эскарпы мѣстами обрушились, онъ самъ, воинскій начальникъ укрѣпленія, вмѣстѣ съ пріѣзжавшими къ нему изъ горцевъ гостями, подъ веселый часъ, не слушая совѣтовъ молодыхъ офицеровъ, спускался въ ровъ и взбѣгалъ на гласисъ, показывая тѣмъ свою ловкость и молодечество. Горцы, при этомъ, разумѣется, не упускали случая высмотрѣть всѣ мѣста, удобныя для штурма, и такъ были увѣрены въ успѣхъ своего предпріятія, что даже въ день нападенія подошли къ укрѣпленію съ арбами, на которыхъ сидѣли женщины и дѣти—для поднятія добычи. Въ этотъ день, рано утромъ, барабанщикъ вышелъ бить зорю, и едва началъ повѣстку, какъ вдругъ, увидѣлъ передъ собою горцевъ, и сейчасъ же повѣстку перемѣнилъ на тревогу; первые горцы бросились прямо въ офицерскій флигель, другіе—въ казармы. Воинскій начальникъ, капитанъ Марченко, какъ-то успѣлъ выскочить чрезъ потерну, ведущую въ траншею, соединявшую укрѣпленіе съ блокгаузомъ (*) и прикрытую

(*) Въ блокгаузѣ находилось всего двѣнадцать казаковъ азовскаго войска, но Марченко, вѣроятно, рассчитывалъ вмѣстѣ съ ними удалиться на баркасѣ

эполементомъ; но его, нѣсколько человѣкъ, изъ числа знакомыхъ ему кунаковъ, узнали, догнали и изрубили въ куски. Подпоручика Павла Федорова, котораго горцы встрѣтили въ сѣняхъ его квартиры съ обнаженною пашкою, вздумавшаго защищаться, постигла такая же участь, а вмѣстѣ съ нимъ бывшаго при немъ лекаря; родной же его братъ Владиміръ, прапорщикъ, завѣдывавшій провіантскимъ магазиномъ, не имѣвъ при себѣ оружія, благоразумно сдался въ плѣнъ. Прапорщикъ Богусевичъ, дня за три до событія, былъ отпущенъ, для свиданія съ товарищами, въ укрѣпленіе Тенгинское, на Шапсуго. Изъ нижнихъ чиновъ взято въ плѣнъ не болѣе десяти человѣкъ, въ томъ числѣ подпрапорщикъ Дмитрій Ксархаки; остальные частію погибли отъ рукъ непріятеля, частію въ пламени, такъ какъ горцы, зная, что отъ солдата мало поживы, сейчасъ же, по входѣ въ укрѣпленіе, зажгли жилья и лазаретныя казармы. Удачное взятіе форта Лазарева ободрило горцевъ и дало имъ смѣлость нападать на другія укрѣпленія; а значительные запасы пороха, зарядовъ, снарядовъ и даже одно горное орудіе, взятые ими при этомъ случаѣ, дали средства предпринять, въ свою очередь, экспедицію на другія наши укрѣпленія, по приготовленнымъ уже, какъ будто нарочно для нихъ, дорогамъ. Слава побѣдителей несчастной роты капитана Марченки, при этомъ, хорошая добыча и плѣнъ, быстро разнеслась въ горахъ, и не прошло мѣсяца, какъ въ ближайшіе

въ море. Устройство блокгаузовъ при укрѣпленіяхъ имѣло цѣлью содѣйствовать крейсерамъ черноморскаго флота, которые, по громадности своихъ судовъ, не могли близко подходить къ берегамъ, а между тѣмъ, контрабандисты, завидя крейсеровъ, кочермы свои вытаскивали на берегъ посредствомъ кабестана и обставляли свѣжими вѣтками, такъ что съ моря мѣста ихъ стоянки казались кустомъ. При блокгаузахъ же находилось по два баркаса, вооруженныхъ каронадами, съ командами азовскихъ каааковъ; гребцами были наполовину солдаты изъ того укрѣпленія, при которомъ находился блокгаузъ. Всего такихъ командъ на береговой линіи было 10, онѣ составляли прибрежное крейсерство.

Авт.

къ берегу моря аулы собрались значительныя толпы горцевъ; затѣмъ, долго не думая, 29-го того же мѣсяца, взяли фортъ Вельминовскій на р. Туапсе (*); 22 марта—укрѣпленіе Михайловское на р. Вуланъ. Но здѣсь имъ не совсѣмъ посчастливилось: гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ двухъ ротъ—одна рота черноморскаго линейнаго № 4-го баталіона, подъ командою капитана Лико (онъ же былъ и воинскій начальникъ), другая—нашего тенгинскаго полка, 9-я рота, которою завѣдывалъ подпоручикъ Краумзгольдъ; въ ротѣ состояли: прапорщикъ Гаевскій, подпрапорщикъ Корецкій, фельдфебель Комлевъ; нижнихъ чиновъ въ ротѣ хотя числилось по списку 250 человекъ, но, за убылью, по болѣзнямъ и по другимъ причинамъ, подъ ружьемъ въ это время не было и половины; всего же гарнизона въ обѣихъ ротахъ, съ артиллеристами, считалось до 500 человекъ, вмѣстѣ съ больными. Когда, за убылью этихъ послѣднихъ изъ фронта, нельзя было, въ случаѣ нападенія, занять все протяженіе линіи огня, капитанъ Лико раздѣлилъ укрѣпленіе углубленнымъ ретраншементомъ, съ амбразурою въ передовой насыпи для орудія, снятаго съ оставленнаго имъ бастіона, обращеннаго къ ущелью, откуда скорѣе всего можно было ожидать нападенія. Извѣстившись же о взятіи форта Лазарева, онъ собралъ всѣхъ офицеровъ, и, въ присутствіи нижнихъ чиновъ, объявилъ объ угрожающей имъ опасности; при этомъ, напомнилъ долгъ присяги и данное ими обѣщаніе начальнику прибрежной линіи, генералъ-лейтенанту Николаю Николаевичу Раевскому: „не сдаваться живыми; въ крайности—взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ непріателемъ“, какъ это поклялись исполнить, въ минувшую турецкую войну, моряки брига „Меркурій“, и Богъ благословилъ ихъ спасти честь своего флага. Имя Николая Николаевича, какъ всегда

(*) При этомъ убиты всѣ офицеры и медики; въ плѣнъ взяты: раненый въ живое навагинскаго полка капитанъ Худобашевъ, человекъ пятнадцать нижнихъ чиновъ, всѣ больные изъ лазарета и іеромонахъ изъ церкви.

перваго при десантахъ, вмѣстѣ съ именами Алексѣя Петровича Ермолова и Алексѣя Александровича Вельяминова, знаетъ каждый старый кавказецъ; волю этихъ генераловъ считали священною. На это напоминаніе офицеры отвѣчали единодушнымъ согласіемъ, и солдаты отвѣтомъ: ради стараться. Затѣмъ, распредѣливъ гарнизонъ по бастіонамъ той части укрѣпленія, которую отдѣлили ретраншементомъ, условились, при неустойкѣ, отступать къ бастіону, въ которомъ находился пороховой погребъ, и, въ крайности, привести въ исполненіе данное слово. Ожидая нападенія, весь гарнизонъ постоянно былъ наготовѣ встрѣтить непріятеля, и потому, въ ночное время въ казармахъ никто не оставался. Въ ночь, съ 21-го на 22-е марта, съ четверга подъ пятницу, съ той стороны, откуда именно ожидали нападенія, съ 10-ти часовъ вечера, слышенъ былъ лай солдатскихъ собакъ (*), которыхъ на ночь выгоняли за укрѣпленіе. Этого было достаточно, чтобы именно въ эту ночь ожидать нападенія; а потому, самъ Лико, за нимъ—офицеры и многіе изъ нижнихъ чиновъ, надѣли чистое бѣлье, а офицеры даже принарядились въ лучшіе свои мундиры; во всѣ орудія заложили картечь. Къ утру, часу въ четвертомъ, лай собакъ послышался во рву укрѣпленія. Тогда съ фланга сѣвернаго бастіона сдѣланъ былъ выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ раздался гикъ непріятеля, прежде прямо передъ самымъ ретраншементомъ, изъ за котораго едва успѣли сдѣлать одинъ выстрѣлъ картечью и открыть батальный огонь, какъ горцы воротились за укрѣпленіе. Но вскорѣ затѣмъ, другія толпы появились на всемъ протяженіи линіи огня; удачные выстрѣлы картечью, хотя на время, задерживали непріятеля, но онъ, постоянно усиливаясь, наконецъ, ворвался въ укрѣпленіе. Тутъ началась рукопашная свалка. Лико былъ изрубленъ въ числѣ первыхъ;

(*) Во всѣхъ укрѣпленіяхъ, построенныхъ нами въ горахъ, солдаты завели множество собакъ, которыя съ большою пользою замѣняли ночные разѣзды и обходы около укрѣпленій.

гарнизонъ защищался, отступая къ погребу, двери котораго были отворены; горцы бросились грабить порохъ; изъ погреба повалила пыль. Рядовой роты Краумзгольда, Архипъ Осиповъ, закричалъ: „пора, братцы! Кто останется въ живыхъ—помните Осипова!“ и съ этою рѣчью вбѣжалъ въ погребъ, сдѣлавъ выстрѣлъ... Послѣдовалъ страшный взрывъ; все смолкло,—и солнце, не дойдя еще до полудня, освѣщало только кровавую картину смерти и разрушенія. По словамъ лазутчиковъ, нападающихъ было болѣе 10,000;—можете судить о потерѣ съ ихъ стороны. Это событіе описано мною, по разсказу Е. Е. фонъ-Бринка, собиравшаго изъ горъ свѣдѣнія отъ оставшихся въ живыхъ плѣнныхъ (*) посредствомъ своего лазутчика, линейнаго казака, бѣжавшаго года четыре тому назадъ изъ отряда полковника Засса, во время наѣздовъ его на егерукаевскіе аулы. Этому бѣглеца комендантъ никогда не хотѣлъ наименовать, да и въ Анапѣ, кромѣ его, никто не зналъ именъ лазутчиковъ вообще. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ тотъ же лазутчикъ принесъ извѣстіе о взятіи горцами, 31-го марта, укрѣпленія Николаевского, но уже о подробностяхъ нападенія лазутчикъ ничего не говорилъ и даже самъ не былъ на мѣстѣ происшествія, въ ущельи Атакуафъ. Но контръ-адмиралъ Серебряковъ, изъ Новороссійска, извѣстилъ коменданта письменно, что 31-го марта горцы, въ числѣ шести тысячъ, въ ночное время напали на укрѣпленіе Николаевское. Гарнизонъ, имѣвшій подъ ружьемъ 110 человекъ (**), въ продолженіи цѣлой ночи отражалъ непріятеля; наконецъ, поутру, въ 7-мъ часовъ, утомленный перестрѣлкою и подавленный многочисленностію, принялъ на штыки ворвавагося въ укрѣпленіе непріятеля и погибъ со славою.

(*) Всѣхъ же плѣнныхъ насчитывали тогда: іеромонаха, двухъ офицеровъ и 9-ть человекъ нижнихъ чиновъ.

(**) Одна рота черноморскаго линейнаго № 7-го баталіона, подъ командою штабъ-капитана Евсеева.

Вскорѣ послѣ торжественнаго празднованія годовщины дня послѣдняго взятія Анапы, о чемъ я уже говорилъ, мы получили свѣдѣнiе изъ Черноморiи о неудачномъ нападенiи горцевъ, въ числѣ десяти тысячъ, на крѣпость Абинъ (**), построенную въ 1834 году на операціонной линiи, проложенной между Кубанью и Чернымъ моремъ, отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона до укрѣпленiя Александрiн на р. Дооби. Горцы были отражены подполковникомъ Веселовскимъ съ громадною потерей. Вслѣдъ за тѣмъ, анапскому коменданту предписано было объявить по гарнизону, что 26-го мая, предъ разсвѣтомъ, многочисленныя толпы горцевъ напали на Абинское укрѣпленiе. Нападенiе отражено; отнято у ворвавшихся въ укрѣпленiе горцевъ два знамени и взято изъ нихъ десять человѣкъ въ плѣнъ. Государь Императоръ, за такое славное дѣло, Всемилостивѣйше пожаловалъ: начальнику укрѣпленiя, черноморскаго линейнаго № 1-го баталiона подполковнику Веселовскому, чинъ полковника, орденъ св. Анны 2-й степени съ короною и годовой окладъ жалованья; всѣмъ оберъ-офицерамъ, въ числѣ шестнадцати, годовые оклады жалованья, слѣдующiе чины и ордена; для нижнихъ чиновъ всего гарнизона, въ числѣ восьмисотъ-тридцати человѣкъ, тридцать знаковъ отличiя военнаго ордена св. Георгiя, годовые оклады жалованья, и двое рядовыхъ произведены въ унтеръ-офицеры. Однимъ словомъ, не оставалось ни одного укрѣпленiя за Кубанью и на береговой линiи, на которыя бы горцы не покупались сдѣлать нападенiя по два, по три и болѣе разъ. Вообще же, этотъ 1840 годъ замѣчателенъ не одними только кровавыми событiями въ нашихъ укрѣпленiяхъ, но и правительственными распоряженiями, имѣющими влiянiе на будущiя судьбы кавказской войны: по Высочайшей во-

(**) Укрѣпленiе вооружено было двѣнадцатью орудiями; имѣло гарнизона: тенгинскаго полка 10-ю мушкетерскую роту; навагинскаго—4-ю гренадерскую, 10 и 12-ю мушкетерскiя и двѣ роты черноморскаго линейнаго № 7-го баталiона.

лѣ, объявленной офицерамъ, поступающимъ на службу въ укрѣпленія береговой линіи, кромѣ прогоновъ на всякое разстояніе, положено выдавать въ единовременное пособіе годовой окладъ жалованья; а если поступаютъ съ семействомъ—двухгодовой; въ апрѣлѣ вновь сформированъ черноморскій линейный № 3-го баталіонъ, и потому, бывшій № 3-й—принялъ № 4-й, и т. д. по № 11, принявшій № 12-й. Въ приказѣ 23 марта, № 45-й, п. I, сказано: господинъ военный министръ, отъ 16-го апрѣля, № 2372, увѣдомилъ, что Государь Императоръ, въ воздаяніе отлично усердной службы и особенныхъ трудовъ, съ примѣрною твердостью и постоянствомъ переносимыхъ въ войнѣ съ горцами тенгинскимъ и навагинскимъ пѣхотными полками и черноморскими линейными № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 бат., Всемилоствѣйше повелѣтъ соизволилъ: штабъ и оберъ-офицерамъ означенныхъ войскъ убавить одинъ годъ къ выслугѣ ордена св. Георгія, а всѣмъ нижнимъ чинамъ оныхъ—уменьшить одинъ годъ службы. Приказомъ 17-го октября, черноморская береговая линія раздѣлена на три части: 1-е отдѣленіе отъ Кубани до Геленджика вѣрено контръ-адмиралу Серебрякову; 2-е отдѣленіе—генераль-маіору графу Оперману, 3-е отдѣленіе—исправляющему должность начальника отдѣленія полковнику Муравьеву. Вскорѣ затѣмъ, мы прочитали приказъ военнаго министра, отданный 8-го ноября, слѣдующаго содержанія: „устроенныя на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленія, основанныя для прекращенія грабежей, производимыхъ обитающими на томъ берегу черкесскими племенами и въ особенности, для уничтоженія гнуснаго ихъ промысла—торга невольниками, въ продолженіи зимы и начала весны нынѣшняго года подвергались непрерывнымъ со стороны ихъ нападѣніямъ. Выбравъ это время, въ которое береговыя укрѣпленія, по чрезвычайной трудности сообщенія, ни откуда не могли получить помощи, горцы устремились на оныя со всѣми своими силами. Но, въ ожесточенной борьбѣ съ горстью русскихъ воиновъ, они встрѣчали вездѣ самое мужественное сопротивленіе и ге-

ройскую рѣшимость—насть до послѣдняго человѣка въ оборонѣ вѣр-
ренныхъ имъ постовъ. Гарнизоны всѣхъ этихъ укрѣпленій покры-
ли себя незабвенною славою. Изъ нихъ, въ особенности, гарнизонъ
укрѣпленія „Михайловскаго“ явилъ примѣръ рѣдкой неустраши-
мости, непоколебимаго мужества и самоотверженія. Состоя изъ пя-
тисотъ только человѣкъ подъ ружьемъ, онъ, въ продолженіи двухъ
часовъ, выдерживалъ самое отчаянное нападеніе свыше одиннадцати
тысячъ горцевъ, внезапно окружившихъ укрѣпленіе; нѣсколько разъ
отбивалъ ихъ и принуждалъ къ отступленію. Но когда, наконецъ,
потерявъ въ жестокомъ бою большую часть людей, гарнизонъ не
видѣлъ уже возможности противустоять непріятелю, въ двадцать
разъ его сильнѣйшему, онъ рѣшился взорвать пороховой погребеъ
и погибнуть вмѣстѣ съ овладѣвшими укрѣпленіемъ горами. На
подвигъ этотъ, по собственному побужденію, вызвался рядовой тен-
гинскаго пѣхотнаго полка Архипъ Осиповъ и мужественно при-
велъ его въ исполненіе. Обрекая себя на столь славную смерть,
онъ просилъ только товарищей помнить его дѣло, если кто либо
изъ нихъ останется въ живыхъ. Это желаніе Осипова исполнилось.
Нѣсколько ,человѣкъ храбрыхъ его товарищей, уцѣлѣвшихъ среди
общаго разрушенія и гибели, сохранили его завѣтъ и вѣрно его
передали. Государь Императоръ почтилъ заслуги доблестныхъ
защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія въ оставленныхъ ими се-
мействахъ. Для увѣковѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ
рядоваго Осипова, который семейства не имѣлъ, Его Император-
ское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ: сохранить на-
всегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты тенгинскаго пѣ-
хотнаго полка, считая его первымъ рядовымъ, и на всѣхъ пере-
кличкахъ, при спросѣ его имени, первому отвѣчать: „*Погибъ во
славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи*“. Въ этотъ
же годъ, отъ пріѣзжавшихъ въ Анапу изъ Ставрополя офицеровъ,
мы узнали, что М. Ю. Лермонтовъ, о которомъ я упомянулъ вы-
ше (въ 1837 году), служившій въ настоящее время въ гродненскомъ

гусарскомъ полку, 18 февраля дрался на шпагахъ съ Барантомъ, сыномъ французскаго посланника при петербургскомъ Дворѣ, и былъ раненъ: одни говорили—въ руку, другіе—въ грудь; потомъ, стрѣлялся, и за эту дуэль, какъ видно изъ приказа военнаго министра, Государь Императоръ, 13-го апрѣля, собственноручною конфирмаціею, назначилъ Лермонтова въ нашъ тенгинскій полкъ поручикомъ; но онъ, въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ, по прибытіи въ Ставрополь, къ намъ въ полкъ не явился, а отправился въ Чечню, для участія въ экспедиціи.

1841 ГОДЪ.

ХІ.

Смерть М. Ю. Лермонтова. Артезіанскій колодезь въ Анапѣ. Сборъ отряда для экспедиціи, подъ начальствомъ генерала Анрепа. Высочайшій рескриптъ генералъ-маіору Анрепу. Пожаръ на пароходѣ. Береговныя укрѣпленія. Прибытіе мое въ отрядъ на Адлерѣ.

Вскорѣ послѣ встрѣчи новаго (1841) года, который мы отпраздновали у коменданта, Егоръ Егоровичъ произведенъ былъ въ генералы и отправился къ новому назначенію. Штабъ полка возвратился на постоянныя квартиры въ Черноморію, для приготовленія къ экспедиціи, и я, изъ тенгинцевъ, остался въ Анапѣ одинъ, считаясь во временной командировкѣ при комендантѣ.

По выступленіи штаба полка, въ Анапѣ пропали слухи о смерти М. Ю. Лермонтова, поэтическія сочиненія котораго приводили меня въ восторгъ. Мнѣ всегда хотѣлось видѣть эту замѣчательную

личность, чтобы сравнить черты его лица съ чертами лицъ В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, глубоко врѣзавшимися въ моей памяти; но не суждено было исполниться этому желанію. Разказы же о его фізіономіи были до того неопредѣлительны, что, по словамъ однихъ, онъ былъ брюнетъ, а другіе увѣряли, что онъ—блондинъ. По письмамъ изъ Пятигорска извѣстно было только, что онъ убитъ маіоромъ Ник. Солом. Мартыновымъ, 15-го іюля, на дуэли, при секундантахъ. титулярномъ совѣтникѣ князѣ Васильчиковѣ и корнетѣ Глѣбовѣ; а пистолетами для дуэли прислужился ему родственникъ его, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка поручикъ Столыпинъ. Не смотря на то, что дуэль была при свидѣтеляхъ, подробности о ней чрезвычайно разнообразны: одни говорятъ, что Лермонтовъ получилъ рану въ правый бокъ навывлетъ, упалъ, не успѣвъ выстрѣлить; другіе говорятъ напротивъ, Лермонтовъ выстрѣлилъ первый и выстрѣлилъ вверхъ; Мартыновъ, будто бы, сказалъ на это: „я не пришелъ съ тобой шутить“,—и сдѣлалъ выстрѣлъ, но пистолетъ осѣкся по случаю дождя; онъ вновь насыпалъ на полку пороху и вторымъ выстрѣломъ, попавъ въ грудь, положилъ Лермонтова на мѣстѣ. Дуэль была во время сильной грозы, безъ медива, на случай раны; убитый, а, можетъ быть, еще живой Лермонтовъ, говорятъ, оставался безъ пособія часа три на мѣстѣ; что барьеръ былъ отмѣренъ на покатоcти горы и Лермонтовъ стоялъ выше Мартынова,—однимъ словомъ, всѣ обвиняютъ секундантовъ, которые, если не могли отклонить дуэли, могли бы отложить, когда пройдетъ гроза. Впрочемъ, время объяснить сущность дѣла; а намъ теперь остается только сожалѣть объ эгоистахъ, жертвующихъ полезною своею жизнію не отечеству, а своему самолюбію.

Во все время пребыванія моего въ Анапѣ, на площади, почти въ самомъ центрѣ крѣпости, производилось съ 1830 года сверленіе артезіанскаго колодца, подъ руководствомъ горнаго инженеръ-капитана Анисимова; для работъ присланы были изъ Сухумъ-кале 14 человекъ скопцовъ. Въ началѣ 1841 года, когда глубина вы-

сверленной трубы, при десяти-дюймовой широтѣ по діаметру, достигла восьмидесяти сажень, и инструмента доставало еще на 120 с., получено было предписаніе—работы прекратить и инструменты передать въ Керчь. У господина Анисимова, во время работъ, составилъ весьма интересный сборникъ разныхъ породъ грунта земли на восьмидесяти-саженной глубинѣ подѣ Анапою. Этотъ сборникъ обѣщаетъ принести пользу въ будущемъ, когда обращено будетъ вниманіе на богатства Кавказа въ геологическомъ отношеніи.

Въ этомъ 1841 году нашъ тенгинскій полкъ, съ 1-го августа, находился въ экспедиціи, въ отрядѣ на береговой линіи, подѣ начальствомъ генераль-лейтенанта Анрепа, а я оставался при анапскомъ комендантѣ Федорѣ Филиповичѣ Ротѣ. Генераль Анрепъ состоялъ при корпусѣ, съ октября 1839 года исправлялъ должность начальника лезгинской кордонной линіи до настоящаго 1841 года, въ которомъ поручена была ему черноморская береговая линія. Въ это время командовалъ 3-мъ отдѣленіемъ линіи полковникъ Муравьевъ (*), усмирившій въ горной Цебельдѣ дальцевъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ состоялся приказъ (№ 94) объ изъясненіи покорности джигетами и убыхскимъ княземъ Аубла-Ахметовымъ, за что, Высочайшимъ рескриптомъ 3-го іюня, генералу Анрепу изъяснено удовольствіе Его Величества, а, за содѣйствіе въ этомъ важномъ дѣлѣ, полковникъ Муравьевъ пожалованъ въ генераль-маіоры; всѣмъ джигетскимъ и убыхскимъ князьямъ и дворянамъ даны офицерскіе чины.

Этотъ рескриптъ такъ любопытенъ, что я снялъ съ него копію:

Высочайшій рескриптъ ().*

„Господинъ генераль-маіоръ Анрепъ! Разсмотрѣвъ донесеніе

(*) Этотъ Муравьевъ, въ 1839 году, въ чинѣ подполковника, состоялъ по особымъ порученіямъ при корпусномъ командирѣ, въ 1840 году произведенъ въ полковники.

(**) Приложеніе къ приказу по отдѣльному кавказскому корпусу 22 іюля 1841 года, № 94-й, пунктъ 2-й.

Авт.

ваше къ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса о добровольной покорности, изъявленной прибрежными джигетами и частію убыховъ, Я, къ истинному Моему удовольствію, вижу въ этомъ неожиданномъ событіи доказательство благоразумныхъ вашихъ дѣйствій и распоряженій къ водворенію тишины, спокойствія и порядка на ввѣренномъ вамъ берегу. Мѣрами кротости и убѣжденія, чувствую Моимъ вполне соответствующими, важная цѣль эта достигается гораздо прочнѣе, нежели силою оружія. Я остаюсь увѣреннымъ, что это благое начало, поддерживаемое постояннымъ доброхотствомъ и строгою справедливостію къ племенамъ, изъявившимъ покорность правительству, а съ другой стороны неослабными и рѣшительными дѣйствіями противъ непокорныхъ, будетъ имѣть самыя благопріятныя содѣйствія въ отношеніи общаго устройства береговой линіи.

Въ этихъ надеждахъ, изъявляя вамъ особенную Мою признательность за ваши дѣйствія, пребываю къ вамъ благосклоннымъ“.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

„НИКОЛАЙ“.

Петергофъ. 5-го іюня 1841 года.

Прочитавъ такой рескриптъ, конечно, нельзя было не порадоваться, что послѣ Вельяминова и Раевского, покорявшихъ горцевъ силою оружія, по примѣру покоренія татаръ „великодушнымъ княземъ Тавриды“, — нашелся генералъ, открывшій способъ покоренія магометанъ и ихъ родной земли, мѣрами кротости и убѣжденія, чего никому не приходило въ голову со временъ Мамаева побоища.

Августа 6-го, прибылъ въ Анапу командиръ тенгинскаго полка полковникъ Семенъ Ильичъ Хлюпинъ и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ въ экспедицію, къ полку, стоявшему въ то время лагеремъ при укрѣпленіи Святаго Духа, на Адлерѣ. Пароходъ „Мо-

гучій“, на которомъ прибылъ С. И. Хлюпинъ, стоялъ на якорѣ противъ анапской бухты, верстахъ въ двухъ; ближе, по мелководью, подойти къ крѣпости нельзя. 7-го числа, на немъ, съ 5 часовъ вечера, играла музыка тенгинскаго полка и нагружали нѣкоторые продукты и вещи для отряда; въ томъ числѣ былъ небольшой ящикъ съ разными лекарствами, котораго командиръ парохода сначала не хотѣлъ было принять. Въ 8-мъ часовъ вечера, распростившись съ Федоромъ Филиповичемъ и со всѣми знакомыми, я оставилъ Анапу и, вмѣстѣ съ полковникомъ Хлюпинымъ, на баркасѣ, отправился на пароходъ; тамъ я нашелъ семейства, отправляющіяся въ укрѣпленія береговой линіи; онѣ состояли изъ шести человѣкъ офицеровъ и пяти дамъ. Послѣ ужина, всѣ штабъ и оберъ-офицеры улеглись спать на палубѣ кормы, подъ тентомъ; дамы заняли капитанскую и офицерскія каюты; двери послѣднихъ отворялись въ каютъ-компанію. Въ каютъ-компаніи на серединѣ столъ; надъ столомъ большая лампа освѣщала всю каюту; я записывалъ на столѣ въ мою памятную книжку карандашемъ воспоминанія послѣднихъ дней въ Анапѣ. Была полночь. Воды! воды! пожаръ! раздалось на палубѣ. Въ одинъ моментъ всѣ дамы, въ чемъ спали, очутились въ каютъ-компаніи. Когда изъ каютъ-компаніи я отворилъ дверь,—люкъ былъ ярко освѣщенъ горѣвшимъ тентомъ изъ парусины, который мгновенно былъ сорванъ и брошенъ за бортъ. Я бросился по лѣстницѣ на палубу; за мною—дамы, которыя положительно-таки вынесли меня наверхъ, такъ, что я упалъ, ступивъ на палубу, и онѣ за мною, повторивъ каждая тоже самое. На палубѣ былъ чистый маскарадъ; жара была невыносимая, а потому, всѣ были раздѣты, въ однихъ рубахахъ, также, какъ и дамы; въ надлежащей одеждѣ были только: я, вахтенный офицеръ, человѣкъ пять или шесть матросовъ, да пожилая женщина-нянька, съ годовымъ ребенкомъ; командиръ парохода спалъ, какъ говорили, въ кожухѣ колеса, и первый выскочилъ на горѣвшую, какъ тогда думали, палубу, при чемъ обжегъ себѣ ноги отъ пятокъ до колѣнъ.

Офицеры, увидя дамъ, набрасывали на себя сюртуки, шинели; но сапоги и другія принадлежности натягивать было некогда,—всѣ думали о потушеніи пожара и о своемъ спасеніи; пожарная труба и помпы дѣйствовали сильно, матросы и музыканты работали усердно; съ парохода подавали сигналы объ опасности фальшфейерами, но не стрѣляли, не видя еще крайности. Между тѣмъ, со всѣхъ, бывшихъ на рейдѣ, судовъ, спущены были баркасы, и всѣ лодки отчалили отъ берега; все направилось къ пароходу, съ котораго также спущены были на воду гичка и баркасъ. Но, благодаря быстрымъ и благоразумнымъ распоряженіямъ, пожаръ былъ прекращенъ не болѣе, какъ въ 10-ть минутъ, и испугъ обратился въ смѣхъ и веселые рассказы; всѣ живо принарядились и уже не скоро улеглись спать. Моряки говорили, что хорошо, что на нашемъ пароходѣ ванты и всѣ снасти желѣзныя, цѣпныя, а не канатныя,—а то-бы намъ такъ дешево не отдѣлаться. Причиною пожара былъ ящикъ съ аптекою, который стоялъ у гротъ-мачты; нянька уложила заснувшее дитя на ящикъ и хотѣла его придвинуть къ борту, по ея выраженію—„къ стѣнкѣ“. Едва она двинула ящикъ—ящикъ задымился. Вахтенный офицеръ, увидя дымъ, закричалъ: ящикъ за бортъ! Матросы подхватили ящикъ за веревки, которыми онъ былъ увязанъ, веревки лопнули; ящикъ, вмѣстѣ со всѣми банками, склянками, переложенными пенькою и соломою, рухнулъ на палубу; разлившіеся спирты, пенька и солома загорѣлись; и, въ то же время, пламя охватило тентъ. Вотъ начало и конецъ происшествія, которое на сухомъ пути казалось бы ничтожнымъ, но между небомъ и водою произвело на насъ сильное впечатлѣніе. Чрезъ часъ времени, мало по малу, все утихло; я легъ, завернувшись въ плащъ, вмѣстѣ съ другими, на палубѣ. Въ два часа ночи пароходъ поднялъ якорь; сотрясеніе, произведенное дѣйствіемъ машины, и шумъ колесъ разбудили меня; я долго любовался восходящимъ изъ-за горъ солнцемъ, невольно припоминая то время, когда я, счастливый судьбою, безпечный душою и сердцемъ, согрѣтый чистымъ пламе-

немъ патріотизма, съ чувствомъ неистощеннаго юноши, смотрѣлъ съ высотъ Балкана на показывающееся, какъ бы выходящее изъ глубины Чернаго моря, утреннее солнце. Какъ далеко вершины Балкана отъ высотъ Кавказа, такъ далеко настоящее мое время отъ времени войны 1828 года; эти два хребта горъ раздѣлены бурными пучинами моря,—двѣ эпохи жизни моей раздѣлены шумными ураганами службы; горы тѣ же, да я не тотъ: я, по прежнему, прапорщикъ, да не юноша; на мнѣ тѣ же золотые эполеты, да нѣтъ золота въ душѣ; у меня тотъ же красный воротникъ, да въ сердцѣ не красно: чувства замѣнились страстями, легковѣріе—благоразуміемъ, довѣрчивость—подозрительностью, добродѣтель, обиженная несправедливостью, потеряла свою дѣтскую прелесть и, проученная опытомъ, сдружилась съ хитростью,—однимъ словомъ, я сдѣлался злѣе. Жаль мнѣ самого себя: я былъ гораздо лучше на западныхъ берегахъ Чернаго моря, чѣмъ на восточныхъ... Въ сущности, это кажется одно воображеніе, одна мечта. Я также слабъ и чувствителенъ къ добру и злу, какъ прежде; о послѣднемъ скажу стихомъ Карамзина: „Зло дѣлать малое—мнѣ мало, большаго дѣлать не могу“. Но исправлюсь-ли я на западѣ жизни?... Можетъ быть—да будетъ уже поздно.

8-го числа, въ 8 часовъ утра, открылась предъ нами суджукская бухта; вдали видно было Кабардинское укрѣпленіе на Доби, прежде названное Александровскимъ, и скоро открылся предъ нами Новороссійскъ.

Тамъ, гдѣ горы-исполины
Стали вѣчною стѣной,
Моря Чернаго пучины
Плещутъ свѣтлою волной;
Гдѣ когда-то слышны были
Звуки рыцарскихъ мечей (*);

(*) Крестоносцы, изгнанные изъ Сиріи въ 1291 году, возвращались въ Европу черезъ Кавказъ.

Гдѣ въ ущельяхъ ядра были
Генуэзскихъ (*) батарей;
Тамъ, гдѣ съ пашками встрѣчались
Ятаганы на скалѣ;
Тамъ, гдѣ башни красовались
Крѣпостцы Суджукъ-кале—
Тамъ-то сѣвера сынами,
И подъ сѣнію знаменъ,
Оградившійся штыками,
Русскій городъ заложенъ (**).

Въ половинѣ 9-го бросили якорь; я съѣхалъ на берегъ. Новороссійскъ болѣе похожъ на разоренную непріателемъ деревню, нежели на вновь строящійся городъ: тутъ остовъ дома, съ печью подъ крышею, безъ стѣнъ, за недостаткомъ хвороста и глины; тамъ—домъ, совершенно оконченный, безъ крыши, за недостаткомъ камыша, и покрытъ рогожами; здѣсь—хваленныя тенгинскія казармы, омытыя дождемъ, не стыдятся, выказываютъ матеріалъ, изъ котораго онѣ построены, то есть, вѣтви дубоваго плетня, обмазанныя смѣшеніемъ глины съ животною глиною; этотъ-то знаменитый составъ, изобрѣтеніе котораго приписываютъ черноморцамъ, и замѣняетъ въ Новороссійскѣ штукатурку на извести; даже церковь оштукатурена этимъ же способомъ. Признаюсь, Новороссійскъ не привлекателенъ для горца; онъ не позавидуетъ жителю этого города и не получить понятія о пользѣ европейскаго просвѣщенія.

Въ тотъ же день, въ 5-ть часовъ вечера, пароходъ бросилъ якорь въ геленджикской бухтѣ. Крѣпость Геленджикъ исправлена

(*) Генуя и Венеція, въ XVI вѣкѣ, имѣли свои колоніи на кавказскихъ берегахъ Чернаго моря.

(**) Это мѣсто разъ уже было занято русскими, именно—въ 1791 году: генералъ-аншефъ Гудовичъ, по взятіи, 22-го іюня, крѣпости Анапы, чрезъ три дня занялъ и Суджукъ-кале.

и изуродована палисадомъ, поставленнымъ на кронъ бруствера; строенія и казармы построены прочно и удобно для помѣщенія; внутреннее пространство крѣпости слишкомъ стѣснено строеніями, какъ и во всѣхъ укрѣпленіяхъ береговой линіи.

9-го числа, въ 5-ть часовъ утра, пароходъ снялся съ якоря, и въ 12-ть часовъ, въ полдень, мы прибыли на высоту Шапсуго, гдѣ построено укрѣпленіе Тенгинское; пароходъ не бросилъ якоря, — легъ въ дрейфъ; я съ полковникомъ Хлюпинымъ съѣхалъ на берегъ. Въ этомъ укрѣпленіи мы оставили лекаря съ молодою женою; нѣтъ еще трехъ мѣсяцевъ, какъ эта юная парочка узнала супружеское счастье. Бѣдная чета! имъ суждено лучшее время жизни провести въ одной изъ гробницъ, устроенныхъ для живыхъ, хотя неоспоримо съ полезною цѣлью.

Нельзя не пожалѣть женщинъ и дѣтей, которымъ суждено жить въ укрѣпленіяхъ береговой линіи: эти послѣднія, лишеныя всѣхъ средствъ получить воспитаніе, отъ частыхъ болѣзней теряютъ память и умственныя способности; и, какъ дѣти вообще чрезвычайно воспріимчивы, то онѣ, постоянно окруженныя солдатами, при всей бдительности родителей, невольно перенимаютъ солдатскія ухватки, образъ выраженія и даже пороки. Бѣдныя дѣти!... А женщины, удаленныя отъ свѣтскихъ обществъ, непрестанно находящіяся въ опасностяхъ, для которыхъ онѣ не созданы, поневолѣ теряютъ свою нѣжность. „Женщины образуютъ душу и сердце; хотя иногда есть случаи, въ которыхъ онѣ развращаютъ нравы, но всегда мужчина, удаляющійся ихъ обществъ, теряетъ любезность“, сказалъ де-Лиль. Но, признаюсь, этой пользы, отъ пребыванія женщинъ въ укрѣпленіяхъ, мужчинамъ ожидать нельзя. Впрочемъ, и этотъ принцъ, при Екатеринѣ II-й, высказалъ свою мысль не о затворницахъ въ укрѣпленіяхъ, а о дамахъ большого свѣта. Мужчины въ укрѣпленіяхъ—въ положеніи дикихъ островитянъ, съ тою только разницею, что дикихъ веселятъ мѣдные бубенчики, а ихъ—извините—звуки стеклянной посуды.

Въ этотъ же день, въ 4 часа вечера, пароходъ легъ въ дрейфъ передъ Псезуапѣ; я, съ полковникомъ, посѣтилъ фортъ Лазарева. Этотъ фортъ, какъ уже извѣстно, первымъ взятъ былъ горцами; онъ снабдилъ ихъ порохомъ и далъ имъ смѣлость дерзнуть на другія укрѣпленія, послѣдствіемъ чего, какъ уже извѣстно, было взятіе другихъ укрѣпленій. Нынѣ этотъ фортъ возобновленъ совершенно по тому же плану; только построень съ большею тщательностію, усиленъ палисадомъ и вооруженъ крѣпостною и полевою артилеріею, а не морскою съ кораблей, какъ это, по торопливости и, сказать правду, неосмотрительности, сдѣлано было въ 1838 году. Здѣсь я нашелъ стараго своего сослуживца по могилевскому полку, съ которымъ дѣлалъ походы въ турецкую войну 1828 и 1829 годовъ и въ Царствѣ Польскомъ 1831 года, майора барона фонъ-Менгдена. Въ половинѣ 9-го, мы увидѣли огни на Сочи, и въ 10-мъ часу бросили якорь передъ укрѣпленіемъ Навагинскимъ, а на другой день осматривали укрѣпленіе; оно построено на скатѣ горы, вершина которой, находясь отъ него наполовину пушечнаго выстрѣла, доставляетъ непріятелю всѣ средства обстрѣливать внутреннее пространство укрѣпленія, такъ какъ фронтъ, обращенный въ вершинѣ горы, не дефилированъ; а въ зрительную трубу непріятель можетъ наблюдать за всѣми дѣйствіями въ укрѣпленіи, въ чемъ соглашался со мною и полковникъ Хлюпинъ. Во рву, передъ куртинею этого фронта, устроенъ каменный капониръ, на которомъ красовался двухъ-этажный деревянный блокгаузъ, для невѣдомой цѣли. Послѣ моихъ замѣчаній, рассказывали намъ, что 27-го іюля горцы, дѣйствительно, поставивъ на высотѣ чегыре орудія, открыли огонь по укрѣпленію и окончили 29-го числа: повредили стѣны казармъ; взорвали гранатами блокгаузъ, въ которомъ, на случай приступа, заготовлено было 500 ручныхъ гранатъ; при этомъ взрывѣ погибло 8-мъ человекъ; а во время канонады убыло изъ строя 21 человекъ. Во время нашего пріѣзда всѣ поврежденія были уже исправлены.

XII.

Лагерь при укр. Св. Духа. Болѣзни и смертность. Выступленіе отряда съ Адлера. Фальшивая тревога. Рукопашная схватка съ горцами. Прибытіе отряда въ укрѣпленію Навагинскому. Молва въ отрядѣ о многочисленности непріятеля. Амбаркація отряда. Возвращеніе на зимнія квартиры. Полковой театръ.

Въ тотъ же день, то есть, 10-го августа, въ 8-мь часовъ утра, я вышелъ на берегъ на Адлерѣ. Полкъ нашъ стоялъ тамъ при укрѣпленіи Св. Духа на р. Мдымте лагеремъ, и, какъ командиръ полка назначилъ меня баталіоннымъ адъютантомъ въ 3-й баталіонъ, то я въ тотъ же день явился къ командиру баталіона, маіору Льву Львовичу Хромову и поселился въ трехъ соединенныхъ палаткахъ, вмѣстѣ съ поручикомъ Иліодоромъ Сергѣевичемъ Кушелевымъ, прапорщикомъ графомъ Толстымъ и съ разжалованнымъ изъ профессоръ виленскаго университета, Ордынскимъ. Мы имѣли общій столъ; вѣдущей челоѣкъ Кушелева замѣнялъ намъ повара. Шатеръ нашъ былъ такъ устроенъ, что въ немъ образовался залъ и двѣ комнаты; одну занималъ Кушелевъ, другую—я съ Ордынскимъ; а какъ Толстой никогда ничѣмъ не занимался, только напѣвалъ да насвистывалъ вуплетики и курилъ постоянно сигару, то мѣсто его лежанія было не означено въ такъ называемой нами залѣ, въ которой мы обѣдали и совершали оргіи. Картежной игры у насъ не было; за то, по сосѣдству, у командира баталіона, днемъ и ночью шла игра.

Четыре баталіона нашего полка въ то время имѣли подъ ружьемъ никакъ не менѣе 700 челоѣкъ каждый. Начались ученья, смотры и незначительныя работы. Была засуха,—днемъ нестерпимый жаръ, ночью сырой холодъ; окрестныя болота гниютъ, воздухъ дѣлается тяжелымъ; появились желтыя лихорадки; люди начинаютъ болѣть, и открылась значительная смертность: 20-го августа похо-

ронили лекаря Германа; 5-го сентября, наканунѣ дня моихъ именинъ, скончался мой благодѣтель, генераль-маіоръ фонъ-Бринкъ, не получившій посланнаго отъ меня изъ Анапы, чрезъ командира тендера лейтенанта Десятаго, въ память моей благодарности, замѣчательнаго трехграннаго кинжала, временъ крестовыхъ походовъ, какъ значилось по латинской надписи на клинкѣ. Этотъ кинжалъ, при легкомъ ударѣ, пробивалъ двойной панцырь; ножны и ручья были оправлены въ турецкомъ вкусѣ, серебромъ, подъ позолоту; кинжалъ этотъ, въ Анапѣ, я съ большимъ трудомъ вымѣнялъ у старшины немирнаго аула. Послѣ похоронъ Е. Е. фонъ-Бринка, меня спросили: что бы написать на могильномъ крестѣ этого добраго человека?—Нанишите просто: „блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрѣтъ“, отвѣтилъ я, и это мое предложеніе было исполнено. Вскорѣ послѣ этого, именно—16-го числа, умеръ начальникъ дружины сванетовъ, а изъ числа трехсотъ человекъ этой дружины осталось всего сорокъ человекъ, которые, вмѣстѣ съ тѣломъ своего начальника, отплыли восвояси. Мы похоронили двухъ офицеровъ изъ гарнизона укрѣпленія; двухъ нашего полка. Прибывшіе 26-го августа изъ Крыма, четыре баталіона 13-й пѣхотной дивизіи, полковъ: брестскаго и бѣлостокскаго пѣхотныхъ, виленскаго и литовскаго егерскихъ, хотя и потерпѣли отъ болѣзней, но не обезсилились до такой степени, какъ нашъ полкъ, который, въ день выступленія отряда, 8-го октября, вывелъ подъ ружье 860 человекъ. Незадолго до выступленія отряда съ Адлера къ укрѣпленію Навагинскому, я написалъ эпитафію на смерть Егора Егоровича фонъ-Бринка.

Эпитафія его превосходительству генераль-маіору и кавалеру Егору Егоровичу фонъ-Бринку.

Почій, достойный сынъ отчизны!

Дѣлами добрыми и истиной святой

Ознаменованъ путь твоей короткой жизни;
О вѣренныхъ тебѣ ты пекся какъ родной.
Въ сраженьяхъ—первый ты; но смерть тебя щадила:
Рокъ не судилъ тебѣ пасть съ храбрыми въ рядахъ,
Вдали отъ родины взяла тебя могила;
Но дѣти родины благословляютъ прахъ.

Медленный сборъ милиціи, по причинѣ бунта въ Гуріи, задержалъ нашъ отрядъ на Адлерѣ, который, къ досадѣ нашей, слишкомъ два мѣсяца собирался сдѣлать нашествіе на землю убыховъ. Два мѣсяца—такое время, въ которое не только убыхи, имѣющіе земли какихъ нибудь 150 квадратныхъ верстъ, но все побережье линіи могло ополчиться и приблизиться къ отряду.

Мы, маленькіе люди, въ лагеряхъ не знали и не разгадывали обширныхъ плановъ начальника отряда; его почти никто не видѣлъ объѣзжающимъ лагерь или цѣпь; никто не зналъ, какою дорогою пойдѣмъ къ убыхамъ; но каждый понималъ, что отрядъ долженъ былъ двинуться въ горы по ущелью, вникая въ смыслъ названія нашей экспедиціи, которую величали: „экспедиція въ землю убыховъ“. Между тѣмъ, убыхскіе стратегики предугадали намѣренія отряднаго генія, и, судя по заваламъ, которые впоследствии пришлось занимать намъ съ боя, они, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ трудились надъ укрѣпленіемъ прибрежной дороги; эту дорогу можно назвать до крайности рискованною и могущею быть избранною только для спасенія остатковъ разбитаго отряда; достаточно сказать, что, въ случаѣ бури, при юго-западномъ вѣтрѣ, эта дорога была бы не только непроходима, но просто гибельна для отряда: корабли должны бы были удалиться отъ береговъ, изъ опасности потерѣть крушеніе, на такое разстояніе, съ котораго нельзя бы было обстрѣливать горъ и скалъ, составлявшихъ правую сторону пути; съ этихъ высотъ и изъ за приготовленныхъ заваловъ непріа-

тель, не тратя пороха, могъ бы безнаказанно громить отрядъ камнями, между тѣмъ, какъ съ лѣвой стороны, прибоемъ волнъ, увлекало бы въ море обозы, вьюки, лошадей, людей и даже артилерію;—кто знаетъ бури у восточныхъ береговъ Чернаго моря, тотъ совершенно согласится съ этимъ заключеніемъ. Сверхъ сего, походъ прибрежною дорогою доставилъ непріятелю средства соединить свои силы на одной только правой сторонѣ (по движенію отряда) и укрѣплять одну только эту сторону; тогда какъ, при движеніи отряда чрезъ ущелья, онъ необходимо долженъ бы былъ раздробить свои силы, не только съ цѣлью поражать отрядъ съ двухъ сторонъ, но чтобы, по возможности, обезпечить аулы, спасти имущество и семейства, совершенно не зная, куда начальникъ отряда направить свои силы, или на какой аулъ укажетъ слѣжать набѣгъ; надо еще замѣтить, что по прибрежью, отъ ущелья до ущелья, на горахъ нѣтъ ауловъ, по неимѣнію прѣсной воды. Мнѣніе, что морская артилерія, при слѣдованіи отряда берегомъ, разрушая завалы и отгоняя непріятеля съ вершинъ горъ, могла содѣйствовать движенію отряда—совершенно было ложно и не оправдалось на дѣлѣ: артилерія съ кораблей не могла дѣйствовать картечью, иначе, она поражала бы своихъ, какъ въ колоннѣ, такъ и въ стрѣлковой цѣпи; да и картечь, при встрѣчѣ покрытыхъ лѣсовъ, пологостей горъ и крутизны скалъ, не могла производить рикошетовъ, а слѣдовательно, не достигала цѣли своего назначенія; приходилось дѣйствовать ядрами и гранатами,—а кто не знаетъ, какое ничтожное дѣйствіе эти снаряды производятъ на разсыпной строй или на такого непріятеля, какъ наши горцы, дѣйствующіе вразсыпную.

Октября 8-го, въ два часа ночи, отрядъ началъ выходить на дорогу и строиться въ походный порядокъ, принятый на Кавказѣ при слѣдованіи въ горахъ—только безъ лѣвой цѣпи, такъ какъ отрядъ долженъ былъ слѣдовать берегомъ моря. Дали сигналъ, отрядъ двинулся. Корабль „Трехъ іерарховъ“, фрегатъ „Тенедось“, буксируемые пароходами „Могучимъ“ и „Бойцемъ“, лодки азов-

сихъ казаковъ, вооруженныя каронадами большаго калибра, баркасы съ корабля и фрегата, такъ сказать, составляли лѣвую цѣпь и слѣдовали по движенію отряда. Правая цѣпь, подъ командою полковника Хлюпина, сначала, слѣдуя чрезъ земли мнимо-покорныхъ джигетовъ, шла подъ прибрежными скалистыми обрывами, безпрестанно мѣшаясь съ баталіонами, идущими въ колоннѣ, и съ выюками. Граница джигетовъ и убыховъ, какъ вообще въ горахъ, неопредѣлена и неизвѣстна самимъ жителямъ. Время было за полдень; правая цѣпь шла при колоннѣ, и мы, кажется, считали себя въ землѣ джигетовъ. Вдругъ, нѣсколько человекъ стрѣлковъ въ авангардѣ замѣтили, вправо на высотѣ, двухъ горцевъ, сдѣлали по нимъ выстрѣлы; а такъ какъ войска, составлявшія колонну, видѣли правую цѣпь идущею не по высотамъ, какъ это всегда бывало въ ущельяхъ, а при колоннѣ, и, по распространившимся въ отрядѣ слухамъ, что убыхи въ значительномъ сборѣ ожидаютъ насъ у границъ своей земли, то въ одно мгновеніе, послѣ выстрѣловъ въ авангардѣ, невольно въ войскахъ, особенно въ милиціи, блеснула мысль, что ближайшія высоты по всему протяженію отряда заняты убыхами, и войска въ головѣ колонны открыли батальный огонь по высотамъ. Нескромность состоявшихъ при штабѣ офицеровъ, неаккуратность въ допросѣ плѣнныхъ убыховъ и преувеличенные рассказы лазутчиковъ, еще до выступленія отряда, распространили слухъ о многочисленности убыховъ; даже прямо опредѣляли, что ихъ въ сборѣ до 9,000. Регулярныя войска, обезсиленные болѣзнями, зная свою малочисленность, мало надѣясь на горскую дружину и, что свойственно солдатамъ, подозрѣвая милиціонеровъ во всегдашней готовности къ измѣнѣ, такъ сказать, были подготовлены къ паникѣ, и потому, при открытіи огня въ авангардѣ, всѣ войска въ колоннѣ послѣдовали тому же примѣру, а милиція, какъ вообще горцы, при этой неожиданности, совершенно растерялась; при чемъ, большая часть самурзаканской конницы спѣшилась и открыла пальбу чрезъ сѣдла. Тоже самое повторилось въ арьергардѣ,

когда онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ случилась первая фальшивая тревога, хотя уже тамъ не показывалось ни одного убыха. Въ теченіи этого перехода, фальшивыя тревоги въ колоннѣ повторялись четыре раза и даже тогда, когда, послѣ тревоги въ арьергардѣ, правая цѣпь шла уже по высотамъ. При этихъ тревогахъ, въ колоннѣ оказалось раненыхъ нѣсколько человекъ и лошадей; можетъ быть, и наблюдавшіе съ незанятыхъ высотъ за движеніемъ отряда убыхи, при этомъ случаѣ, пустили нѣсколько пуль въ колонну. Послѣ занятія высотъ цѣпью, начали встрѣчаться завалы. Завалы эти обыкновенно горцы сооружаютъ изъ срубленныхъ съ вѣтвями деревьевъ, колючихъ кустарниковъ, камней, хвороста и земли, вынутой изъ неглубокаго ровика, дѣлаемаго всегда за заваломъ. По приближеніи авангарда къ завалу, морская артилерія открывала по немъ огонь ядрами и гранатами, которые, разрушая завалы, дѣлали ихъ только, такъ сказать, ниже, но за то — шире, разбрасывая бревна, колючки и камни; такое разрушеніе, когда по сигналу прекращалась пальба съ флота, и баталіоны съ крикомъ ура! бросались на завалы, задерживало только стрѣлковъ и атакующую колонну, перебивавшуюся чрезъ эти препятствія, подъ огнемъ непріятеля, лишая самыя войска возможности отстрѣливаться; между тѣмъ, горцы, какъ только открывался огонь съ кораблей, составляли завалы, сбѣгали въ ближайшіе овраги и выжидали только крика ура; съ этимъ крикомъ открывали огонь по штурмующимъ и затѣмъ, бросались въ пашки. При этомъ случаѣ намъ много помогала горная артилерія, встрѣчая толпы горцевъ картечью, прежде чѣмъ они могли смѣшаться съ штурмующими завалы. Надо отдать полную справедливость дѣйствию авангарда и вообще, баталіонамъ, участвовавшимъ въ приступахъ. Горная артилерія удивляла насъ порядкомъ, быстротою, вѣрностію выстрѣловъ, дѣйствуя подъ сильнымъ и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ убыховъ. Въ этотъ день, то есть, 8-го октября, 4-й баталіонъ, вмѣстѣ съ абхазскою милиціею, занялъ въ арьергардѣ гору, на время остановки отряда, по случаю

встрѣченнаго на дорогѣ, прямо противъ авангарда, большаго завала. Убыхи, можетъ быть, и съ частью джигетовъ, открыли первоначально перестрѣлку съ абхазцами, которые шли впереди баталіона; абхазцы отступили; остался только баталіонъ, имѣвшій подъ ружьемъ менѣе двухсотъ человѣкъ. Перестрѣлка утомляла; отрядъ двинулся; баталіону приказано спускаться съ горы. Какъ только подали сигналъ отступленія, убыхи бросились на баталіонъ; завязался рукопашный бой. Баталіонъ отступилъ съ значительною потерей, оставивъ на мѣстѣ своихъ убитыхъ, въ томъ числѣ поручика Эшопара и отданнаго въ солдаты изъ профессоровъ—Ордынскаго (*).

Ночлегъ отряда, съ 8-го на 9-е октября, надо считать однимъ изъ особенно замѣчательныхъ въ кавказской войнѣ: часа за два до заката солнца, оставивъ за собою версты за двѣ маленькую рѣчку, вытекающую изъ горъ, съ превосходною водою, мы остановились у рѣчки, протекающей чрезъ болотистую мѣстность, вода въ которой была мутна и чисто соленая; между тѣмъ, какъ версты за три впереди, что мы узнали при дальнѣйшемъ движеніи, была хорошая вода, о чемъ можно было узнать отъ лазутчиковъ. Около рѣчки, при которой мы остановились для ночлега, между грядями горъ, образовалась незначительная площадка, покрытая густымъ кустарникомъ, имѣвшая пространства не болѣе 60-ти квадратныхъ сажень; на эту-то площадку помѣстили всѣ пѣшія войска, слѣдовавшія въ колоннѣ; тѣснота была необыкновенная; не только негдѣ

(*) Эшопаръ, по фізіономіи, принадлежалъ къ племени индѣйцевъ; и, дѣйствительно, по его словамъ, отецъ его былъ испанецъ, а мать индіанка; его вывезъ въ Россію адмиралъ Литке, возвратясь изъ кругосвѣтнаго путешествія. Во время схватки съ горцами, при немъ находился подпрапорщикъ Мищенко, который, получивъ четырнадцать ранъ, лежалъ рядомъ съ Эшопаромъ, и ночью, возвратясь въ отрядъ совершенно голымъ, окровавленный, говорилъ, что онъ оставилъ Эшопара еще живымъ.

было развести огня, но даже не было мѣста прилечь солдатамъ. Въючныя лошади, котлы, козлы ружей, солдатскія торбочки, все это было перемѣшано, какъ будто эти войска, послѣ сильнаго пораженія, столпились въ кустарникѣ и ищутъ случая скрытно уйти отъ непріятеля. 9-го числа, по неизвѣстнымъ причинамъ, отрядъ стоялъ въ этомъ безпорядкѣ до 11-ти часовъ; между тѣмъ, корабль и фрегаты, какъ будто для того, чтобы созвать убыховъ, открыли канонаду по завалу, отстоящему отъ авангарда, по крайней мѣрѣ, въ полуверстѣ. Наконецъ, отрядъ двинулся; началась сильная перестрѣлка въ авангардѣ и въ правой цѣпи, продолжавшаяся до заката солнца. Солнце сѣло, перестрѣлка умолкла. Нашъ 3-й баталіонъ уже въ темнотѣ занялъ гору нѣсколько впереди авангарда; ниже, сзади насъ, на уступѣ той же горы — 4-й баталіонъ. Нельзя было не предвидѣть, что, съ разсвѣтомъ, горцы сдѣлаютъ нападеніе на этотъ пунктъ; между тѣмъ, баталіоны, которымъ ни одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, какъ это дѣлалось въ прежнія экспедиціи, не указалъ мѣста и порядка строя, для ночлега, стали по указанію вовсе несвѣдущаго и неопытнаго въ военномъ дѣлѣ маіора Хромова (4-мъ командовалъ капитанъ); на мои замѣчанія, какъ баталіоннаго адъютанта и неотлучнаго спутника командира, я получалъ отвѣтъ: „не ваше дѣло“. Люди были утомлены походомъ по горамъ, оврагамъ и безъ приваловъ, при постоянной перестрѣлкѣ; не ѣли цѣлый день; весь отрядъ расположился ночлегомъ на мѣстѣ, гдѣ не было воды; а сухой сухарь въ сухое горло не слишкомъ пойдетъ; часу въ 10-мъ догадались — послали на корабли за водою! Меня съ горы командировали на берегъ за пріемомъ воды; дали по двѣ манерки въ ротъ. Между тѣмъ, полковникъ Хлюпинъ, командовавшій цѣпью, прибылъ къ баталіону и поставилъ 3-ю гренадерскую роту фронтомъ по продолженію фронта авангарда, нѣсколько впереди послѣдняго, такъ что, въ случаѣ надобности, 2-й взводъ этой роты, сдѣлавъ перемѣну фронта правымъ флангомъ впередъ, могъ бы фланкировать съ высоты фронтъ авангарда; 7-ю мушке-

терскую роту—фронтомъ по направленію правой цѣпи; 8-ю и 9-ю, въ дивизионной колоннѣ, въ серединѣ этого полукруга такъ, чтобы онѣ могли, въ случаѣ нужды, подкрѣпить какъ 3-ю гренадерскую, такъ и 7-ю мушкетерскую роты. 4-й баталіонъ, поставленный на уступѣ, въ видѣ главнаго резерва, стоялъ въ дивизионной колоннѣ фронтомъ къ правой цѣпи. Это расположеніе ротъ имѣло впереди себя цѣпь застрѣльщиковъ, съ резервами, которая правымъ своимъ флангомъ примыкала въ оврагъ къ лѣвому флангу цѣпи баталіона виленскаго полка. Тишина ночи не была нарушена ни однимъ выстрѣломъ. Между тѣмъ, непріятель, въ довольно значительномъ числѣ, пользуясь темнотою ночи и густымъ лѣсомъ, покрывавшимъ здѣсь всю мѣстность, подползъ къ цѣпи 7-й роты; съ разсвѣтомъ, цѣпь, замѣтивъ непріятеля, открыла огонь; завязалась перестрѣлка; цѣпь была усилена. Въ это же время убухи, большими толпами, быстро дебушировали изъ ущелья противоположнаго углу каре, поспѣвая къ мѣсту перестрѣлки; тутъ, вскорѣ изъ колонны прибылъ къ баталіону начальникъ штаба, полковникъ Филипсонъ, и, съ барабаннымъ боемъ, при крикахъ ура! двинулъ 3-й баталіонъ въ штыки на собравшіяся толпы, предупредивъ ихъ намѣреніе броситься въ шашки. Завязался рукопашный бой, и горцы штыками были вынесены на вершину противоположной высоты; 4-й баталіонъ занялъ ущелье, изъ котораго вышелъ непріятель. Во время преслѣдованія горцевъ, послѣ рукопашной схватки, прибылъ къ 3-му баталіону 6-й пѣшій казачій полкъ, и этотъ полкъ, съ баталіономъ, довершилъ пораженіе бѣгущаго непріятеля; цѣпь была восстановлена и приведена въ порядокъ. Баталіонъ виленскаго полка, по причинѣ чрезвычайно затруднительнаго подъема изъ оврага, въ которомъ онъ провелъ ночь, прибылъ къ мѣсту сраженія уже на вершинѣ занятой полковникомъ Филипсономъ горы. Гибельный ударъ, нанесенный этимъ сраженіемъ непріятелю, обезпечилъ правую цѣпь такъ, что послѣ этого дѣла, до самой Сочи, гдѣ построенъ фортъ Навагинскій, непріятель почти не показывался и довольствовался

только незначительною перестрѣлкою съ аріергардомъ. Потеря 3-го баталіона въ этомъ дѣлѣ состояла: убиты—поручикъ Титовъ, унтеръ-офицеровъ 2, рядовыхъ 7; ранены: штабсъ-капитанъ Мякининъ, поручикъ Росляковъ, унтеръ-офицеровъ 6, рядовыхъ 27. Собрано 3-мъ баталіономъ на мѣстѣ и съ непріятельскихъ тѣлъ оружія: пашекъ 14, кинжаловъ 9, ружей 22, луковъ 5, стрѣлъ до 15. Послѣ этого дѣла и предшествовавшаго дѣла въ авангардѣ, при взятіи завала, когда убили адъютанта корпуснаго командира, капитана гвардіи Лауница, генераль-маіоръ Муравьевъ принялъ командованіе авангардомъ. Муравьевъ—храбрый генераль, но, какъ видно, мало опытенъ и мало знакомъ съ порядкомъ боевыхъ движеній въ горахъ. Онъ забылъ, что голова правой цѣпи должна слѣдовать неразрывно съ правымъ флангомъ цѣпи авангарда, а роты, въ видѣ резервовъ, слѣдующія рядами за боковою цѣпью, не должны терять изъ вида ротъ, идущихъ въ авангардѣ развернутымъ фронтомъ, и, въ нарушеніе этихъ извлеченныхъ изъ опыта правилъ, взялъ двѣ роты изъ авангарда и форсированнымъ маршемъ двинулся къ Сочи, даже не извѣстивъ правой цѣпи о предпріятомъ имъ движеніи. Эта цѣпь, зная свою обязанность, сначала слѣдовала, соображаясь съ движеніемъ сказанныхъ двухъ ротъ, идущихъ по безлѣсной равнинѣ; но сама, продираясь чрезъ густой вѣковой лѣсъ, безпрестанно спускаясь въ овраги и подымаясь на высоты, необходимо разорвалась; и наконецъ, утомленная этимъ бѣшенымъ движеніемъ авангарда, отъ него отстала, и чрезъ это, конечно, могла бы быть обойдена и поставлена между двухъ огней, если бы убыхи умѣли воспользоваться случаемъ и не потерялись послѣ послѣдняго дѣла; а взятые генераломъ Муравьевымъ двѣ роты могли быть истреблены, если бы непріятель строже наблюдалъ за нашими движеніями. Говорятъ, что это быстрое движеніе двухъ ротъ сдѣлано было съ цѣлью занять высоту, съ которой горцы въ іюлѣ мѣсяцѣ стрѣляли изъ орудій по форту Навагинскому. Вопросъ: если бы горцы и дѣйствительно заняли ту высоту, то не-

ужели генераль Муравьевъ думалъ съ двумя ротами скинуть толпы убыховъ съ горы? Неужели фортъ, поставленный въ безопасность ожиданіемъ съ часу на часъ прибытія отряда, не могъ бы сосредоточить всю свою артилерію на бастіонахъ фронта, обращеннаго къ высотѣ, и, открывъ канонаду, согнать непріятеля, который, конечно, имѣя въ рукахъ ту высоту, въ противномъ случаѣ могъ бы безнаказанно стрѣлять по отряду, выходящему на позицію, и при занятіи мѣстъ для устройства лагеря.

Наконецъ, 10-го октября, отрядъ вошелъ въ ущелье къ укрѣпленію Навагинскому, и, къ 7-ми часамъ вечера, занята уже была позиція и разбитъ лагерь. Вскорѣ по прибытіи отряда, по распоряженію отряднаго штаба, мнѣ приказано было, съ открытымъ предписаніемъ, объѣхать на баркасѣ всѣ суда принадлежащей отряду флотиліи и привести въ извѣстность число убитыхъ и раненыхъ, находящихся на судахъ. Я кончилъ это порученіе къ 11-ти часамъ ночи; при чемъ, оказалось убившими изъ строя во время похода 8-го, 9-го и 10-го чиселъ, отъ Адлера до Сочи, изъ всѣхъ частей войскъ и милиціи, штабъ и оберъ-офицеровъ 37, нижнихъ чиновъ 634. На другой день, убитые, не оставленные на мѣстѣ сраженія и умершіе отъ ранъ на корабляхъ, перевезены были на берегъ и съ надлежащими почестями преданы землѣ. Не прошло трехъ-четырехъ дней, какъ пошли по отряду толки и ропотъ на генерала Анрепа, который, по занятіи позиціи на Сочи, не объѣхалъ отряда, не поздравилъ войска съ побѣдою, не ободрилъ ихъ для дѣйствій на будущее время; а между тѣмъ, рассказывали, что горцы и самъ Берзекъ (*) распространяли слухи въ горахъ о безсиліи русскихъ: говорили, что, если бы не флотъ, то отрядъ не

(*) Убыхскій старшина Хаджи Берзекъ, семидесятилѣтній старецъ, потерявшій въ послѣдніе два дня, изъ девяти своихъ сыновей, четырехъ убитыми; остальные, израненные, принесены въ отцовскій домъ.

дошелъ бы до Сочи; что русскій отрядъ идти уцелѣемъ побоялся; даже въ отрядѣ, умы менѣе прозорливые, особенно между милиціонерами, въ своихъ разговорахъ, проводили ту же мысль—что, конечно, имѣло невыгодное нравственное вліяніе на нижнихъ чиновъ. Дабы убыховъ лишить средствъ въ будущемъ—вредить форту пушечными выстрѣлами съ ближайшей высоты, о которой говорено было выше, и отъ которой, какъ уже было сказано, укрѣпленіе не дефилировано, предпринято было перенести туда одинъ изъ блокгаузовъ и обнести оный каменною стѣною; а для сообщенія съ фортомъ—устроить капониръ. 14-го числа приступили къ заложенію этого блокгауза; постройка продолжалась во все время пребыванія отряда на Сочи; на работы высылались нижніе чины отъ черноморскихъ пѣхотныхъ казачьихъ полковъ и часть отъ регулярныхъ войскъ; а милиція, получая значительное содержаніе, повременамъ, вмѣстѣ съ войсками, ходила только на фуражировку. Наконецъ, 7-го ноября, это малополезное устройство блокгауза и капонира было окончено. Между тѣмъ, отрядъ, со дня на день, ожидалъ выступленія въ горы, чтобы, если уже не покорить убыховъ, то, по крайней мѣрѣ, отмстить имъ за взятіе нашихъ укрѣпленій. Вмѣсто этого, мы видѣли только ту же медленность, которая была на Адлерѣ. Безпрестанная перемѣна приказаній показывала нерѣшительность начальника, а медленность давала Берзеку, съ приверженцами, поддержать нравственную силу убыховъ и поправить свое на нихъ вліяніе, сильно упавшее послѣ большой потери и неудачи горцевъ, которые, надѣясь на успѣхъ, оставивъ аулы, женъ, дѣтей, собравъ послѣднее свое достояніе, явились, можетъ быть, за 50 и 60 верстъ изъ горъ, къ берегу, и принесли, при возвращеніи въ дома свои, только раненыхъ, да тѣла убитыхъ. Нельзя сказать, чтобы и отрядъ пылалъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ; скорѣе скажу, что отрядъ упалъ духомъ, не слыша никакого одобренія, и, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе замѣчая нерѣшительность начальника отряда, который, не показавъ убыхамъ силы-могущества отря-

да, не разоривъ у нихъ ни одного аула, открылъ съ ними переговоры о покорности,—тогда какъ слово покорность не существуетъ и въ языкѣ горцевъ. Конечно, если бы сейчасъ по прибытіи къ Сочи, двинуться подъ аулы; если бы, не давъ опомниться убыхамъ, воспользоваться ихъ раздорами, которые обыкновенно возникаютъ между горами послѣ неудачъ, и упреками ихъ Берзеку, поклявшемуся аллахомъ не пропустить русскихъ въ Сочу,—то, можетъ быть, новыя быстрыя пораженія непріятеля и разореніе его ауловъ повели бы къ какому нибудь благопріятному результату. Но отрядъ стоялъ безъ дѣйствія; Берзекъ умѣлъ пользоваться медленностію русскихъ, поправилъ свою репутацію, возстановилъ вновь къ себѣ довѣріе и уваженіе, потерянные имъ, какъ уже сказано, чрезъ пропускъ русскихъ къ Сочи, доказалъ соотечественникамъ, что русскіе, безъ морской артилеріи, не рѣшятся идти въ горы. Я самъ слышалъ отъ одного лазутчика, что Берзекъ, подсмѣваясь надъ нами, такъ говорилъ убыхамъ: „вы замѣчаете медленность русскихъ,—они дожидаются, что ихъ Государь пришлетъ имъ награды и корабли, на которыхъ они поплывутъ по нашимъ ущельямъ съ большими пушками. Пусть стоятъ, говорилъ онъ, намъ меньше будетъ работы; съ помощію аллаха, если они не перемрутъ всѣ здѣсь, такъ половина ихъ убавится отъ болѣзней“. Второе ноября еще болѣе убѣдило непріятеля въ нашей нерѣшительности и даже въ упадкѣ духа въ войскахъ. Вечеру, съ 1-го на 2-е число ноября, приказано усилить цѣпь; если будутъ выстрѣлы въ лагерь—отряду не дѣлать тревоги; пѣшей дружинѣ въ этотъ вечеръ приказано пѣть пѣсни. Прошу разгадать военную хитрость отряднаго начальника: войска ничего не знаютъ, теряются въ догадкахъ. Поутру открылась тайна: вся кавалерія, выючныя лошади и часть артилерійскихъ, подъ командою генерала Муравьева, оставили отрядъ, и, какъ тати, тою же дорогою, которою мы шли, пробрались въ Адлеръ; вечеромъ же, неожиданные пушечные выстрѣлы въ лагерьъ были сигналами для сказанной рети-

рады. Между тѣмъ, мнимо-покоренные генераломъ Муравьевымъ джигеты, видя ничтожность нашихъ предпріятій противъ убыховъ, начали колебаться въ вѣрности, и 5-го ноябля, для доказательства преданности своей русскимъ, подъ укрѣпленіемъ Святаго Духа, сдѣлали нападеніе на пастьбу скота, въ прикрытіи изрубили офицера и 14 человѣкъ нижнихъ чиновъ; взяли нѣсколько въ плѣнъ и угнали всю скотину. Ночью, съ 7-го на 8-е число, мы зажгли засѣлки, сняли лагерь, отступили къ берегу, и началась амбаркація отряда; поутру кончили нагрузку, и все было на судахъ; въ 8-мъ часовъ снялись съ якоря—и тѣмъ кончили знаменитую экспедицію въ землю убыховъ, которая не принесла никакой пользы, разоривъ казну расходомъ на содержаніе дружинъ: мингрельской, имеретинской, гурійской, самурзаканской, и уронивъ въ глазахъ горцевъ достоинство русскаго оружія. Солдаты насмѣшливо называли эту экспедицію—нашествіемъ двадцати языковъ на землю убыховъ.

Въ то время, когда стояли мы на Адлерѣ, я, какъ „піить армейскій“, не упустилъ случая, и „подмахнулъ стишекъ злодѣйскій“,—вотъ онъ:

Солдатская пѣсня.

Друзья, мои товарищи,
Львы страшные въ бояхъ!
Пойдемъ въ походъ съ молитвою
И съ вѣрою въ сердцахъ.

* * *

Пойдемъ, и Божье солнышко
Освѣтитъ блескъ штыковъ—
На маковкахъ высокихъ горъ
И выше облаковъ.

* * *

Пойдемъ, отмстимъ, товарищи,
За штурмы крѣпостей,
Засыпемъ горцевъ пулями
За смерть своихъ друзей.

* * *

За Туапсе, Псезуапсе,
За Атакуафъ, Вуланъ,
Ты дорого расплатишься,
Проклятый басурманъ.

* * *

За кровь своихъ товарищей,
Умѣетъ мстить солдатъ:
За кровь ихъ, души нехристей
Стольнемъ штыками въ адъ (*).

* * *

За этими куплетами слѣдуютъ еще три куплета, написанные для домашняго солдатскаго обихода. Пѣсню эту пѣли въ ротахъ тенгинскаго полка, до отступленія генерала Муравьева; по возвра-

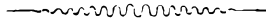
(*) Туапсе — укр. Вельяминовское; Псезуапсе — фортъ Лазарева; Атакуафъ — укр. Николаевское; Вуланъ — укр. Михайловское.

щеніи въ Черноморію, только подъ веселый часъ, наши тенгинцы затягивали три послѣдніе куплета, здѣсь не помѣщенные.

Полкъ нашъ, 8-го ноября, оставивъ укрѣпленіе Навагинское, 14-го числа вышелъ на берегъ близъ Тамани, на мѣстѣ, называемомъ „Тузла“. Отсюда я не пошелъ съ баталіономъ, но, по предложенію полковника Семена Ильича Хлюпина, отправился въ штабъ полка, въ селеніе Ивановское (въ Черноморіи); тамъ, командиръ поручалъ мнѣ производство полковыхъ уголовныхъ слѣдствій и назначалъ за депутата, если слѣдствіе зависѣло отъ казачьяго вѣдомства. Но главною моею обязанностію было—завѣдывать полковымъ театромъ по искусственной и репертуарной частямъ, а хозяйственная часть была въ полномъ распоряженіи брата полковника, капитана Василя Ильича Хлюпина, командовавшаго учебною командою, къ которой были прикомандированы всѣ юнкера. Вотъ эти-то господа, вмѣстѣ съ кантонистами изъ пѣвческаго хора и писарей, замѣняли у насъ актеровъ и актрисъ; иногда нѣкоторые главныя роли брали на себя и молодые офицеры. Репертуаръ театра составляли комедіи и водевили изъ свѣтской жизни, по возможности подходящіе къ народному и солдатскому быту, или, по крайней мѣрѣ, имѣвшіе между дѣйствующими лицами роли крестьянъ, крестьянокъ, солдатъ, мѣщанъ, словомъ—чтонибудь изъ сельской жизни; но, какъ при всемъ стараніи командира полка, встрѣчалось большое затрудненіе въ приобрѣтеніи подобныхъ пьесъ, то я, чтобы по возможности пополнить этотъ пробѣлъ репертуара, написалъ мелодраму, подъ названіемъ „Русскій солдатъ“, въ трехъ актахъ: 1—рекрутъ, 2—плѣнный и бѣглый, 3—солдатъ на родинѣ. Командиръ полка одобрилъ пьесу, и она, поставленная на полковомъ театрѣ, очень понравилась нашимъ зрителямъ, такъ что нѣсколько разъ сряду пришлось давать ее на нашей сценѣ, а послѣ того, почти къ каждому спектаклю, добавляли первый или третій актъ моей мелодрамы; второй, по затрудненію въ постановкѣ, ни одного раза не давали; только изъ него брали въ дивертиссемен-

тахъ хоры, аріи и дуэты, музыка на которые была оригинальная, подобранная въ кадансъ мѣры стиховъ, офицерами, знавшими мотивы изъ старинныхъ романсовъ, пѣсенъ и другихъ музыкальных сочиненій. Товарищи въ шутку называли меня директоромъ театра.

М. Ф. Федоровъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ „Походнымъ запискамъ“.

I.

Пріѣздъ намѣстника кавказскаго, князя Михаила Семеновича Воронцова, въ г. Ставрополь, 27 сентября 1845 года.

Въ это время я, въ чинѣ подпоручика, состоялъ по особымъ порученіямъ при командующемъ войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи, генераль-отъ-кавалеріи Николаѣ Степановичѣ Заводскомъ, и записалъ событія этого дня, какъ памятнаго для жителей города и войскъ, тамъ квартировавшихъ.

„Сорокъ лѣтъ назадъ я началъ также службу на Кавказѣ, подъ начальствомъ знаменитаго князя Циціанова, былъ съ нимъ подъ Елисаветполемъ; былъ съ храбрымъ Гуляковымъ на Алазани и въ Закаталахъ, опять съ Циціановымъ при покореніи Имеретіи; потомъ на знойныхъ поляхъ эриванскихъ и зимою — въ снѣжныхъ горахъ осетинскихъ. Съ молодыхъ лѣтъ я научился и привыкъ удивляться подвигамъ храбрыхъ воиновъ кавказскихъ“ (*).

Такъ Михаилъ Семеновичъ привѣтствовалъ Высочайше ввѣренныя ему войска, предназначенныя дѣйствовать на Кавказѣ.

(*) Приказъ по отдѣльному кавказскому и 5-му пѣхотному корпусамъ, — марта 14-го дня, 1845 года, гор. Керчь.

Сорокъ лѣтъ назадъ!... Много-ли осталось воиновъ, сражавшихся за освобожденіе Грузіи отъ угнетеній иновѣрныхъ сосѣдей? Кто расскажетъ, какъ очевидецъ, о славномъ штурмѣ крѣпости Ганджи, которая, съ десяти тысячнымъ гарнизономъ, въ полтора часа времени взята приступомъ горстью русскихъ (1)? Много-ли тѣхъ, которые мстили джаро-бѣлоканскимъ лезгинамъ, за набѣги на Кахетію, уничтожили партіи соучастниковъ ихъ — хановъ аварскаго и кази-кумыкскаго, поражали лезгинъ на берегахъ Алазани, въ чудной схваткѣ, устлали тѣлами ихъ ущелье Закагалы (2)? Много-ли тѣхъ, которые внесли знамена русскія въ границы Имеретіи (3) и для спокойствія Грузіи дрались съ многочисленными войсками Фетъ-Али-Шаха персидскаго, на степи вадаршапатской (4), и которые наказали осетинъ за набѣги на Карталинію (5)? А Михаилъ Семеновичъ былъ участникомъ во всѣхъ этихъ славныхъ подвигахъ русскаго войска на Кавказѣ... Вотъ какого главнокомандующаго имѣютъ теперь войска кавказскія!

Да, протекло сорокъ лѣтъ, и въ рядахъ кавказскихъ воиновъ стали уже дѣти и внуки тѣхъ храбрыхъ кавказцевъ, которые въ то время дѣлили военные труды съ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ....

И вождей ужъ прежнихъ мало;
Много въ день великій пало
На поляхъ Бородина!
Позже—тѣхъ взяла война,
Тѣ—свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ, и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Бород. Годовщ. Ж.

Много утекло воды, говоря порусски, со временъ Циціанова: на стѣнахъ Елисаветполя, бывшей крѣпости Ганджи, сорокъ лѣтъ

гремитъ барабанъ русскій; на Алазани—процвѣтають христіанскія селенія; въ Закаталахъ — сторожить лѣсистое ущелье твердыня русская; Имеретія выставляетъ храбрую свою дружину, и, подъ знаменами русскими, наказываетъ хищниковъ-горцевъ; осетины забыли набѣги и благоденствуютъ подъ русскимъ правленіемъ; степи вадаршанатскія (*) вошли въ границы русскія.

А самый Ставрополь, который такъ радостно и богато встрѣтилъ князя намѣстника—что представлялъ за сорокъ лѣтъ назадъ? Небольшая крѣпостца, поставленная на высотѣ, гдѣ теперь красуется каменный соборъ во имя казанской Божіей Матери, обстрѣливалась небольшою станицу Хоперскую (6), обнесенную плетнемъ, а частію каменною стѣною съ бойницами. Гдѣ теперь домъ командующаго войсками, и гдѣ останавливался въ настоящій пріѣздъ князь Михаилъ Семеновичъ—былъ густой лѣсъ, съ единственнымъ источникомъ ключевой воды, куда жители крѣпости выходили за водою подъ прикрытіемъ роты, при орудіи. А теперь Ставрополь вмѣщаетъ 12,000 жителей (**), имѣетъ хорошій гостинный дворъ, каменный театръ, красивый бульваръ, а зданіями можетъ поспорить съ иными губернскими городами православной матушки-Россіи. Ставрополь не хвастунъ, не кричитъ про себя въ газетахъ; онъ мало говоритъ, да много дѣлаетъ;—даетъ въ пользу бѣдныхъ спектакли, концерты, пожертвованіями сооружаетъ храмы — православный соборъ и католическую церковь. Концертъ, данный здѣшними любителями музыки 5-го апрѣля, собралъ 1,200 рублей серебромъ и доставилъ случай бѣднымъ семействамъ истинно порадоваться въ

(*) Степи вадаршанатскія лежатъ между Эриванью и Эчмиадзиномъ.

Авт.

(**) Всѣ эти свѣдѣнія слѣдуетъ отнести ко времени написанія авторомъ настоящей статьи.

Ред.

первый день Пасхи, а послѣдній спектакль принесъ имъ 700 рублей.

Послушайте же теперь, какъ этотъ городъ, за сорокъ лѣтъ бѣдная станица, принялъ князя намѣстника, и подивитесь успѣхамъ просвѣщенія и промышленности, въ краѣ далекомъ отъ сердца и головы Россіи — отъ Москвы и Петербурга; въ краѣ, процвѣтающемъ не болѣе полувѣка, подъ сѣнію побѣдныхъ знаменъ роднаго воинства; въ краѣ, очерченномъ отъ враговъ - хищниковъ линіею казачьихъ пикетовъ на протяженіи болѣе 1,000 верстъ! Сравните минувшее съ настоящимъ, не заглядывайте далеко въ исторію, пробѣгите только военныя событія на Кавказѣ XIX вѣка — и васъ поразитъ успѣхъ русскаго оружія, о которомъ много говорятъ, да мало знаютъ.

27-го сентября, едва пронеслась молва по городу, что князь намѣстникъ, около пяти часовъ вечера, прибудетъ въ Ставрополь и остановится въ домѣ командующаго войсками — площадь предъ домомъ его превосходительства закипѣла народомъ; экипажи съ дамами выѣхали на дорогу въ Черноморію, откуда возвращался князь Михаилъ Семеновичъ; всѣ, отъ убогаго до богатаго, отъ мала до велика, спѣшили встрѣтить намѣстника. Кому изъ русскихъ незнакомо имя Воронцова? Кто не знаетъ добрыхъ дѣлъ его въ быту гражданскомъ и славныхъ подвиговъ на полѣ брани? И такъ, не одно любопытство влекло толпы народныя навстрѣчу его сіятельства: чувство благодарности, святое для русскаго сердца, пробудило въ народѣ желаніе встрѣтить посѣдѣлаго генерала, всю жизнь свою посвятившаго трудамъ, для пользы родины, и въ послѣднемъ походѣ этого года уничтожившаго гнѣздилище Шамиля—аулъ Дарго.

Прошло семь часовъ. Намѣстника не было. Плохая дорога, перерѣзанная глубокими балками, задержала Михаила Семеновича. Стемнѣло. Городъ освѣтился богатою иллюминаціею; дорога отъ города почти на версту была также освѣщена огнями; одноэтажный домъ командующаго войсками, не смотря на простенькій фа-

садъ свой, будучи со вкусомъ иллюминованъ, казался великолѣпнымъ. Въ девять часовъ толпы народа грянули „ура“ (*) —и его сіятельство былъ встрѣченъ начальникомъ штаба войскъ кавказской линіи и Черноморіи (временно-командующій войсками въ это время сопровождалъ князя и прибылъ вмѣстѣ съ нимъ и кавказскимъ гражданскимъ губернаторомъ). Въ это же время два протоіерея, отъ имени преосвященнаго Іереміи, архіепископа кавказскаго и черноморскаго, поднесли образъ Архистратига Михаила — ангела-соименника его сіятельства, символъ благословенія Господня на поприщѣ трудовъ, подъятыхъ для пользы православной нашей родины.

На другой день, то есть, 28-го числа, поутру, представлялись его сіятельству генералы, штабъ и оберъ-офицеры квартирующихъ войскъ и чиновники гражданского вѣдомства; въ 10 часовъ, князь, посѣтивъ преосвященнаго Іеремію, отправился въ военный госпиталь, оттуда въ тюремный замокъ, въ казармы кавказскаго линейнаго № 1-го баталіона, въ казармы, гдѣ расположена военно-арестантская рота, и въ пять часовъ изволилъ откупать на званномъ обѣдѣ у временно-командующаго войсками. На третій день, 29-го, посѣтилъ всѣ отдѣленія дежурства и генеральный штабъ войскъ кавказской линіи и Черноморіи, комиссаріатскую комиссію, провіантское комисіонерство, всѣ присутственныя мѣста, арестантскую роту гражданского вѣдомства, областную гимназію, былъ въ частномъ пансіонѣ благородныхъ дѣвицъ г-жи Щербо, отъ котораго была поднесена его сіятельству подушка, вышитая малолѣтними дѣвками, съ золотымъ вензелемъ князя намѣстника и съ изображеніемъ 1845 г., подъ которымъ, на темномъ фонѣ, едва замѣтными золотыми буквами, вышито было: *Андія. Дарю*. Однимъ словомъ,

(*) По случаю пробитія зари, почетный караулъ и музыка были отпущены.

Михаилъ Семеновичъ былъ вездѣ и видѣлъ все, ничто не ускользнуло отъ внимательности его сіятельства. Въ этотъ день здѣшнее купечество дало въ честь Михаила Семеновича на полтора ста человѣкъ великолѣпный обѣдъ. Въ столовой залѣ сіялъ освѣщенный огнями, сплетенный изъ цвѣтовъ, вензель князя намѣстника; а вечеромъ, передъ садомъ командующаго войсками, былъ сожженъ фейерверкъ. Намѣстникъ находился въ саду на терасѣ, окруженный первенствующими военными и гражданскими чинами, съ ихъ семействами; когда запылалъ вензель Михаила Семеновича, народъ грянулъ ура! и заглушилъ трескъ ракетъ взлетѣвшаго павильона.

На четвертый день, 30-го сентября, его сіятельство занимался у себя дома; вечеромъ былъ спектакль въ театрѣ, но Михаилъ Семеновичъ не могъ этотъ вечеръ посвятить публикѣ и прислалъ за себя въ театръ сына, князя Семена Михайловича. 1-го октября, въ праздникъ Покрова Богородицы, Михаилъ Семеновичъ слушалъ обѣдню въ кафедральномъ соборѣ (въ старомъ, новый еще не былъ оконченъ); по окончаніи литургіи, посѣтилъ преосвященнаго Іереію. 2-го октября, въ воскресенье, слушалъ обѣдню въ крестовой церкви при домѣ архіепископа; затѣмъ, былъ на званномъ обѣдѣ наказнаго атамана кавказскаго казачьяго войска, а вечеромъ удостоилъ посѣтить балъ благороднаго собранія; 3-е число посвятилъ занятіямъ. Наконецъ, 4-го октября проводили князя намѣстника; съ его отъѣздомъ грустно стало городу; какъ будто простились съ роднымъ; нѣсколько дней только и было разговора, что о привѣтливости и внимательности Михаила Семеновича.

Когда коляска скрывалась въ облакахъ пыли, цѣлая толпа стояла безмолвно, провожая глазами поѣздъ добраго начальника.

Во время пребыванія князя Михаила Семеновича въ Ставрополѣ, я написалъ его сіятельству въ стихахъ привѣтствіе, по случаю благополучнаго его возвращенія изъ экспедиціи подъ Дарго. По докладу объ этомъ князю состоявшимъ при немъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Михаиломъ Павловичемъ Щерби-

нинимъ, я получилъ, чрезъ начальника штаба генералъ-маіора Григорія Ивановича Филиппсона, разрѣшеніе — мое стихотвореніе поднести лично князю намѣстнику, и затѣмъ, въ день покоренія Варны, 29 сентября, въ домъ командующаго войсками, при общемъ приѣмѣ, я лично поднесъ мое сочиненіе его сіятельству. Князь весьма ласково принялъ слабый трудъ мой и внимательно благодарилъ меня. Вотъ это сочиненіе:

**Привѣтствіе князю намѣстнику Михаилу Семеновичу
Воронцову.**

Ораторія ().*

1.

Гражданинъ.

Воины-соколы, страшные въ брани,
Мысли, желанія вмѣстѣ сольемъ.
Весело съ ними, Кавказа граждане!
Вмѣстѣ пѣснь радости, вмѣстѣ споемъ.

Пѣвецъ.

Вождь, избранный Царемъ для новой славы,
Прійми привѣтъ отъ гражданъ и дружинъ!
Тебѣ давно знакомъ въ ущельяхъ путь кровавый,
Не въ первый разъ ты бросилъ громъ съ вершинъ...

(*) Эту ораторію предполагалось выполнить на сценѣ театра, но, послѣ разрѣшенія автору лично поднести свое сочиненіе его сіятельству, прежнее распоряженіе отмѣнено.

Вѣдь съ дружиною родною
Ты въ горахъ бывалъ не разъ;
И знакомъ тебѣ, герою,
Руси давній врагъ—Кавказъ.
Помнитъ горный мусульманъ
Закаты, Алазань.

Граждане.

Вѣрный щить страны родной,
Мудрый мужъ совѣта!
Правдой, истиной святой
Грудь твоя согрѣта.
Для отчизны ты готовъ
Въ пламя, въ воду, на край свѣта.
Честь Россіи—Воронцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины.

Грозный врагъ коварствамъ свѣта,
Въ битвахъ—гибель для враговъ,
Князь намѣстникъ Воронцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины и граждане.

Многія лѣта!

2.

Гражданинъ.

Гражданинъ, воинъ-ли—равно щить слабому;
Каждому долгъ свой отчизною даѣть.

Счастье отечества—радость Державному;
Воиновъ слава—слава гражданъ.

Пѣвецъ.

Намѣстникъ добрый добраго Царя!
Какъ не любить тебя сынамъ Россіи?
Когда Европы врагъ топталъ поля родныя,
Ты, къ родинѣ святой любовію горя,
Богатство, мужество и умственные силы,
И кровь, и жизнь отчизнѣ посвятилъ,
Спокойствіе—трудами замѣнилъ,
И трудъ готовъ нести до гроба, до могилы!...
Краонской битвы (?) лавръ твой украшаетъ щитъ;
А мечъ вручилъ тебѣ самъ Царь державный;
Во славу родины, на томъ мечѣ блеситъ:
„За покоренье Варны“ (8).

Граждане.

Вѣрный щитъ страны родной,
Мудрый мужъ совѣта!
Правдой, истиной святой
Грудь твоя согрѣта.
Для отчизны ты готовъ
Въ пламя, въ воду, на край свѣта.
Честь Россіи—Ворошцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины.

Грозный врагъ коварствамъ свѣта,
Въ битвахъ—гибель для враговъ,
Князь намѣстникъ Воронцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины и граждане.

Многія лѣта!

3.

Воинъ.

Что намъ дикихъ горъ громады,
Что для насъ толпы враговъ,
Ихъ завалы, палисады—
Если съ нами Воронцовъ!
Съ нимъ ходили наши дѣды;
Онъ отцовъ въ штыки водилъ;
Съ нами-жъ новый путь побѣды
Черезъ горы проложилъ.
Отъ ущелій Мечикала
До вершины Технудала
Врагъ испуганный дрожалъ;
Мы же, смѣлыми рядами,
Шли на приступы; штыками
Брали гору и заваль.
Мы-ль, друзья, въ пылу атаки,
Не сумѣли поражать?
Мы-ль, друзья, въ снѣгу биваки
Не сумѣли разбивать (*)?
Въ славномъ штурмѣ Анчимаера

(*) Когда, подъ личнымъ предводительствомъ Воронцова, тогда еще графа, отрядъ вошелъ въ ущелье Анчимаеръ, 16-го іюня 1845 г., выпалъ снѣгъ и лежалъ по 24-ое число.

Доказалъ врагу солдатъ,
Что гдѣ храбрость, честь и вѣра—
Тамъ въ прахъ ляжетъ супостатъ.
Мы исполнили штыками
Волю добраго Царя,
И въ прахъ пала передъ нами
Градъ-столица Шамиля.
Правда, жаденъ бой кровавый:
Много храбрыхъ тамъ легло,—
Но за то, прошли со славой
Андію, Дарго.

Воины.

Горы кремнистыя, скалы, крутизны,
Бездны съ тобою, нашъ вождь, перейдемъ.
Лишь укажи намъ—и мы, для отчины,
Чалму ледяную съ Эльбруса сорвемъ.

Пѣвецъ.

Лишь укажи на грозныя стремнины,
На неприступныя громады горъ,—
И вѣрныя кавказскія дружины
Умрутъ или рѣшатъ съ врагомъ кровавый споръ.

Граждане.

Вѣрный щитъ страны родной,
Мудрый мужъ совѣта!
Правдой, истиной святой
Грудь твоя согрѣта.
Для отчины ты готовъ

Въ пламя, въ воду, на край свѣта.
Честь Россіи—Воронцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины.

Грозный врагъ коварствамъ свѣта,
Въ битвахъ—гибель для враговъ,
Князь намѣстникъ Воронцовъ,
Здравствуй! Многи лѣта!

Воины и граждане.

Многія лѣта!

ФИНАЛЬ.

Пѣвецъ.

Безъ пышности и злата, и серебра,
Но, съ чувствомъ искреннимъ, тебя здѣсь принимаютъ,
Семейства бѣдныя молитвы возсылають,
Въ восторгѣ, юноши кричатъ ура!
А старцы слезы проливають.

Юноши.

Ура! Ура! Ура!

Пѣвецъ.

Да здравствуетъ намѣстникъ князь!
И да падетъ воинственный Кавказъ

Предъ силой русскаго Царя!
Граждане, воины! Царю ура!

Всѣ.

Ура! Ура! Ура!

25-го сентября проѣхала чрезъ городъ княгиня Елисавета Ксаверьевна. Почетное купечество, въ домѣ благороднаго собранія, въ честь ея сіятельства, дало блистательный балъ и богатый вечерній столъ, на который приглашено было 250 персонъ; за столомъ было 86-ть дамъ. Городъ былъ иллюминированъ; на бульварѣ, освѣщенномъ разноцвѣтными фонарями, мимо котораго должна была проѣзжать на балъ княгиня Елисавета Ксаверьевна, игралъ оркестръ полковой музыки; у подѣзда благороднаго собранія кипѣли толпы народа. Въ день пріѣзда княгини, городъ былъ иллюминированъ, вензель ея сіятельства надъ гостиннымъ дворомъ былъ освѣщенъ 3,500 плашекъ, а въ залѣ собранія, на малиновомъ фонѣ, подъ искусно отдѣланною драпировкою, красовался вензель княгини, сплетенный изъ живыхъ цвѣтовъ.

Примѣчанія къ приложенію первому.

(1). Крѣпость Ганджа, защищаемая Джавать-ханомъ ганджинскимъ, съ десяти тысячнымъ гарнизономъ, 3-го января 1804 года, взята приступомъ, въ полтора часа времени, отрядомъ, имѣвшимъ подъ ружьемъ три тысячи человѣкъ, при 11-ти орудіяхъ, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго въ Грузіи, генераль-

лейтенанта Циціанова. Въ крѣпости найдено 12-ть орудій, 6-ть фалконетовъ, одинъ штандартъ, 8-мь знаменъ, 55 пудовъ пороха и большой запасъ хлѣба. Крѣпость Ганджа, по представленію князя, украшена именемъ блаженныя памяти Императрицы Елисаветы Алексѣевны, подъ названіемъ „Елисаветполь“.

(Изъ донесенія князя Циціанова блаженныя памяти Государынь Императрицъ, отъ 3-го января 1804 г.).

(2) Князь Циціановъ обратилъ вниманіе на джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ, обитавшихъ за р. Алазанью и съ давняго времени разорявшихъ Кахетію, которые много надѣялись на хановъ аварскаго и кази-кумыкскаго. Партіи этихъ хановъ, имѣвшія до десяти тысячъ человѣкъ, 22-го октября 1803 г., были наголову разбиты отрядомъ генераль-маіора Гулякова, при урочищѣ Пекайро. Отрядъ состоялъ изъ кабардинскаго мушкетерскаго полка и шефскаго баталіона тифлискаго полка. Въ ночь, съ 9-го на 10-е число января 1804 года, генераль-маіоръ Гуляковъ, переправясь чрезъ рѣку Алазань при Александровскомъ редутѣ, вступилъ въ джарскую область; 12-го числа встрѣтился съ партіею лезгинъ, которая бѣжала отъ штыковъ русскихъ, оставя на мѣстѣ сто человѣкъ убитыми. Лезгины ретировались въ неприступное ущелье. Генераль-маіоръ Гуляковъ преслѣдовалъ ихъ, и 15-го числа пошелъ ущельемъ, называемымъ Закаталы. Отрядъ состоялъ изъ коннаго и пѣшаго грузинскаго ополченія, одного полка казаковъ, двухъ полковъ и одного баталіона пѣхоты и 140 человѣкъ стрѣлковъ, при одномъ орудіи. Едва только русскіе вступили въ ущелье, замѣнутое съ обѣихъ сторонъ каменистыми горами, непріятель открылъ сильный перекрестный огонь и бросился на отрядъ. Первые выстрѣлы стоили жизни генераль-маіору Гулякову. Смерть начальника, къ которому солдаты имѣли слѣпую довѣренность, разстроила на нѣсколько минутъ порядокъ въ колоннахъ, тѣмъ болѣе,

что находившіяся въ авангардѣ иррегулярныя войска бросились назадъ, прямо на колонны, смѣшали ихъ и многихъ столкнули въ глубокой оврагъ. Генераль-маіоръ князь Орбеліани, какъ старшій, принялъ начальство, возстановилъ порядокъ, отбросилъ непріятеля; но, не имѣя свѣдѣній относительно дальнѣйшихъ намѣреній покойнаго Гулякова, рѣшился отступить (*). Лезгины черезъ нѣсколько дней прислали къ князю Орбеліани депутатовъ, испрашивая пощады, а 3-го апрѣля прибыли въ Тифлисъ депутаты отъ всѣхъ лезгинскихъ обществъ, джаро-бѣлоканскаго союза и владѣній элисуйскаго султана.

(Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ кавказскихъ, II. Зубова. 1835 г.).

(3). 21-го апрѣля 1804 года имеретинскій царь Соломонъ вступилъ въ вѣчное подданство Россіи.

(Полное собраніе законовъ, томъ XXVII).

(4). Въ началѣ 1804 г., Абасъ-Мирза, сынъ Фетъ-Али-Шаха персидскаго, вступилъ въ Эриванскую область съ шестидесяти-пятью тысячами войска. Узнавъ о намѣреніи Магометъ-хана эриванскаго обратиться въ подданство Россіи, персидскія войска, въ первыхъ числахъ мая 1804 г., окружили Эриванъ и начали грабить форштаты; ограбили и разорили окрестныя деревни и монастырь Эчміадзинъ. Князь Циціановъ посланъ былъ въ необходимость дѣйствовать противъ персіянъ, потому что персіяне, овладѣвъ эриван-

(*) Миханлу Семеновичу суждено, чрезъ 40 лѣтъ, почтить память храбраго генерала Гулякова; онъ осмотрѣлъ мѣсто славной драки, мѣсто, напоминающее ему первыя лѣта военной молодости и первыхъ походовъ. Князь, въ ущельи Закаталахъ, соорудилъ памятникъ генералу Гулякову.

скимъ ханствомъ, могли открыть свободный путь въ предѣлы татарскихъ дистанцій и поколебать спокойствіе Грузіи; а потому, князь Циціановъ, 30 мая 1804 г., выступилъ противъ персіянъ и уничтожилъ силы сына шаха, Абасъ-Мирзы. Представляя объ отличившихся въ сраженіяхъ съ 20 на 26 іюня, главнокомандующій князь Циціановъ выражался въ слѣдующихъ словахъ о князѣ Михаилѣ Семеновичѣ: „При томъ, не могу особенно не рекомендовать при мнѣ находящагося за бригадъ-маіора, несмѣняющагося, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка поручика, графа Воронцова, который дѣятельностію и попечительностію своею, замѣняя мою дряхлость, большою мнѣ служить помощію и достоинъ быть сравненъ съ его сверстниками. О семъ дерзаю Всеподданнѣйше представить, зная священные правила Вашего Императорскаго Величества, по строгости коихъ служба сего молодаго офицера, обѣщающаго много для пользы службы, заслуживаетъ всеконечно Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества вниманія къ одобренію его“.

(Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ кавказскихъ, П. Зубова. 1835 г.).

(5). Осетины дѣлали частые набѣги на Карталинію, между тѣмъ, какъ другія племена беспокоили кордоны наши на Малѣѣ, Терекѣ и Кубани. Наконецъ, въ исходѣ октября 1804 г., главнокомандующій предпринялъ лично экспедицію въ осетинскій округъ, усмиривъ мятежниковъ и, водворивъ спокойствіе, въ декабрѣ возвратился въ Тифлисъ.

(Тамъ-же).

(6). Въ 1716 г., на рѣкѣ Хопрѣ, составились селенія изъ черкесъ, казаковъ и части персіянъ, проживавшихъ въ Саратовской губерніи, не приписанныхъ ни къ какому сословію. Впослѣдствіи

времени эти селенія обращены въ казачье сословіе и приняли названіе хоперскаго казачьяго полка. Этотъ-то полкъ, по Высочайше утвержденному докладу астраханскаго, новороссійскаго и азовскаго генераль-губернатора, князя Потемкина, 24-го апрѣля 1777 года, назначенъ къ перечисленію на линію между Терекомъ и Дономъ. Она линія (сказано въ докладѣ) прикрываетъ отъ набѣговъ сосѣднихъ горцевъ, границу между Астрахани и Дона. Въ описаніи линіи назначена подъ № 8 крѣпость на вершинѣ Егорлыка, называемой Ташла, которая, будучи первою крѣпостью къ черному лѣсу, прикрываетъ, обще съ крѣпостью № 7 (по калауской вершинѣ, называемой Аджилю) проходъ между калаускими вершинами и чернымъ лѣсомъ. Вотъ эта-то крѣпость № 8, подъ прикрытіемъ которой, съ 1777 года, возникла станица хоперскихъ казаковъ, есть основаніе Ставрополя; станица впослѣдствіи переименована въ уѣздный городъ; а 1822 г., іюля 24-го, именнымъ указомъ, даннымъ Сенату, Кавказская губернія переименована въ область, и уѣздный городъ Ставрополь назначенъ областнымъ.

(Полное собраніе законовъ, томъ V. XX и XXXVIII; см. приложение 4-е).

(7). Краонъ—небольшой городъ во Франціи (Craon petite ville du dép. de la Mayenne, sur l'Oudon). Подъ этимъ городомъ, въ 1814 г., въ то время графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, воевалъ свой егерскій полкъ въ штыки на французскую гвардію, и за отличіе въ этомъ сраженіи награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

(8). Въ память покоренія Варны, графъ Воронцовъ награжденъ шпагою съ алмазами и надписью „за взятіе Варны“; сверхъ того, его сіятельству пожаловано орудіе, взятое въ непріятельскомъ редутѣ ночью, съ 13-го на 14-е сентября. Здѣсь, кстати, припомнимъ, что Государь Императоръ, по взятіи Варны, въѣзжая

въ крѣпость чрезъ главные ворота, въ сопровожденіи войскъ, вступавшихъ чрезъ бреши и проломъ, соизволилъ сказать: „Смерть Владислава отомщена“. Эти слова скоро разнеслись по лагерю, а чрезъ нѣсколько дней мы уже читали данный на имя графа Воронцова рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Графъ Михайлъ Семеновичъ! Воздавъ жертву должной хвалы и благодаренія Богу, поборающему правдѣ и увѣнчавшему оружіе россійское новымъ блистательнымъ успѣхомъ, Я желаю почтить память Моего предшественника, утратившаго побѣду и жизнь, но не славу, подъ стѣнами покоренной нынѣ Варны. Здѣсь палъ, ратуя подъ знаменемъ Христовымъ, мужественный сынъ Ягайлы, Владиславъ, король польскій. Мѣсто его погребенія незнаемо, но да будетъ ему воздвигнутъ въ самой столицѣ Польши памятникъ его достойный. Назначивъ для сего ей, въ даръ, 12 турецкихъ пушекъ, изъ числа найденныхъ въ Варнѣ орудій, Я поручаю вамъ немедленно выбрать и отправить ихъ въ Варшаву, гдѣ оныя будутъ поставлены на приличномъ мѣстѣ, по распоряженію Его Императорскаго Высочества, Цесаревича, въ честь герою и въ честь храбрымъ россійскимъ войскамъ, отмстившимъ побѣдою за его паденіе.

Возлагая на васъ исполненіе Моей воли, пребываю къ вамъ всегда благосклонный“.

Послѣ этого рескрипта, въ лагерьъ подъ Варною говорили, что пушки, назначенныя въ Варшаву, отправлены были въ Одессу на двухъ военныхъ судахъ, и что одно изъ нихъ, бригъ „Змѣйка“, при берегахъ Каварны, потерпѣло крушеніе, и отправленныя на немъ орудія погибли. Во время усмиренія въ 1831 году мятежа въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ, ходили въ нашихъ войскахъ слухи, будто бы орудія, дошедшія изъ Варны до Варшавы, были поляками положены на лафеты и употреблены противъ нашихъ войскъ.

Впослѣдствіи, во время экспедицій на Кавказѣ, чины бывшей польской арміи, поступившіе уже въ наши полки, горячо опровергали эти слухи, утверждал, что если и было со стороны революціоннаго правительства подобное распоряженіе, то это было совершенно противъ воли регулярныхъ войскъ и народа.

II.

Нѣсколько словъ о построеніи города Ставрополя и объ учрежденіи кавказской кордонной линіи.

Историческій очеркъ.

Съ назначеніемъ меня ставропольскимъ полиціймейстеромъ (1857 г.), мнѣ представилась возможность и явилось желаніе ознакомиться съ исторіею ввѣряемаго моему полицейскому надзору города, который въ это время содѣлался уже центромъ военнаго и гражданскаго управленія кавказской кордонной линіи, проложенной отъ Чернаго до Каспійскаго моря, состоявшей подъ главнымъ начальствомъ командующаго войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи, при которомъ я служилъ по особымъ порученіямъ въ теченіи ровно десяти лѣтъ. Это мое намѣреніе тѣмъ удобнѣе было исполнить, что еще въ 1836 году я имѣлъ случай собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ городѣ.

Въ 1716 году, на рѣкѣ Хопрѣ, составились селенія изъ черкесъ, казаковъ и части персіянъ, проживавшихъ въ Саратовской губерніи и не приписанныхъ ни къ какому сословію. Впослѣдствіи времени эти селенія обращены были въ казачье сословіе и приняли названіе хоперскаго казачьяго полка; селенія этого полка находились невдалекѣ отъ донскихъ станицъ. Затѣмъ, по докладу астраханскаго, новороссійскаго и азовскаго генераль-губернатора, князя Потемкина, Высочайше утвержденному 24-го апрѣля 1777 года, — полкъ этотъ назначенъ къ переселенію на линію между Терекомъ и Дономъ. Оная линія (сказано въ докладѣ) прикрываетъ отъ набѣговъ сосѣднихъ горцевъ границу между Астраханью и Дономъ, далѣе, она соединитъ Азовскую губернію съ Астраханью и во время войны съ сосѣдними народами можетъ удержать стремленіе ихъ на наши земли... Линія, назначенная на картѣ, оставляетъ Моздокъ фланговымъ пунктомъ и идетъ чрезъ рѣки: Цулугу (Золка), Куму, по вершинѣ Карамыка, Тамузлова, Байбалы (Буйволка), Калауса, подлѣ чернаго лѣса, по Егорлыкамъ, при соединеніи вершинъ оныхъ, и внизъ—по большому Егорлыку до Маныча форпостами которые, по Манычу продолжаясь, примкнутъ около Черкасса къ Дону.

Въ описаніи этой линіи назначена подъ № 8-мъ крѣпость на вершинѣ Егорлыка, называемой Ташла, которая, будучи первою крѣпостью въ черному лѣсу, прикрываетъ, обще съ крѣпостью № 7-й (по калауской вершинѣ, называемой Аджилу) проходъ между калаускими вершинами и чернымъ лѣсомъ. Вотъ эта-то крѣпость № 8-й, подъ прикрытіемъ которой съ 1777 по 1785 годъ, возникла станица хоперскихъ казаковъ, переименованная, съ учрежденіемъ въ томъ-же 1785 году кавказскаго намѣстничества, въ уѣздный городъ *Ставрополь*, а въ 1822 году въ областной; въ настоящее же время этотъ городъ вошелъ въ число губернскихъ городовъ новаго кавказскаго намѣстничества, главное управленіе котораго въ г. Тифлисѣ.

Ко времени переселенія на сказанную линію хоперскаго полка, на ней были уже посты, то есть, поселенія казаковъ, обнесенныя плетневою огорожею, съ бойницами и передовымъ рвомъ; нѣкоторыя имѣли мѣстами земляные брустверы съ барбетами и амбразурами для орудій. Всѣхъ постовъ считалось 12, именно:

№ 1. На Курѣ. Нынѣ аулъ Орбеліановскій—	близь г. Моздока.
№ 2. На вершинѣ Куры. Нынѣ станица Государственная.	
№ 3. На Золкѣ (Цулугѣ)	„ „ Незлобная.
№ 4. На Подкумкѣ	„ „ гор. Георгіевскъ.
№ 5. На Томусловѣ	„ „ стан. Александровская.
№ 6. На вершинахъ би-
баленскихъ	„ „ хутора медвѣдскіе, въ вер-
шинахъ сухой Буйволы.
№ 7. По калауской вер-
шинѣ, называемой
Аджилю	„ „ Сергіевская.
№ 8. На вершинѣ Егор-
лыка, называемой
Ташла	„ „ Михайловская, близь Став-
рополя.
№ 9. На Егорлыкѣ	„ „ Новотроицкая.
№ 10. При трехъ дорогахъ: къ Кубани, къ Азову и къ Дону —	станица Средне-егорлыцкая.

Въ указѣ объ утвержденіи Таврической области, 2-го февраля 1784 г., сказано: „что же касается до кубанской стороны, то она по удобности имѣетъ вступить въ составленіе Кавказской губерніи“; а какъ островъ Тамань, вмѣстѣ съ полуостровомъ Крымомъ, составилъ въ то время Таврическую область, — то ясно, что Кавказская губернія тогда начиналась отъ р. Копыла (Черной Протоки), о которой упомянуто въ моихъ походныхъ запискахъ, (стр. 35), а потому, начинавшаяся отъ Моздока кордонная линія назы-

балась „моздокскою“, какъ это видно и изъ указа 10-го февраля 1784 г., которымъ предоставлено екатеринославскому и таврическому генералъ-губернатору, князю Потемкину, „линію моздокскую“ продолжить до Тамани и связать съ укрѣпленіями Ейскимъ и Фанагорійскимъ, которые и составили посты:

№ 11. Нынѣ городъ Ейскъ.

№ 12. „упраздненная крѣпость Фанагорія.

Затѣмъ, 17-го декабря того же 1784 г., послѣдовало распоряженіе о дозволеніи желающимъ переселиться въ Кавказскую губернію однодворцамъ, также экономическимъ и государственнымъ крестьянамъ Курской и Тамбовской губерній; на этомъ основаніи, однодворцы курскаго намѣстничества, въ числѣ 1,742 душъ, поселены неподалеку отъ Ставрополя, на рѣкѣ Ташлѣ.

Въ 1785 году, 9-го апрѣля, именнымъ указомъ положены были въ кавказскомъ намѣстничествѣ для дворянъ и губернскихъ чиновниковъ мундиры: темновишневый кафтанъ съ голубымъ бархатнымъ воротникомъ и косыми обшлагами, съ четырьмя пуговицами, подбой и камзолъ, такого же цвѣта, пуговицы бѣлыя на кафтанѣ, по обѣимъ сторонамъ гнѣздами, и карманы косые.

Въ томъ же 1785 году, 5-го мая, повелѣно генералъ-поручику, правящему должность генералъ-губернатора саратовскаго и кавказскаго, Павлу Сергѣевичу Потемкину, сдѣлать исполненіе по учрежденіямъ 7-го ноября 1775 года *и въ кавказскомъ* намѣстничествѣ; а какъ эти учрежденія изданы были для управленія губерній всей Россійской Имперіи,—то ясно, что въ то время, т. е., въ 1775 г., кавказское намѣстничество существовало, но въ немъ не введено было сказанное учрежденіе 1775 г., а 9-го мая, на его же, генералъ-поручика Потемкина имя, послѣдовалъ *именной указъ* объ устройствѣ кавказской губерніи и области астраханской. Въ этомъ же указѣ, между прочимъ, сказано: „Мы сходно представленію вашему, повелѣли губернскимъ городомъ быть Екатеринограду,

назначили раздѣленіе уѣздовъ по настоящему положенію *Кавказской губерніи и области того же имени.*

Изъ этихъ двухъ указовъ видно, что кавказское намѣстничество состояло: изъ Астраханской области съ областнымъ городомъ Астраханью, Кавказской губерніи съ губернскимъ городомъ Екатериноградомъ, и собственно Кавказской области, которая, какъ выше было объяснено, простиралась до острова Тамани включительно. Огносительно же надѣленія землями желающихъ селиться въ Кавказской губерніи, сказано въ указѣ: „вы не оставите земли, остающіяся отъ надѣла, раздать для населенія и заведенія хозяйства желающимъ, на такомъ основаніи, какъ предписано было Нашему генераль-фельдмаршалу князю Григорію Александровичу Потемкину, по его управленію тогдашнему въ Астраханской губерніи и на новой линіи“. Въ этотъ же годъ, 1-го іюня, послѣдовалъ указъ о дозволеніи селиться въ кавказскомъ намѣстничествѣ и объ отсылкѣ въ оное отставныхъ отъ воинской службы нижнихъ чиновъ. Вслѣдъ затѣмъ, вскорѣ, именно—14-го іюля, обнародованъ указъ о дозволеніи иностранцамъ селиться по городамъ и селеніямъ Кавказской губерніи и отправлять безпрепятственно торги, промыслы и ремесла. 13-го же августа, опредѣлены границы Таврической области, о которыхъ въ 6-мъ пунктѣ указа значится: „границы Таврической области должны остаться по Калаусу, присовокупля къ нимъ донскія селенія, а къ Таману присоединя земли отъ Кубани по черту, назначенную на картѣ отъ васъ представленной“. Черта эта есть граница современной Черноморіи съ Ставропольскою губерніею.

Изъ Высочайше утвержденного доклада правительствующаго Сената 4-го ноября 1785 г., положительно видно, что кавказское намѣстничество состояло изъ двухъ провинцій: Кавказской и Астраханской, которое съ 1786 года, при содѣйствіи правительства, необыкновенно быстро начало заселяться. Въ этотъ годъ едва послѣдовало, 21-го января, торжественное открытіе присутственныхъ мѣстъ намѣстничества, какъ послѣдовали указы: 18-го марта, генераль-

поручику Потемкину—поселить въ Кавказской губерніи калмыковъ; 11-го апрѣля, президенту военной коллегіи князю Потемкину—о сформированіи войска изъ горскихъ кавказскихъ жителей; 3-го іюня—о высылѣ женъ отставныхъ солдатъ, поселенныхъ въ намѣстничества; 16-го августа—о порядкѣ переселенія туда жителей изъ разныхъ мѣстъ; 26-го того-же мѣсяца—объ обращеніи большой и малой Кабарды въ поселенное войско, и въ то же время генералъ-фельдмаршалъ князь Потемкинъ уполномоченъ принимать подѣ Державу и покровительство Россіи кавказскіе народы; 3-го сентября—о дозволеніи крестьянамъ казеннаго вѣдомства переселиться въ кавказское намѣстничество, по отобраніи напередъ отъ остающихся въ ихъ жительствохъ согласія о платежѣ за нихъ въ теченіи указанного срока казенныхъ податей.

Послѣ продолженія моздокской кордонной линіи до Тамани и соединенія ея съ укрѣпленіями Ейскимъ и Фанагорійскимъ, 24-го апрѣля 1777 года, послѣдовало Высочайшее утвержденіе доклада астраханскаго, новороссійскаго и азовскаго генералъ-губернатора, князя Потемкина, объ учрежденіи линіи отъ Моздока до Азова, изъ котораго видно, что князь Потемкинъ только-что въ то время принялъ подѣ свое начальство Астраханскую губернію, въ которой принадлежалъ и Кавказъ, и что въ то время былъ астраханскимъ губернаторомъ генералъ-маіоръ Якоби. Далѣе, въ докладѣ значится: „гдѣ построив новыя укрѣпленныя селенія (въ томъ числѣ на Ташлѣ) указать назначеннымъ къ переселенію на ту линію волжскому войску, также хоперскому казацкому полку, имѣющему селеніе свое въ 27 верстахъ отъ донскихъ станицъ и, слѣдовательно, въ ненужномъ мѣстѣ расположенному, указать перейти туда наступающею весною“. Затѣмъ, въ 4-мъ пунктѣ доклада пояснено: „назначенныя вновь линейныя укрѣпленія наименовать какъ угодно будетъ, а царицынскую линію, которая теперь никакого уже предмета и защиты не составляетъ, оставить, и сими способами кубанская степь будетъ преграждена“.

Построеніе этой новой линіи, заселеніе таковой войсками и командованіе оными возложено на губернатора, генераль-маіора Якоби.

Въ 1789 году (27 января) повелѣно кавказскому намѣстническому правленію предписать, дабы оное, по поступленіи съ бѣглыми разнаго званія людьми въ Кавказскую губернію, зашедшими по указу 8-го апрѣля 1763 года, то есть, причисляя ихъ къ казенному вѣдомству сего намѣстничества, сообщало прямо отъ себя во всѣ тѣ мѣста, откуда оные бѣжали, чтобы таковые казеннаго вѣдомства люди въ тѣхъ мѣстахъ были исключены, а помѣщикамъ бѣглыхъ крестьянъ зачислены были въ рекруты.

Въ 1790 году (30 апрѣля) повелѣно правленіе губерніи Кавказской, съ палатами и съ прочими мѣстами, перенести изъ Екатеринограда въ Астрахань; уѣздъ же екатериноградскій раздѣлить по лучшей удобности и присоединить къ другимъ ближнимъ уѣздамъ; а 14-го августа того же года повелѣно и нижнюю расправу изъ Екатеринограда перевести въ г. Георгіевскъ, гражданству дозволить перейти въ желаемые города; казенныя строенія гражданскаго вѣдомства передать воинскому начальнику (*). Съ этого времени въ

(*) Къ доводу правителя кавказскаго намѣстничества, генераль-маіора Бранчанинова, по которому послѣдовалъ этотъ указъ 14 августа, приложена любопытная вѣдомость о величинѣ тѣхъ строеній: домъ генераль-губернаторскій, съ флигелями, и присутственныя мѣста о 57 комнатахъ, вице-губернаторскій домъ о 14 комнатахъ, домъ экономіи директорскій о 13 комнатахъ, домъ для *аманатчиковъ*, въ коемъ нынѣ (1790 г.) находится народное училище, о 20 комнатахъ; при немъ погребъ для владыи льда; домъ для *аманатовъ* о 19-ти комнатахъ; для совѣтника таможенныхъ дѣлъ о 7 комнатахъ; кордегардія, въ коей нынѣ (1790 г.) состоитъ гауптвахта, о 8 комнатахъ; деревянный амбаръ, въ коемъ находится соль, о 3-хъ перегородкахъ; магазины: винный съ перегородкою и владовая палата съ предвыходомъ.

Примѣчаніе. Вѣроятно, *аманатами* назывались собственно заложники, а *аманатчиками* — заведывающіе аманатами.

Авт.

Георгіевскѣ соединились гражданское и военное управленія краемъ.

Вскорѣ затѣмъ, въ 1791 г. (23 іюля) генераль-фельдмаршалу князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому повелѣно: изъ тептерей и бобылей составить пятисотенный казачій полкъ и наименовать его уфимскимъ казачьимъ полкомъ, а 28-го февраля 1792 г. послѣдовалъ генераль-аншефу Гудовичу указъ о приведеніи терской линіи въ лучшее оборонительное состояніе, о поселеніи шести донскихъ полковъ на кавказской линіи и объ учрежденіи суда и расправы для кабардинцевъ.

Въ такомъ положеніи охраненіе границъ нашихъ на сѣверномъ Кавказѣ существовало до перенесенія военнаго и гражданского главныхъ управленій, въ 1822 г., какъ выше сказано, изъ Георгіевска въ г. Ставрополь; послѣ чего, г. Георгіевскъ поступилъ въ число заштатныхъ городовъ, съ упраздненною и обезоруженною крѣпостью, въ которой до настоящаго времени сохранились старыя казенныя зданія, въ которыхъ помѣщаются артилерійскіе склады съ мастерскими и квартируетъ управленіе георгіевскаго окружнаго арсенала.

III.

Проѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей Николая Николаевича Старшаго и Михаила Николаевича, чрезъ г. Георгіевскъ, Ставропольской губерніи, 9-го октября 1858 года.

Въ цѣломъ свѣтѣ есть одна только нація, которая говоритъ: батюшка-Царь, матушка-Россія. Эти священные названія Царю и

своему отечеству доказываютъ уже, какою любовью народъ нашъ любитъ Государя и родину. Конечно, при такой мысли, въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ наше отечество, слившееся, при своей разноплеменности, въ одну душу, преданную царственному Дому,—пріѣздъ членовъ Императорской Фамиліи въ каждомъ городѣ составляетъ эпоху, составляетъ какъ бы семейный праздникъ, на которомъ жители всѣхъ сословій радуются одною радостію, пылаютъ однимъ желаніемъ: привѣтствовать дорогихъ Гостей и излить предъ Ними чувства своей преданности.

Изъ первыхъ распоряженій главныхъ начальствъ на Кавказѣ, о путешествіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей Николая Николаевича Старшаго и Михаила Николаевича, по кавказскому краю, также изъ циркуляровъ комитета, по этому случаю учрежденнаго въ г. Ставрополѣ, видно было, что высокіе Путешественники не располагали путь свой чрезъ заштатный городъ Георгіевскъ, а предпринимали побывать въ г. Пятигорскѣ, и оттуда проѣхать прямо чрезъ станцію Лысогорскую, станицу Александрійскую, въ Ставрополь; такимъ образомъ, Георгіевскъ оставался въ сторонѣ, за 15-ть верстъ отъ пути слѣдованія Великихъ Князей, а счастливый Пятигорскъ, со своими величественными высотами, цѣлительными источниками, замѣчательными галереями, готовился блеснуть всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, которымъ одарила его природа и украсило заботливое правительство: блистательный фейерверкъ, замѣчательная иллюминація, щитъ въ двѣнадцать аршинъ высоты и въ восемь аршинъ ширины, съ вензелевымъ изображеніемъ именъ Ихъ Высочествъ; наконецъ, изящно меблированные покои для временнаго дворца,—все это было уже готово, и жители съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда царственныхъ Гостей. Въ этомъ случаѣ, нашъ бѣдный городокъ, когда-то губернский, сосредоточивавшій въ себѣ главныя военное и гражданское управленія на Кавказѣ, завидовалъ счастливому своему сопернику—Пятигорску, любимцу природы, отнявшему отъ него уѣздъ—послѣднее утѣшеніе послѣ по-

тери выгоды и достоинствъ губернскаго города; Георгіевскъ, говоря, завидовалъ счастію Пятигорска и готовилъ только скромную депутацію для встрѣчи съ хлѣбомъ и солью, въ ст. Александрійской, высокодостойныхъ Братьевъ вѣнчаннаго Отца отечества.

Октября 6-го, начальникъ губерніи проѣхалъ чрезъ Георгіевскъ въ Пятигорскъ, для личныхъ распоряженій, о приѣмѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ; едва его превосходительство успѣлъ выѣхать изъ города, какъ вдругъ, чрезъ почтовое вѣдомство, дано было знать, что высокіе Путешественники взяли путь на Екатериноградъ, Георгіевскъ, Ставрополь, въ Тамань, и что въ Георгіевскъ благоволятъ прибыть именно 11-го октября. Начальникъ губерніи, узнавъ объ этомъ въ Пятигорскѣ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы все, приготовленное въ Пятигорскѣ для встрѣчи Великихъ Князей: фейерверкъ, иллюминація, музыка, мебель для дома, даже обѣденный столъ, однимъ словомъ, все, что только тамъ устроено, было-бы перевезено въ Георгіевскъ. На другой день, то есть, 7-го числа, начальникъ губерніи проѣхалъ чрезъ городъ для встрѣчи Великихъ Князей во Владикавказѣ и рассказалъ о своемъ распоряженіи. Послѣ такого распоряженія, жителямъ Георгіевска оставалось одно: сложить руки и беззаботно ожидать счастія увидѣть дорогихъ Гостей.

8-го числа, въ три часа послѣ полудня, прискакалъ курьеръ съ открытымъ извѣстіемъ отъ начальника праваго крыла кавказской линіи, что Ихъ Императорскія Высочества изволятъ выѣхать изъ Владикавказа 8-го октября, то есть, въ тотъ же день, въ 2 часа пополудни, и продолжаютъ путь свой чрезъ Екатериноградъ, Георгіевскъ, Ставрополь, въ Тамань, день и ночь; а какъ Георгіевскъ отъ Владикавказа въ 185-ти верстахъ, то, по расчету времени, высокіе Путешественники должны были прибыть въ Георгіевскъ въ 5-ть или въ 6-ть часовъ утра, 9-го числа. Такое извѣстіе порадовало, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и озаботило жителей Георгіевска: на Пятигорскъ надежда уже пропала, готовить достойно-при-

личный приём—поздно, осталось дѣйствовать по пословицѣ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

По полученіи послѣдняго извѣщенія чрезъ курьера, собрались въ квартирѣ городничаго господъ начальники частей, квартирующихъ здѣсь войскъ, городской голова, съ почетными жителями, и рѣшили общимъ совѣтомъ: приготовить иллюминацію возможную по средствамъ и краткости времени, приготовить также холодную закуску, бульонъ, чай и кофе,—на случай, если бы Ихъ Императорскія Высочества, путешествуя цѣлую ночь, пожелали бы сдѣлать здѣсь отдыхъ, а, можетъ быть, вздумали бы взглянуть на бывшій кавказскій окруженный, нынѣ лѣваго крыла кавказской линіи, арсеналь,—но и тутъ бѣда: нѣтъ въ городѣ ни одного экипажа, приличнаго для высокихъ Гостей; экипажи же, назначенные на этотъ случай, изъ Пятигорска на 11-е число еще не прибыли.

Хотя, въ этомъ случаѣ, положеніе мѣстнаго начальства было странно-затруднительно, однако, къ четыремъ часамъ утра, все предположенное было уже готово, и улица, по которой долженъ былъ слѣдовать поѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, домъ для Нихъ приготовленный и ограда соборной церкви, заблестали огнями двухъ тысячъ плашекъ, а ночь скрыла мѣстные недостатки города, похожаго болѣе на большое село.

Въ четвертомъ часу проскакалъ фельдъегерь и передалъ волю Великихъ Князей, чтобы никакой парадной встрѣчи для Ихъ Высочествъ дѣлаемо не было,—поэтому, приготовленный отъ мѣстныхъ войскъ почетный караулъ былъ распущенъ; но чувствамъ сердца запретить было нельзя: съ раннаго утра весь городъ былъ на ногахъ. Солнце взошло; иллюминація догарала,—и городъ вполне открылъ свое полуразрушенное состояніе.

Въ 8-мъ часовъ утра, показался поѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ; приближеніе поѣзда было объявлено жителямъ пушечнымъ выстрѣломъ; при вѣздѣ въ городъ, Ихъ Императорскія Высочества встрѣчены были городничимъ, который отрапортовалъ о

благополучіи города, указаль экипажу путь слѣдованія къ приготовленному дому, около котораго собрались начальники частей войскъ, съ своими офицерами, и почетные граждане съ хлѣбомъ и солью, и гдѣ также готовы уже были почтовые лошади, поставленные въ порядкѣ, по номерамъ. При въѣздѣ въ городъ, громкое ура! привѣтствовало царственныхъ Гостей, а крѣпость, при колокольномъ звонѣ, салютовала двадцати однимъ пушечнымъ выстрѣломъ.

Великіе Князья вышли изъ экипажей, удостоили принять предложеніе гражданъ — откушать чаю и наскоро приготовленный завтракъ; между тѣмъ, Его Императорское Высочество генералъ-фельдцейхмейстеръ, въ сопровожденіи командующаго войсками праваго крыла кавказской линіи, начальника артилеріи того крыла и ставропольскаго гражданскаго губернатора, отправился осмотрѣть арсеналь; при этомъ, посѣтилъ мастерскія, осматриваль издѣлія оконченныя и неоконченныя; въ числѣ оконченныхъ, Его Высочество изволилъ обратить особенное вниманіе на полевые и горные лафеты, которые, по чистотѣ отдѣлки и оковки, не могли быть незамѣченными. Его Высочество пожелаль знать: изъ какого лѣса дѣлаются эти лафеты; командиръ арсенала, артилеріи капитанъ Сенаторскій, положительно объяснилъ, что на эти лафеты употребляется лѣсъ мѣстной породы, и именно — *карагачъ* (*), не уступающій въ прочности дубу. Осмотрѣвъ арсеналь и посѣтивъ казармы, Его Высочество удостоилъ личною благодарностію командира арсенала и нижнимъ чинамъ благоволилъ пожаловать мясную и винную порціи.

Послѣ арсенала, Его Высочество осмотрѣлъ склады бывшаго георгіевскаго артилерійскаго гарнизона, остался доволенъ порядкомъ и чистотою, одобрилъ зданія и устройство пороховыхъ по-

(*) Мѣстное названіе — карагачъ или карагучъ; въ великороссійскихъ губерніяхъ — вязь (*ulmus effusa*); эта порода дерева, въ заграничной артилеріи употребляется на лафетныя станины; во Франціи извѣстна подъ названіями: *urteau*, *ureteau*, *orme*. Порусски — *илемъ*, *илемовое* дерево. *Азм.*

гребковъ, почтилъ личною благодарностію командующаго гарнизонѣмъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ по возвращеніи генераль-фельдцейх-мейстера, Ихъ Императорскаго Высочества изволили сѣсть въ экипажъ, и, сопровождаемые радушнымъ, громкимъ ура!—отправились далѣе въ путь, по дорогѣ къ Ставрополю.

М. Ф. Федоровъ.

10-го октября, 1858 года.
Георгіевскъ.

